

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАРТ
АПРЕЛЬ **N2(110)**

МОСКВА 2017

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

2017. № 2. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев;
член-корр. РАН Р.С. Гринберг; к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
академик РАН В.Л. Макаров; д.э.н., проф. С.П. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета; д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
к.и.н. И.П. Смирнов; д.э.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.П. оглы Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); член-корр. НАУ А.А. Гриценко;
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н. К.А. Зимарин;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль);
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия);
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В.М. Юрьев (Тамбов); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакционная коллегия:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова (научный редактор), А.А. Антропов, С.С. Мерзляков,
К.В. Молчанов, С.С. Нипа, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына (редактор)

Организационно-техническое сопровождение:

О.Б. Лемешонок, Н.П. Недзвецкая, И.А. Ольховая, А.В. Осипова
Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.philh.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2017

Содержание

Стоит ли?.. (Главный редактор).....	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Компромисс, или Разум против Безумия	11
<i>В.К. Королев, О.В. Евграфова</i>	
Философия хозяйства как «метафизика» неоэкономики: проблема человека	18
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Софийная инфернавтика хаоса	27
<i>С.А. Строев</i>	
Индустрия потребностей и желаний как инструмент управления	40
<i>В.П. Океанский, Ж.Л. Океанская</i>	
Неподконтрольный хаос и хозяйствующая цивилизация.....	58
<i>И.Р. Бугаян</i>	
Предпринимализм и предпринимательство, экономика и общественный сектор: соотношение и мера.....	61
<i>Л.К. Чулков, Г.М. Пурынычева</i>	
Этика труда русского земледельца	70
<i>Т.И. Коптелова</i>	
Коммерческая сущность интернета — узость современных коммуникаций с точки зрения логики органического	76
<i>О.В. Нифаева</i>	
Этика социально-экономического развития	84
<i>Т.М. Хусяинов</i>	
Тенденции геймификации и креативизации в трудовых отношениях эпохи Постмодерна	93
Раздел II. Экономическая теория	
<i>М.Л. Альпидовская</i>	
Социально-экономическое развитие современной России неизбежность устранения антисистемных проявлений	107
<i>А.П. Бабаев</i>	
Политико-экономические аспекты развития и применения инноваций.....	124
<i>К.В. Молчанов</i>	
Проблема экономических определений и качественно новое развитие экономической теории	135
<i>А.А. Гулиева</i>	
Значение социальных инвестиций для развития национальной экономики	145

Раздел III. Актуальная философия

В.А. Кутырёв

Прощальные песни 155

Ф.И. Гиренок

Россия: что делать, когда мы не понимаем, что нужно делать? 163

Т.И. Пороховская

Современный ценностно-нормативный кризис:

симптомы и следствия 170

А.Ю. Горбачев

Смысл жизни. Тезисы 180

А.А. Козлачков

О софийной троичности субъекта мышления 185

М.Е. Бойко

Проблема оправдания боли (алгодицен)

в интерпретациях П. Слотердайка и С.Л. Франка 197

А.Р. Геворкян

Нацеленность метафизики на проблему Абсолюта 206

Раздел IV. Российское перестроение

М.Г. Покидченко

История возникновения дирижизма

и перспектива его использования в России 221

С.В. Бирюков

«Перестройка 2.0» и российское переустройство:

принципиальное различие двух стратегий 230

И.М. Теняков

Производительность труда как фактор

неоиндустриального роста российской экономики 239

Рецензии и отклики

Не смог смолчать, или Признательное приободрение (*Юбиляр*) 251

А.И. Субетто

Дилемма хаоса и порядка:

на пути к ноосферной управляемой экономике 252

А.А. Субботин

Планетарный эволюционизм и Россия,

где Земля затаилась на время 259

Научная жизнь

Е.С. Зотова

Экономика как творящий хаос:

дискуссия в Московском университете 272

С.С. Нипа, Т.С. Сухина

Социально-экономические компромиссы как потребность времени 284

И.П. Смирнов

Компромисс противоречит политкорректности 289

Наши авторы 295

Contents

Is it worth?.. (<i>Chief Editor</i>).....	
Part I. Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Compromise, or Mind Against Madness.....	11
<i>V.K. Korolyov, O.V. Evgrafova</i>	
Philosophy of Economy as Neoeconomy «Metaphysics»: the Problem of Man	18
<i>N.B. Shulevski</i>	
Sophia Hopelessness of Chaos.....	27
<i>S.A. Stroev</i>	
Industry of Need and Wishes as the Management Tool	40
<i>V.P. Okeanski, J.L. Okeanskaya</i>	
Uncontrollable Chaos and Economic Civilization	58
<i>I.R. Bugayan</i>	
Entrepreneurship and Entrepreneurship, Economy and the Public Sector: the Ratio and Measure.....	61
<i>L.K. Chulkov, Г.М. Пурьнычева</i>	
Russian Farmer's Work Ethic	70
<i>T.I. Koptelova</i>	
Commercial nature of the Internet: the Narrowness of Modern Communications in Terms of the Logic of Organic.....	76
<i>O.V. Nifaeva</i>	
Ethics of Social Economic Development.....	84
<i>T.M. Khusiyanov</i>	
Trends of Gamification and Creativization in Labor Relations of Postmodern Era	93
Part II. Economic Theory	
<i>M.L. Alpidovskaya</i>	
The Socio-economic Development of the Modern Russia: The Inevitability of the Troubleshooting of the Anti-systemic Manifestations	107
<i>A.P. Babaev</i>	
Political and Economic Aspects of Development and Application of Innovations	124
<i>K.V. Molchanov</i>	
Economic Definitions Problem and Qualitatively New Development of Economic Theory	135
<i>A.A. Gulieva</i>	
The Importance of Social Investment For the Development of the National Economy	145

Part III. Actual Philosophy	
<i>V.A. Kutyryov</i>	
Songs to Say Goodbye	155
<i>F.I. Girenok</i>	
Russia. What Should We Do if We Don't Know What to Do?.....	163
<i>T.I. Porokhovskaya</i>	
Modern Value-Normative Crisis: Symptoms and Effects	170
<i>A.Yu. Gorbachev</i>	
The Sense of Life Abstracts	180
<i>A.A. Kozlachkov</i>	
About Sophiant Trinity the Subject of Thought	185
<i>M.E. Boiko</i>	
The Problem of Vindication of Pain (Algodicy) in the Interpretations P. Sloterdijk and S.L. Frank	197
<i>A.R. Gevorkyan</i>	
The Focus of Metaphysics on the Problem of the Absolute.....	206
Part IV. Russian Reconstruction	
<i>M.G. Pokidchenko</i>	
The History of Dirigisme and Prospect of it in Russia.....	221
<i>S.V. Biryukov</i>	
«Perestroika 2.0» and «The Russian Reconstruction of Society»: the Fundamental Difference Between the Two Strategies	230
<i>I.M. Tenyakov</i>	
Labor Productivity as a Factor of Neo Industrial Growth of the Russian Economy.....	239
Reviews and Responses	
Couldn't Stay Silent, or Encouraged Appreciation	251
<i>A.I. Subetto</i>	
Dilemma of Chaos and Order: on the Way Towards Noospheric Controlled Economy	252
<i>A.A. Subbotin</i>	
Planetary Evolutionism and Russia, Where the Earth Has Slowed Down for a While.....	259
Scientific Life	
<i>E.S. Zotova</i>	
Economics as a Creative Chaos: Discussion at Moscow University.....	272
<i>S.S. Nipa, T.S. Sukhina</i>	
Social-Economic Tradeoffs as a Need of Time.....	284
<i>I.P. Smirnov</i>	
Compromise Contradicts Political Correctness.....	289
Our Authors	298

Стоит ли?..

Стоит ли под предлогом и под видом пресловутой административно-менеджеральной «оптимизации» кошмарить и гробить фундаментальную науку вообще и гуманитарную «фундаменталку» в частности?

Вопрос, увы, не риторический, а вполне реальный, как и вполне судьбоносный: «Быть сему или не быть?», — что атакующему науку кошмару, что атакуемой кошмаром науке, а вместе с тем, как это ни странно, и человеку вообще, культуре вообще, цивилизации вообще, нации вообще, России вообще!

Устранение из интеллектуально-духовного обихода такой его составляющей, как фундаментальная наука, в особенности гуманитарная, — не просто содержательное обеднение человека и социума, но и самая настоящая их когнитивно-мыслительная стерилизация, «черная дыра», которая не может быть ни замещена, ни восполнена ничем другим — более вроде бы всем понятным и всеми охотно-де применяемым: ни занимательной технологикой, ни ювенальным изобретательством, ни потешной литературой, ни выхолощенным искусством, не говоря уже о вездесущих и велеречивых масс-медиа.

Фундаментальное знание — не что иное, как добытое веками, трудом и кровью «золотое достояние» человечества, без которого уже нет ни сознания с осмыслением, ни образования с познанием, ни созидания с движением к чему-то иному.

«Фундаменталка» — тонкое, хрупкое и очень уязвимое навешенное над обыденным, житейским и даже научно-исследовательским массивом, нуждающееся не только в благоволении, сбережении и поддержке, но и в особом рода творческом парении, свободном от формалистики, рейтингования, давления близких полезностей и лукавой экономической эффективности. Здесь ведь зона не так исследований с практическими результатами, которые можно еще и выгодно продать, а глубоких, длительных и весьма абстрактных размышлений, перемежаемых внезапными озарениями и молниеносными откровениями, сопряженными накрепко с трансцендентностью.

Ученые-фундаменталисты — что-то вроде волхвов, жрецов, мудрецов, даже, если угодно, и алхимиков, ибо они имеют дело непосредственно с основами мироздания, включая и homo-социальную экзистенцию, — и сегодня все эти «алхимики» бытуют не поодиночке, а интернациональным миром, безмерным скопом, живыми сообществами, где каждому адепту отводится талантами и судьбою особое потребное науке место: творца ли, знатока ли, судии ли, помощника ли, хранителя ли, — и что при этом важно: фундаменталистом стать и быть совсем не просто, даже и помощником, не говоря уже о знатоках и творцах, ибо тут потребны большие и разнообразные знания, особые навыки и нестандартные ходы, обретаемые годами большой учебы, систематического чтения, погружения в толщу науки, пристальным наблюдением за всем бытием сразу, глубокими надо всем размышлениями и мучительными ото всего переживаниями; здесь гонится особенная творческая жизнь, не безразличная к личному самоотрешению и небезболезненной травматике, включая и драматические разочарования, а не просто бодрая деятельность, тем более ради того или иного материального гешефта: тут в ходу особое призвание, то ли даруемое высшими силами, то ли ими назначаемое, но все-таки не что иное, а именно призвание, чуть ли не от рождения.

К «фундаменталке», в особенности гуманитарной, надо бы относиться с почтением, со вниманием, бережно, а тут... хоть и научно-де (информативно-менеджерально) обоснованное, но зато пахнущее каким-то пещерным невежеством, угнетение фундаментальной науки, высокого интеллекта, большой смысловой культуры!

Зачем, ради чего?

Ожидаемого практического результата или той же бюджетной экономии, а может, и ради всамделишной ликвидации?

Чего же тут больше: глупости, заблуждения или преступления?

Наука, не желающая иметь и содержать *высший национальный интеллект*, будет содержать другой — колониальный, вовсе и не высший, а вполне и примитивный, мало того — она обречена на умственную деградацию и практическое исчезновение!

Так стоит ли российскому правлению кошмарить национальную науку, в особенности — «фундаменталку», а с особым рвением — «гуманитарку», а-а?

Главный редактор

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Компромисс, или Разум против Безумия

Аннотация. Рассматривается актуальная проблема компромиссов в национальном и в особенности международном измерениях. Приводятся примеры как успешных компромиссов, так и ждущих своего разрешения. Среди последних общемировой экономической (валютно-финансовый) компромисс, а также пан-европейский геостратегический компромисс, включающий в себя и компромиссное разрешение украинского вопроса.

Ключевые слова: компромисс, национальный компромисс, международный компромисс, общемировой компромисс, пан-европейский компромисс, история, экономика, политика, мир, война, геостратегия.

Abstract. The article examines the actual problem of compromise in national and especially international dimensions. The author gives some examples both successful compromises and problems waiting for solution. Among last ones there are such problems as global economic (monetary) compromise and pan-European geo-strategic compromise that including the compromise solution of the Ukrainian problem.

Key words: compromise, national compromise, international compromise, global compromise, pan-European compromise, history, economics, politics, peace, war, geostrategy.

УДК 330:1
ББК 65.5

«Худой мир лучше доброй ссоры» — гласит народная пословица. Факт, в особенности ежели мир не такой уж худой, а ссора еще только набирает обороты.

Политика — искусство возможного, хотя, скорее, искусство все-таки невозможного, отчего компромисс — как раз и есть высшая политика. Из всякой сложной ситуации можно выйти вполне достойно, не теряя ни своего достоинства, ни своего достояния. Не теряя и лица!

Компромисс — надежное средство выхода из безнадежных ситуаций, восходящее к добровольно и обращенное к взаимной, если не всеобщей, выгоде.

Компромисс — наименьшее антикризисное деяние, знаменуемое торжеством Разума над Безумием! Тут важна воля, а еще важнее ум (или рассудок), причем ум, способный воспринимать не одни лишь текущие моменты и окружающие обстоятельства, а и скрытые, не бросающиеся в глаза и не бьющие в уши потребности бытия, истории, развернутого в пространстве времени и даже свернутой в невидимую точку вечности.

Компромисс — *вынужденность*, но обязанная четкому осознанию необходимости и неизбежности выхода на взаимное согласие, на меру, на самоограничения, даже и на ту или иную уступку: либо в разрешении острой проблемы, либо в приемлемом для разных сторон образе поведения, — а вовсе не какое-то там проявление дружбы, братства или вселенской любви. Компромисс — *трезвый расчет*, восходящий к предпочтению мира, сосуществования, невмешательства над напряжением, конфронтацией и войной.

Бытие, жизнь, существование человека не минуют, конечно, борьбы, как не минуют они и кооперации, сотрудничества, солидарности. И где-то в гуще всего этого обязательно дают о себе знать компромиссы, иной раз и не слишком субъективно осознанные. Без компромиссов в общем-то никуда!

Компромисс — всегда согласие с кем-то и на что-то, но согласие, как правило, со взаимными уступками. И эти-то уступки — самое важное, весомое и... болезненное в компромиссе. Какие-такие уступки, до каких пределов и каких пор, с какими последствиями для участвующих в нем сторон?

Компромиссов всяких — великое множество: можно даже соорудить обширную их типологию, но, оставив сию каторжную работу на долю подневольных диссертантов, обратим внимание на большие *социохозяйственные компромиссы*, нередко даже и не осознаваемые вполне ни обществом, ни даже экспертами, а просто как-то сами по себе сложившиеся и реализующиеся.

Заметим, что любое сколько-нибудь устойчивое цивилизованное общество держится обычно за счет либо сознательно внедренных, либо стихийно возникших компромиссов: между властью (управляющей структурой) и подвластным (управляемым) населением; между государством и гражданами страны, включая, к примеру, тех же налогоплательщиков; между национальным экономическим центром и бизнесом;

между национальным административным центром и управляемой им, а то и весьма самоуправляющейся, периферией и т. д.

Такого рода компромиссы не избегают ни колебаний, ни неравновесий, ни нарушений, ни даже конфликтов и кризисов, как и тех или иных качественных перемен, то бишь все они так или иначе динамичны и изменчивы, что как раз и гарантирует им жизнеспособие — до момента какой-нибудь явно несурзадной, но зато очень бойкой «цветной революции».

Примером крупного международного компромисса, вполне и миромасштабного, может послужить взаимообусловленное поведение СССР, США и Великобритании в победном 1945 г., предотвратившее сразу же после поражения Германии военное столкновение между уже расхлывшимися по сторонам союзниками по антигитлеровской коалиции, а также обеспечившее на некоторое историческое время относительно устойчивый на фундаментальном уровне международный порядок, пусть и дополненный большой холодной войной и рядом горячих войн, но все-таки не приведшее к апокалиптической ядерной катастрофе. Уместно также вспомнить послевоенный компромисс в Корее с ее разделением на две зоны — Северную и Южную, и тот же компромисс между СССР и США, закрывший Карибский кризис и предотвративший третью, уже очень горячую, мировую войну с применением все того же термояда. Как ни странно, но и сама холодная война, ведущаяся поверх ядерных запасов, тоже ведь была своеобразным компромиссом, не допускавшим ядерного конфликта. Кое-какой компромиссный мотив можно заметить не только в мирном — без гражданской войны — роспуске СССР, но и в сопровождавшей переворот 1991 г. международной поведенческой алгоритмике, хотя и с явным бенефициарным перекосяком в пользу Запада и США, но все-таки с сохранением России, ее формального суверенитета и фактической целостности, пусть и не без охранительной роли российского ядерного щита. Попыткой международного компромисса, опять же с выгодой для Запада и США, стало и расширение G7 до G8 с приглашением в сию амбициозную компанию, пусть и не на первые роли, все той же России. Совсем не исключено, что повышение цен на нефть и газ в 2000-е гг. стало результатом кое-какого неафишируемого компромиссного соглашения между российским правящим верхом и глобальным финансовым центром, добивавшимся зависимой лояльности России относительно Запада — вплоть до абсорбирования ее в Западный мир, конечно же, в качестве ресурсного придатка и полукOLONИального источника реального дохода.

Новейшей попыткой прибегнуть к компромиссу, хотя пока и неуспешной, вследствие патологической недоговороспособности нынешних украинских властей, является межстрановое соглашение по острой проблеме Донбасса, достигнутое в Минске. А вот примером довольно-таки удачного новейшего межстранового компромисса, хотя и проблематичного в плане его временной незыблемости, стало возвращение к партнерским отношениям России и Турции после громкого инцидента со сбитым турецкими ВВС российского боевого самолета в Сирии.

Компромисс — вещь сама по себе хорошая, но всегда или почти всегда нелегко, если не попросту тяжело, достижимая. Это надо иметь в виду, рассуждая о компромиссах, их полезности и необходимости. Ясно бывает, как нужен тот или иной компромисс, а вот реализовать его бывает сплошь и рядом практически невозможно. Однако потребность в компромиссах никуда не девается, как не исчезает и экзистенциальное стремление человечества к жизни и ее нормам, которые все-таки предпочтительнее нормативов хаоса и смерти.

Мечтать сегодня о большом всепланетарном компромиссе между всеми мировыми геостратегическими игроками — верх наивности, хотя кое о чем все-таки пометать можно, к примеру, о том же долларом или же ином валютном компромиссе, предполагающем международный контроль за количественной и ценностной динамикой доллара или какой-то еще общепризнанной мировой валюты, хотя бы ради выхода из чреватого общемировой катастрофой острейшего кризиса давно уже зарвавшегося доллара и соответственно всей мировой валютной сферы (о международной валютной системе сегодня говорить уже не приходится — слишком много тут грубого волюнтаризма и страстно возделанной мировыми банкирами стихии, если не откровенного с их стороны безумства).

Пойдя на беспрецедентное и формально *бес*-компромиссное, т. е. без всяких сопутствующих условий и встречных уступок, саморазрушение СССР и международного соцлагеря вкупе с Варшавским договором, на самосжатие СССР до наследной ему Российской Федерации и на уход последней из заграничных зон и пунктов присутствия и влияния бывшего СССР, тогдашнее перестроечное-де руководство СССР-РФ рассчитывало — то ли по наивности, замешанной на глупости, то ли из корневой ненависти к советскому социализму и СССР, то ли попросту по мотивам неумирающего предательства (Иудин комплекс!) — на серьезный и долговременный компромисс с Западом, включая США, Европу, ту же Японию, ожидая равноуважительных партнерских отно-

шений, роспуска НАТО и что-то вроде «плана Маршалла» для России, как бы и бескорыстного.

На *такой* компромисс Запад, конечно, не пошел, хотя и кое-какие субкомпромиссные, или паракомпромиссные, деяния и поведения по отношению к России, как это было уже выше отмечено, возыме-ли место.

Большой геостратегический компромисс между Россией и Западом так и не состоялся, хотя кое-кто в России и даже на Западе на что-то *такое* и надеялся. Россия не только не стала органической частью Запада, а, испытав все прелести погружения в западную глобализацию и поглощения себя заокеанским глобализмом (читай — империализмом), рассталась с идеей подобного компромисса и перешла на путь определенно суверенного бытия, возвращая себе шаг за шагом утерянный было навсегда статус *великой державы*, а также предлагая Западу и всем его главным игрокам уже другой — не дружественный и не любовный, а вполне прагматический *межмировый компромисс*, — и это несмотря на развязанную против непокорной и уже не прозападной России так навязываемую гибридную, то бишь разнообразную и чуть ли не калейдоскопическую, во многом и скрытую, войну.

Что ж, коварный гибридный вызов был принят Россией, но она не бросилась, сломя голову, в сию лукавую войну, заняв не так даже оборонительную, как особого рода напряженно-выжидательную позицию, дающую России преимущество не столько активными противодействиями, сколько уверенным в своей правоте *стоянием* (вроде стояния русского войска Ивана III на р. Угре против ордынцев), что более всего и занервировало как многоликих «натовских» партнеров, ставших вдруг ее заядлыми противниками, каковыми, впрочем, всегда и были, так и новейших «врагов» России, вроде Украины, Прибалтики и, увы, той же Польши, побывавших ранее в лоне или же «под пятой» России — от Российской империи до СССР с его соцлагерем, а теперь, укрывшись или пытаясь укрыться под зонтиками ЕС и НАТО, превратившись прямо-таки в экзистофобов России, ее весьма и откровенных ненавистников.

Приняв гибридно-войновский вызов, ему невольно, но уверенно противостоя, Россия, немало поддерживаемая своими прагматичными союзниками по стратегическому БРИКС, выступает за прекращение сей «странной войны», надеясь на возможность компромиссного разрешения возникших в мире глобальных противоречий.

Отметим в связи с этим два возможных стратегических ожидания.

Первое относится, конечно, к планетарному масштабу, к возможности всему миру и прежде всего Западу во главе с США осознать уже идущую в мире *большую планетарную переменную*, делающую невозможными ни продолжение субъектно-империального доминирования Запада с центром в США над планетой, ни продолжение идейно-культурной вестернизации мира, уже достаточно зараженной антимировским и античеловеческим ферментом.

Либо тотальная война Запада со всем остальным миром, которая не может не стать для человечества погребальным Армагеддоном, либо все-таки *общепланетарный компромисс* на основе бытийно-исторического разнообразия человечества, его пространственной партикуляризации и геополитической многоцентровости.

Задача невероятная, но иного жизнеутверждающего выхода у человечества нет, к тому же события в США в связи с избранием нового президента страны, как и само появление на посту президента «стороннего», если уже не «иног», человека в облике Д. Трампа, дают шанс на возможность движения мира к какому-то новому, вполне и компромиссному, существованию, а в его рамках и новому, тоже вполне компромиссному, сосуществованию России и Запада, а может, уже и не единого Запада, а лишь его отдельных геополитических игроков, относящихся, или пока еще относящихся, к западному миру, прежде всего, конечно, в виде США, Великобритании, Японии, а также Европы с ее заматавшимися после южно-мусульманского нашествия и альбионского брексита, «интегрированными членами».

И вот тут не может не заявить о себе второе большое ожидание, относящееся уже непосредственно к Большой Европе — от Атлантики до Урала и далее аж до Тихого океана — надежда на *пан-европейский компромисс*.

Многовековое грандеевропейское бытие-история прямо-таки вопиет за возможность сего геостратегического компромисса: древняя античность, христианство, два Рима с мифотворным третьим, многовековое культурное и цивилизационное взаимодействие, экономическая совместность, ну и, разумеется, войны, войны и войны, что еще надо для того, чтобы осознать простую в общем-то истину — необходимость тотального *пан-европейского компромисса*!

А начать тут придется с осознания одной «нехорошей» для Европы вещи (от вести): необходимости, да уже и неизбежности, прекращения алчно-имперского движения европейского Запада на Восток Европы, тем более через посредство центрально-, средне- или же межеевропейских стран-«подвижниц».

Только с концом всяких попыток «Дранг нах Остен» («Натиска на Восток») возможно достижение действительного и устойчивого общеевропейского компромисса (пора уже Западу понять, что ЕС и НАТО нечего делать ни в Прибалтике, ни на Украине, ни в Грузии, ни, не дай Бог, в Белоруссии, как нечего было им делать в том же, еще находившемся в составе Украины, Крыму, как нечего делать американским кораблям в том же Черном море) — вот что надо хорошенько уразуметь нашим славным «европейцам» — что внешним, что внутренним, как и столь же хорошенько подумать над «услугами» Польши, Румынии, Болгарии и иных «добровольцев» в реализации контроля над Россией и возможности ведения против России «последней и решающей» — было это уже, было, неужели не ясно, что «русский медведь» никому не отдаст ни своей «тайги», ни даже дальних подступов к ней.

С наваждением, посетившим и накрывшим Запад в 1990-е гг., что Россия настолько ослабла, что ее как бы уже и нет, а ежели и есть, то лишь по милости великолепной и могучей «семерки», как и той же Западной Европы (Сербию-то, покоренную НАТО и все той же Западной Европой, Россия ведь не защитила, так почему же не двинуться Европе вновь на европейский Восток, а-а?), так вот с этим-то наваждением пора кончать, а за сим кончать и с «Дранг нах Остен», как, впрочем, и вообще с империальным расширением ЕС и НАТО куда бы то ни было.

Европейской войны с Востоком Европы, то бишь с Россией, вроде бы сейчас нет, а вот поход-то восточный все равно продолжается, в особенности после исторически жалких, вполне и пирровых, «побед» на «юге» — над Югославией, над Сербией, над той же Ливией. Ах, соблазн, соблазн! — и разве не понятно, что здесь западня, даже и не военная, а, скажем так, институциональная, как раз та самая, в которую совсем недавно попал из великих мира сего... СССР, потерпев от самого же себя великое институциональное поражение — легко и позорно развалившись; западня, в которой сидит уже ныне глобалическая Америка с острейшим внутренним и внешним институциональным кризисом, чуть ли не предкатастрофным; западня, в которую, путаясь в самом себе, угодил уже и ЕС, переживающий то ли свой институциональный кризис, то ли ползучую, но неумолимо ускоряющуюся суицидную катастрофу.

Только *пан-европейский компромисс*, господа европейцы, только **он**, и ничего другого!

Тогда и ваш вопрос: «А со стороны России-то что — в качестве уступкового вклада в пан-европейский компромисс?». И наш ответ: «Да ничего, господа европейцы, ровным счетом *ничего*, ибо Россия уже

столько уступила и отдала Европе по итогам деятельности Горбачева—Ельцина, что стыдно, господа, очень даже стыдно, хотя чего-чего, а уж чувства стыда у Европы отродясь не водилось, требовать от России еще каких-либо уступок; тут хватит уже и роспуска Варшавского договора, и подарочного вывода войск из Германии, и бесплатной отдачи ГДР, и отпавших от Востока Европы и прибившихся к Западной Европе (к *Европе!*) бывших советско-российских “союзничков”, и не предъявленных ни Европе, ни этим “союзникам” ни контрибуций, ни плат за должжданную “свободу”, как и многое, многое другое».

Для России Европа — не враг, хотя, что хорошо видно, Европа безумно старается быть таковым; Европа для России и не друг, что тоже хорошо известно; лучше всего, ежели Европа останется для России в роли мирного и эффективного *партнера* — как раз на основе и в рамках разумного *пан-европейского компромисса*.

И ничего более!

Да станется: *Разум против Безумия!*

В.К. КОРОЛЕВ, О.В. ЕВГРАФОВА

Философия хозяйства как «метафизика» неоэкономики: проблема человека

Аннотация. Авторы полагают, что в поисках выхода из нынешней экономической ситуации при разработке программ становления посткризисной неоэкономики необходимо уделять особое внимание проблеме человека, показывают перспективность идей философии хозяйства; в частности, целесообразность отказа от трактовки человека как капитала, осмысление его в качестве фактора экономического развития как неэкономического хозяйствования. Это предполагает понимание человека как социокультурной личности, формирование которой осуществляется на основе гуманизации общественной жизни. Авторы обозначают аспекты этой работы, ее условия и направления, выделяя в качестве главной проблемы человека неоэкономики модернизацию его экономической культуры.

Ключевые слова: экономика, неоэкономика, человек, философия хозяйства, метафизика, гуманизация, экономическая культура.

Abstract. The authors suggest that in seeking a way out of the current economic situation, the development of post-crisis «neoeconomy» for-

mation programs should pay special attention to the problem of man, show availability in its consideration of the philosophy of economy ideas; in particular, the appropriateness of non-treatment of a person as a «capital», understanding him as a «factor» of economic development as the neoeconomic «management». It involves man understanding as a socio-cultural identity, which formation is based on the humanization of social life. The authors refer to aspects of this work, its conditions and trends, highlighting as a major problem of human «neoeconomy» the modernization of its economic culture.

Key words: economy, neoeconomy, man, philosophy of economy, metaphysics, humanization, economic culture.

УДК 330.111
ББК 65в

Дискуссии и разговоры о необходимости системных реформ, их содержании уже не вызывают интереса по причине своей бесплодности; «утечки» из обсуждений разрабатываемых программ свидетельствуют, что речь идет о вариантах институциональных перестроений, а вот о перестройке главной производительной силы любой экономики — человека — ничего не слышно. Полагаем — в разработку идеологии искомой модели российской (пост)экономики (в трактовке Ю.М. Осипова — неэкономика [7]) необходимо включать проблематику так называемого человеческого капитала. Его современное понимание нельзя традиционно сводить к воспроизводству трудящегося как винтика экономического механизма (демография, здравоохранение, рекреация, образование и т. п.), нужна социокультурная трактовка человека как личности во всей полноте ее экономической релевантности.

В соответствии с материалистической традицией принято полагать, что главным условием искомой перестройки человека для обретения статуса «неоэкономического» является собственно сама экономическая жизнь, ее реалии, проблемы и перспективы, а главное — ее изменения; она, прежде всего и непосредственно, формирует своего субъекта.

Данный подход, безусловно, возможен и необходим, но недостаточен, ибо история показывает необходимость рассмотрения и духовных факторов экономических изменений: авторитетный анализ становления классического — западного — капитализма (М. Вебер [2], В. Зомбарт [3] и др.) показывает атрибутивную роль духовной (прежде всего — религиозной) составляющей жизни человека для становления нового образа экономического бытия. Именно с Реформации, 500-летие лютеровского начала которой отмечается осенью этого года, начинае-

ся вызревание того «духа капитализма», который привел, наряду с собственно материальными обстоятельствами, к формированию субъекта новой, уже собственно капиталистической, экономической деятельности.

Для уточнения сути дела и в связи со столь значительным юбилеем полагаем, уместно напомнить об экономической релевантности религиозной составляющей идеологии Реформации — протестантизма. В частности, его идеи относительно трудовой мотивации и самого характера труда, роли денег в жизни человека привели к изменению так называемого культурно-экономического типа общества: классическое христианское (католическое) *хозяйствование* как жизнеобеспечение, как необходимость освобождения от искушений материальной зависимости для возможности истинной — религиозной — деятельности трансформируется в (протестантскую) *экономику* как особый вид профессиональной трудовой деятельности ради прибыли, которая приобретает свое «сакральное» значение, характеризует «богоизбранность» человека: то, что раньше делали ради Бога, начинают делать ради Денег. Протестантская этика такой экономики становится идейно-мировоззренческим фактором формирования человека, живущего «духом» капитализма, становления новой экономической культуры.

Образно говоря, протестантская вера сыграла роль «куколки», из которой вылетела «бабочка» Духа капитализма. Следует подчеркнуть, что в этой вере именно экономическая, трудовая профессия рассматривается как личный призыв Бога к каждому верующему, индивид оказывается замкнутым в этом организующем его пространстве, очерченном для него Провидением, гораздо более прочно, чем монах в пространстве «кельи» монастыря: «ты думаешь, что убежал от монастыря, — нет, теперь монастырь живет в тебе». Таково религиозное обоснование рассмотрения экономического человека как «винтика», приписанного «свыше» к экономическому «механизму».

На основе этой экономической релевантности протестантизма можно полагать, что европейской истории известны два основных принципа культуры материального жизнеобеспечения: а) *хозяйственного* самоограничения ради развития культуры как (духовной-религиозной) целостности; и б) использования достижений (духовной) культуры для *экономического* доходно-потребительского самоудовлетворения материальных потребностей. Второй принцип и начинает доминировать в буржуазно-капиталистической экономике, возникшей в Реформационный период исторического развития Западной Европы.

Таково экономическое значение изменений в христианской идеологии: в аспекте понимания сущности деятельности человека по своему материальному жизнеобеспечению протестантизм духовно обеспечивал *переход от жизни хозяйственной — к экономике, от человека «бытийно-религиозного» — к «экономическому»*.

Разумеется, мы не призываем «запустить» протестантскую перестройку многоконфессиональной духовно-религиозной жизни человека современной России для ее устремленности в «цивилизованное» бытие отечественного капитализма западного типа. Важен исторический прецедент, убедительный пример; мы полагаем — имеющиеся отечественные наработки экономической релевантности духовного религиозного «перестроения», по-своему перекликающиеся с Реформационными, достойны рассмотрения (несмотря на то, что последние опираются на философский Разум, а российские — на софийную Мудрость. Мы имеем в виду идеи православного мыслителя С.Н. Булгакова о философии хозяйства [1], а также их развитие Ю.М. Осиповым [10]. В них главное для нас — проблема роли духовных факторов новой хозяйственно-экономической деятельности, формирование ее субъекта, в нашем случае — неэкономике.

Кратко охарактеризуем главные идеи философии хозяйства, могущие, по нашему мнению, иметь метафизическое значение для проблематики становления человека как субъекта посткризисного реформирования нашей экономики в названное качество. В частности, можно сказать, что Булгакова волнует не столько понимание *хозяйства*, сколько «выделка» из человека его *хозяйина*. В противовес идеологии прагматичного экономизма (материализма) Булгаков разрабатывает основы философии хозяйства, которая исходит из того, что человек призван жить не только и не столько земными материальными, экономическими интересами (которые, при всей их необходимости, и губят его, в конечном счете), сколько выходящими за них высшими, сакральными; речь идет «о трансцендентальном субъекте хозяйства» (гл. 4 «Философии хозяйства»)

Еще раз подчеркнем — можно и нужно ставить вопрос о необходимости и возможностях духовной перезагрузки нашего человека, ибо без нее он вряд ли способен стать субъектом посткризисной неэкономике как хозяйства постсовременности.

Идеологию такой перезагрузки дал Ю.М. Осипов. Развивая идеи Булгакова, он отмечает, что хозяйство неотделимо от *хозяйина* — его *субъекта*: в философии хозяйства все восходит к *человеку* как *хозяйствующему субъекту*, который не просто участвует в экономических отношениях, но *метафизически* стоит за (*над*) ними своими духовными потребностями личностного саморазвития [8, 127]. Особенно важна

мысль автора, что в переходных условиях «человека, видно, выковыривать постоянно надо... и держать, держать» [9, 314]. А мы видим, что от проектной гуманизаторской (не путать с гуманистической), духовной деятельности по формированию человека как нового экономического субъекта государство, общество принципиально отказались в пользу некой рыночной «естественности», «объективности»!

Осиповский вектор софийной модернизации человека объективно определен и жизненно обусловлен его экзистенциальными потребностями в условиях кризиса — апокалиптикой времени переломов в развитии капитализма (будем считать его максвеберовским «идеальным типом»). Как показывает Осипов, глубинными основами современного мирового кризиса являются виртуализация финансовики, отрыв духовного от материального, т. е. он имеет философскую природу. Современный кризис представляет собой выход за классические (бреттон-вудская финансово-экономическая модель) пределы меры баланса производственного и денежного факторов экономики — финансовая жизнь становится симулякром, обладающим не только большим значением, но и большей реальностью, нежели материальное производство. Можно говорить о тенденции утраты экономикой ее реальности, когда финансовые символы, знаки, значения, бумаги начинают доминировать над производством материальных благ. Экономика машин сменилась экономикой ценных бумаг — пресловутой финансовикой. В принципе такую ситуацию можно рассматривать как своего рода деноминацию виртуальной экономики, девальвацию ее ценностей, что нужно использовать для восстановления нарушенного баланса реальной и виртуальной экономических сфер. Стремление к этому является своего рода модусом формирования метафизики неэкономикой; ее атрибутом должно быть единство материального и духовного в экономической деятельности, преодоление ее виртуальности [5].

В свою очередь, таковая не может не влиять на «природу» занятого в ней человека. Может казаться парадоксальным, но это влияние имеет и позитивный момент: «виртуализированный», оторванный финансовикой от материального производства человек получает этим новые возможности своего нематериального, духовного перестроения. Главный тут вопрос — каковы его основы, содержание, механизм...

Именно в таком плане для преодоления современного кризиса экономики и человека, их модернизации и могут быть востребованы идеи философии хозяйства. Пока в ее рамках получается: есть *человек софийный* (общее), есть *человек экономический* (единичное), а вот *человек-хозяин* (особенное) ждет своих специальных исследований.

В качестве постановки проблемы можно сформулировать вопрос: какова может быть современная трактовка проблемы перестрое-

ния кризисного человека в субъекта неэкономике? Во-первых, очевидно, что это возможно только в контексте генеральной идеологии трансформации нынешней кризисной экономики в хозяйство (но не сводиться к данному процессу). Философия хозяйства, в принципе, является интенцией жизнеобеспечения человека, формой реализации его сакральной перспективы. Идеология экономики (тем более в парадигме экономикса) является интенцией апокалипсической, формой реализации инфернальной перспективы человечества, что все более обнаруживается в современном мировом геополитическом кризисе. Рассуждая логически, хозяйство — это род, (целое) а экономика — один из его видов (частное). А если виды выходят из-под власти рода, то они вступают на путь самоотрицания. Поэтому экономика как часть хозяйства может перспективно существовать лишь в его составе (см.: [4]). Именно это условие подтверждается всем послереформационным развитием Западной Европы. Поэтому и стоит задача перехода России от экономики «новой нормальности» — к постэкономическому неохозяйству.

Как было сказано выше, чисто экономический дискурс проблемы перспективы не имеет, ибо в его основе лежит философская проблема — соотношение материального и духовного в экономической сфере. Это и делает столь актуальными идеи философии хозяйства: неэкономике следует быть если не хозяйством, то хозяйственной, (софийно) направленной на человека. Постиндустриализм, постмодернизм создают онтологические предпосылки для такой трансформации, но нужна специальная теоретическая работа по *переводу идеологии экономики в мировоззрение нового хозяйствования*.

Что это значит? Во-первых, интерпретируя и развивая идеи Осипова, можно сказать — парадигма философии хозяйства показывает выход из кризиса в проведении такой политики, когда финансы работают на экономику, а не экономика на финансы; когда экономика существует для человека, а не для прибыли. Эти установки на социокультурную и антропологическую нормативность баланса материального и духовного в любой модели экономики, понимание метафизического смысла любой экономической деятельности и лежат в основе искомой парадигмы модернизации экономики (см.: [6]).

Во-вторых, представляется принципиально важным положение, что, рассматривая неэкономике как новую, переходную экономическую реальность, «беременную» постэкономикой, важно не замыкаться в анализе ее финансово-компьютерно-виртуальной нереальной реальности. Еще раз повторим — в любой экономике главную роль играет человек, только он наполняет ее смыслом. В связи с этим возникает вопрос — кем он должен быть в неэкономике: (нео)капиталом или фактором? В классической экономической теории человек выступает

как капитал; эта трактовка сохраняется и в постиндустриальном осмыслении экономической жизни. На наш взгляд, такая ситуация не соответствует современному тренду экономической субъектности, уже достаточно внятно формируемому антикризисными поисками посткризисной онтологии экономического бытия. Концепту неэкономике нужна междисциплинарная теоретико-методологическая трактовка проблем модернизации человеческого капитала через включение социокультурных аспектов его рассмотрения.

Неоэкономика меняет смысл участия человека в экономической деятельности: требует его понимания как личности, обладающей не просто капиталом своих рабочих рук и мозга, а системой имеющих экономическую релевантность социогуманитарных качеств, обеспечивающих его новую субъектность для формирования (пост)экономики, являющихся ее движущей силой — *фактором*. Их состояние может рассматриваться как современная капитализация человека в неоэкономике, показывать его возможности самовозрастания не как абстрактной стоимости человека-капитала, а как всесторонней личности; это обуславливает ограниченность понятия «человеческий капитал», необходимость перехода к концепту «человеческий фактор» в их противоречивом неоэкономическом единстве.

Речь идет о необходимости для (нео)экономики не экономического, а социокультурного человека, не капитала, а *личности*, выполняющей разные социальные роли, одной из которых является экономическая. (Отметим, что данный подход соответствует содержанию специальности 08.00.01 — экономическая теория: в ее «паспорте» среди областей исследования отмечается такая проблема, как «гуманизация экономического роста» (1.1); выделены *философские, этические и методологические* предпосылки экономических теорий (4.1), эволюция *парадигмы* экономической теории (4.2), *междисциплинарные взаимодействия* в экономической науке (4.3)). Поэтому, наряду с перестройкой собственно экономической, институциональной системы, нужна и специальная программа работы по созданию условий для становления человека как субъекта (нео)экономической деятельности — программа гуманизации социума.

Каковы же основные аспекты этой работы? Во-первых, онтологическими, метафизическими основой этой программы являются отмеченная необходимость и возможность *трансформации экономики в хозяйство*. Во-вторых, необходимой предпосылкой искомой гуманизации является практическое, реализуемое системой конкретных мер понимание того, что главным ресурсом современной экономики являются не природные богатства, не эксплуатация, не добыча прибавочной стоимости, а *развитие личности человека — творца главного экономи-*

ческого продукта XXI в. — знаний-технологий. В-третьих, «экономический гуманизм» выражается в понимании необходимости *социальной ответственности отечественного бизнеса*. В-четвертых, гуманизация экономики предполагает возвращение, пропаганду, стимулирование нравственной составляющей экономической деятельности для ее осуществления не ради денег как таковых, за счет человека («из свиней добывают сало, а из человека — деньги»), а ради *дела, улучшающего жизнь людей*. В-пятых, необходимо гуманизационное очеловечивание самого активного субъекта нашей экономической деятельности человека денежного, его трансформацию из «богача» в хозяина. Наконец, в-шестых, средством непосредственной реализации этих установок является модернизация *экономической культуры* общества и человека, конкретизированная для разных социальных групп.

Очевидно, сегодня три последних аспекта являются приоритетными, на их основе возможна реализация первых. В частности, человек денежный и инноватику, и социальное служение легко обращает не на пользу общества, а ради личного обогащения «любой ценой»).

Мы полагаем целесообразным, прежде всего, сконцентрироваться на концепте «экономическая культура», рассматривая его как современную содержательную форму человеческого фактора, приходящую на смену форме превращенной — человеческому капиталу — и характеризующую его гуманизацию. Если человеческий капитал как историческая абстракция превращенной формы выступает характеристикой непосредственного участия человека в «механизме» капиталистической экономики, то экономическая культура характеризует его как личность-субъект этой деятельности, т. е. более адекватно современным реалиям и потребностям неэкономике.

На основе вышесказанного можно обозначить основные направления работы по искомой гуманизации человека для неэкономике через формирования адекватной ей экономической культуры:

- формирование объективно-материального и социального, подтвержденного государством политически и идеологически, запросов на нового экономического человека, необходимого посткризисной экономической жизни. Такой запрос должен быть конкретизирован в идеологии любой программы модернизации нашей экономики;

- центральной в такой идеологии должна быть установка на создание организационных условий для отказа от денежной и формирования деловой экономической культуры: модернизируемый человек призван «капитализировать» себя в дело, а деньги должны следовать за этим, но не наоборот (сейчас в финансовом мире часто вообще ухитряются обходиться без реального дела, в ней деньги живут и без материальных товаров, услуг).

• необходимыми предпосылками реализации этих направлений являются создание, развитие и пропаганда всеми средствами гуманистической нравственной атмосферы в обществе в целом, в которой хорошо живется честным, трудолюбивым людям.

На этой основе, очевидно, и должна идти речь о его гуманитарной модернизации собственно экономической культуры человека и общества. В качестве основополагающих принципов этой работы можно предложить: а) неприятие наличных антигуманных и квазирыночных экономических реалий; б) осознание человеком не только внешнего мира, но и самого себя несовершенным, требующим цивилизованной «рыночной» социально-ответственной экономической перезагрузки; в) убеждение в наличии искомым социокультурных ценностей, идеалов, позволяющих человеку преодолеть собственное экономическое несовершенство и, тем самым, не просто существовать в посткризисной экономике, но и стратегически, модельно модернизировать ее; г) учет в формировании такой экономики не только необходимых для реализации поставленных целей качеств людей как экономических «агентов», но и их «общечеловеческих» качеств.

Полагаем — такая работа, «метафизический» фундамент которой заложен идеями философии хозяйства (разумеется, наряду с адекватными институционально экономическими реформами), может способствовать решению проблемы формирования человека для посткризисной «неоэкономики».

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Терра, 2008.
2. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М.: ИстВью, 2002.
3. *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994.
4. *Зотова Е.С.* О неоэкономике с позиций философии хозяйства // Философия хозяйства. 2016. № 3. С. 282—287.
5. *Королев В.К.* Проблема «модернизации» человека в философии хозяйства: С.Н. Булгаков и Ю.М. Осипов // Философия хозяйства. 2013. № 5. С. 36—46.
6. *Королев В.К.* Философия хозяйства как метапарадигма современной экономической теории: проблемы методологии // Философия хозяйства. 2012. № 2. С. 28—37.
7. *Осипов Ю.М.* Неоэкономика как высшая на сегодня историческая форма экономики // Философия хозяйства. 2016. № 2. С. 293—299.
8. *Осипов Ю.М.* Обретение. М.: ТЕИС, 2011. 540 с.

9. *Осипов Ю.М.* Реквием. М.: ТЕИС, 2010. 592 с.
10. *Осипов Ю.М.* Столетие «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова — сто лет философии хозяйства // Философия хозяйства. 2012. № 3. С. 9—23.

Reference

1. *Bulgakov S.N.* Philosophy of economy. М.: Terra, 2008. 352 p.
2. *Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. М.: East-View, 2002. 352 p.
3. *Zombart W.* Bourgeois. Studies in the history of the spiritual development of the modern economic man. М.: Science, 1994. 445 p.
4. *Zotova E.S.* About neoeconomy from the standpoint of philosophy of economy // Philosophy of economy. 2016. № 3. P. 282—287.
5. *Korolev V.K.* The problem of human «modernization» in the philosophy of economy: S.N. Bulgakov and Yu.M. Osipov // Philosophy of economy. 2013. № 5. P. 36—46.
6. *Korolev V.K.* The philosophy of economy as a modern economic theory metaparadigm: methodology problems // Philosophy of economy. 2012. № 2. P. 28—37.
7. *Osipov Yu.M.* Neoeconomy as the highest historical form for today's economy // Philosophy of economy. 2016. № 2. P. 293—299.
8. *Osipov Yu.M.* Finding. М.: TEIS, 2011. 540 p.
9. *Osipov Yu.M.* «Requiem». М.: TEIS, 2010. 592 p.
10. *Osipov Yu.M.* Century of S.N. Bulgakov' «Philosophy of economy» — one hundred years of philosophy of economy // Philosophy of economy. 2012. № 3. P. 9—23.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Софийная инфернавтика хаоса

Аннотация. В статье исследуется ноумен хаоса. Представлен анализ хаоса в древнегреческой мифологии, в экономике и в России. В мифологии хаос выступает как живое первоначало, порождающее богов и космос; как способ бытия времени; как следствие неведомой космологической катастрофы. Экономика рассматривается как тело, организм хаоса, которым повелевает алчная воля ростовщика и хрематистики. Показаны странные отношения России и хаоса, который постоянно атакует страну с момента ее возникновения. В древнеславянской мифологии нет хаоса, а миром правят смыслы, любовь и символы.

Россия призвана усмирить хаос, возратить ему его законное служебное место у престола меры и справедливости. А доминанция хаоса в современной ментальности «продвинутых» еврамериканцев есть inferнальная провокация, призывающая человека добровольно заняться своим самоотрицанием.

Ключевые слова: хаос, экономика, Россия, мир Иной.

Abstract. The article investigates Chaos phenomenon, Chaos image in Ancient Greek mythology, in economy and in Russia. Chaos acts as a live first principle in mythology, generating gods and space; as a way of existence and time; as a result of unknown cosmological accident. The author considers an economy as a constitution, an organism of Chaos being ruled by the greedy will of an money-lender and a chrematistics. The article shows strange attitudes between Russia and Chaos which constantly attacks the country since the moment of its founded. There is no Chaos in Old Slavic mythology and the world is ruled by meanings, love and symbols. Russia is intended to pacify Chaos, to return it its lawful subordinate place at a throne of the measure and the justice. And domination of Chaos in modern mentality of "advanced" americans and europeans is an infernal provocation urging a person to be engaged in the abnegation.

Key words: Chaos, economy, Russia, Another world.

УДК 330.111

ББК 65в

Хаос — одна из самых сложных, запутанных и запутывающих реалий бытия; и превосходит она силы самого разума, ибо находится на стыках бытия и ничто, яви и нави, знания и бреда, ума и безумия, смысла и абсурда, сознания и бессознания, русскости и антирусскости. Но хаос сам по себе — реалья опаснейшая, ибо все, кто пытается ее постичь, использовать в своих целях превращаются в ее незримое тело. Легенда гласит, что древние греки в уголовном порядке запретили изучать хаос, ибо любопытство по этой теме вело к суициду. Нет принципа, идеи, теории, посредством которых можно... безопасно изучать хаос, хотя создано немало «хаологий» (безуспешных!), которые не познают хаос, а скрываются от его одноглазого колдовства. Изучать хаос можно лишь в России, обладающей софийным контекстом (хаософией), в котором хаос находит свою законную службу.

Но владыка хаоса полагает иначе, делая его монополистом в объяснении нынешнего мира, перводвигателем его эволюции и событий, субстанцией бытия, человека, власти, познания, вытесняя из науки

понятия «система», «закон», «структура», «материя». Охватывая своей неопределенностью все сферы бытия и знания, хаос становится высшей мудростью современного мира, воплощением, выражением, осуществлением его тотального самоотрицания. Понять что-либо, делать что-либо сегодня можно лишь на «основе» и посредством хаоса при непреломном условии умножения хаоса! Даже сам мир постмодернизм обозначает концептом «хаосмос», сливая в один флакон неопределенность хаоса, лад космоса и давление осмоса. Хаос делают стал плодоносным корнем всех реалий.

В ранг высшей мудрости хаос возводит еврамериканская наука, узрев в нем силу спонтанного и бесконечного самоупорядочивания, самоорганизации, смыслопорождения, правда, забыв указать образцы порядка, организаций и смыслов, якобы порожденных хаосом. Хаос «цветных революций» не становится порядком даже при внешней «помощи», а яростно отрицает его своим произволом. Постмодернизм считает себя философией нестабильности, но не говорит о той «стабильности», которая сохраняет эту нестабильность и ее родителя — хаос. Фантом синергетики считает хаосом неравновесные системы, динамика которых допускает лишь вероятностные прогнозы. Непонятно — есть устойчивые неравновесия, устойчивые вероятности, а самой устойчивости, ее автора, нет!

Однако ученые адепты хаоса делают из него новую парадигму культуры, науки, практики, власти, выдвигая на первый план якобы присущую ему внутреннюю креативную активность (сомнительную!), хотя нет никаких реалий, которые сотворил именно хаос сам по себе без содействия «порядочных» сил.

Так, ученый Б. Мандельброт считается создателем теории (?!) хаоса [2], хотя такая теория невозможна в принципе, ибо хаос изначально и сущностно иррационален, алогичен и никакая теория (рациональность!) его не выразит. Утверждают, что Мандельброт нашел и образ хаоса, создав фрактальную геометрию. Но фрактал — это объект, каждая часть которого есть отражение, образ и подобие объекта целиком. И где здесь хаос? Ведь фрактальная геометрия — это все же не хаос, а строгий порядок! Похоже, что хаос по-своему работает с наукой, навязывая ей абсурд в качестве теории!

Научники в России мгновенно забыли о необратимо разрушительных делах хаоса, хотя он и разрушил их капище — Академию наук. А доктрину «управляемого хаоса», посредством которого сокрушаются все социально-культурные, национальные, академические институты людей, научные поклонники «творящего хаоса» не замечают.

Гидродинамика подослала к неуловимому хаосу подругу лукавую — энтропию, но в итоге суть хаоса стала еще более запутанной и хаотропийной. Физика не знает о том, можно ли измерить хаос, предсказать его хаосмосную хореографию или его блуждающая суть недоступна для метрологии точных наук. Или творчество хаоса превосходит смыслы математических формул? А может, ученые попали в хаосмосный лабиринт с изменяющейся конфигурацией разворотов и теперь не могут восстановить свое дохаосное мышление. Разгадка благого или зловещего замысла хаоса ученому сообществу не дается. Хаос неуловим, ускользая от любой рациональной научной аналитики. Вместе с тем в хаосе наука видит неисчерпаемый резерв всевозможных богатств, вместо которых хаос постоянно показывает «фигу» — мгновенное их появление и пропадание.

Гносеологическую атаку на хаос начнем, используя его же оружие — хаосмосные вопросы, но подчиним их целям софианосным. Является ли хаос автономной креативной реалией или же он лишь часть неведомого целого, императивы которого он исполняет? Является ли хаос творящей причиной или же он бытует на правах сотворенного следствия? Какие онтологические, ценностные задачи решает хаос? Каково вообще его назначение во вселенной? Какова телеология, эсхатология хаоса? Хозяин ли он или жалкий раб подлинного владыки бытия? Чего желает хаос сам по себе? Куда он идет, куда влечет его хаосмосная натура?

И тут нас ожидает неожиданное: пытаюсь стать всеобщим креативным и объясняющим началом мироздания, хаос не позволяет прояснить свою суть, нуждаясь для своего понимания в нехаосных идеях, в антихаосных смыслах.

В человеческом мире хаос получил первую свою объяснительную, размыслительную и семантическую должность в мифологиях. Миф о Хаосе есть символическое, многозначное, полилектическое познание мироздания и человека, принцип осознания человеком самого себя и главного врага сущего.

Наиболее глубоко и всесторонне мифологема Хаоса была развернута древнегреческим политеизмом, создавшим гесиодовскую, орфическую и мистериальную картины Хаоса. *Гесиодовский* Хаос выступает некоей первоначальной активной массой, безличным субъектом, в котором, из которого и посредством которого возникают боги, Космос и все его реалии — возникают и как-то незаметно, тихо исчезают в нем. Хаос трактовался у Гесиода и как вечная тьма (мрак), и как «страшная бездна», и как Аид, и как особая внемировая среда, в которой совпадают начала, концы и продолжения всех реалий, и как дом времени, где

оно работает и куда вновь возвращается с добычей. Хаос порождает Ночь (Никту), День (Гемеру), Старость (Герасу), Рок, Время (Хроноса), Сновидения (Гипноса, Морфея), Эроса, Смерть (Танатос) и Эфир. Важно, что Хаос порождает лишь второстепенных богов, а олимпийцы сами выходят из него, так что вначале в Хаосе уже были олимпийские боги. Хаос лишь материал, соавтор олимпийцев в созидании ими Космоса, который загоняет Хаос в Аид.

В *орфической* космогонии Хронос порождает серебряное яйцо, внутри которого находятся Хаос, Эфир и первобог Фанет или Метида — Мысль, мать Афины Паллады — богини мудрости, первое поколение богов — Небо-Уран и Земля-Гея. Но Хаос и Эфир породили из себя еще и Андрогина, муже-женское начало всех вещей. Сам же Хаос у орфиков трактовался в образе крылатого дракона с головой быкольва и с лицом бога. У орфиков Хаос — важное миротворное условие, но не начало, ибо он зависит от Хроноса, от своих «детей», особенно — от Андрогина, который существует благодаря смешению полов. В орфических мифах Хаос порождается непримиримой враждой половых перверсий, аномалий против меры и правды Космоса, которые ограничивают хаосмосные половые аномалии, помещая их в Аид. Хаос — не творец, а условие творения.

Наиболее глубоко трактует Хаос *мистерия*. Ее аксиомы просты, очевидны и значимы до наших дней. Вначале Небо и Земля составляли целое, в котором Уран и Гея были неразделимы друг от друга, но они и не сливались в форму Андрогина; их отношения были подобны математическому знаку бесконечности (∞). Первый союз Урана и Геи создал Золотой век (мир Иной), где во всем царили мера и справедливость, а хаосу просто не было места и дела.

Но, увы! Дрожат твердины Космоса! Андрогини вышли на охоту. Разразилась какая-то чудовищная и неизвестная космологическая катастрофа, разрушившая сакральную связь Урана и Геи, и между ними появился Хаос («разверзшаяся пропасть», «расширяющаяся щель»). Мистерии изображали Хаос в качестве живого существа, напоминающего медузу с одним глазом в центре тела. Римляне изображали Хаос в облике двуликого Януса, потерявшего свою идентичность. Есть Хаос в образе странной женщины, от которой исходят лучи во все стороны света.

Мифическое сознание придавало важное значение Хаосу, который занимает особое, посредническое место между богами, героями, людьми, находясь вне и внутри Космоса, завися от него и богов, но в то же время отчасти сохраняя и свою автономную неопределенность. В мифах Хаос враждует с разумом и несовместим со смыслом, являясь

инициатором бесцельной и абсурдной динамики времени, которое создает для того, чтобы созданное само себя бесцельно уничтожало во времени. Ценностное сознание мифа не только отражает реалии, но и судит их, выявляя их отклонения от меры золотого союза Неба и Земли. Хаос же продолжает дело породившей его тайной катастрофы, уничтожившей меру и справедливость Золотого века, который сохранился лишь в идеалах и в памяти людей.

Хаос, разорвав сакральные связи Неба и Земли, заменил их Временем, которое вытеснило смысловые основания мира, вещей, людей, заменив их бесцельной неопределенностью. Время воплощает распад мира на части, каждая из которых стремится стать целым, порождая тем самым Хаос. Поэтому старение, крушение, гибель стали орудием и пищей Хаоса.

Мифы исключительно большое внимание уделяют связям Времени и Хаоса. Время выступает в них и как бог Кронос, и как безличное существо, и как безразличная к богам и к людям неизвестность. Время — невидимо и непрерывно, неощутимо, но реально по своим плодам. Время — всемогущее, вездесущее, всегда и всем довольное божество, ибо все идет по воле его хозяина — Хаоса. Воздействуя на вещи извне и изнутри, время незаметно подтачивает их, превращая их в неустойчивые сочетания элементов хаоса. И теперь уже каждое бытие, существо и событие всецело зависят от внешней и чуждой им силы — от хода времени. Сам Хаос тоже «страдает» от умножающегося в нем беззакония, безмерности и несправедливости, а потому он сам стремится распространить свое влияние во все стороны, заключить в себя все мироздание, дабы посредством снов, смерти, эротики найти способ приобщения к утерянной мере и справедливости, без которых хаосу угрожают его «дети». А бытует Хаос, действует, посредством катастроф и смещений реалий, идей, крови. И творит Хаос тоже посредством смещений, уничтожения идентичностей субстанций, людей, форм, образов, институтов, которые не могут уже полноценно работать ни по закону меры, ни по воле беззакония, произвола хаоса. Поэтому все творения Хаоса бесплодны и обречены на самоотрицание.

Но мифы видят правду малую Хаоса в том, что он содержит в себе свободу в виде произвола, предоставляя каждой реалии реализовать себя в качестве произвольной выдумки. Без дозы произвола невозможно устройство мироздания, всех его реалий. Но произвол должен завершить свой проект произволом самого произвола, реализовать свою всевозможность посредством превращения в упорядоченные, организованные, оформленные реалии, в которых он выполняет лишь служебную роль.

Все мифологии пытаются обуздать произвол Хаоса, порождаемых им чудовищ, ограничить несомую ими антитрадицию неведомой вселенской катастрофы, разделившей богов и людей, Премудрость Космоса и философию человека. Ибо вражду между всеми реалиями Космоса создает Хаос, который своей неопределенностью и неопределимостью запускает процессы самоотрицания и саморазрушения.

В древнегреческой мифологии Зевс частично одолел Хаос посредством трех факторов. Во-первых, громовержец получил от пятидесятиглавых и сторуких сыновей Урана и Геи молнии, мощь которых отменяет власть времени и вновь воссоединяет Небо и Землю. Во-вторых, Зевс сделал особой женой Метиду, богиню мысли, от которой родилась Афина Паллада — богиня мудрости и справедливости, которая со своей ясновидящей Совой укрощала Хаос законами, нормами, правилами.¹ В-третьих, Зевс строго следил за чистотой олимпийской крови; хотя он одарял своей страстью немало земных красавиц, но даже своего любимого метиса — Геракла, он все же не взял на Олимп. Мифы видели в крови субстанцию, которая воплощает священное единение Неба и Земли. Посему Зевс ревностно охранял чистоту божественной крови, ибо он знал, что кровосмешение порождает Хаос, угрожающий самим богам.

Сверхмощь молний, божественная кровь и мудрость образуют в царстве Зевса «золотые весы», которые охраняют равновесие мира, подчиняя Хаос благому Космосу, в составе которого он служит мере и справедливости, содействуя превращению жизни для времени во время для жизни.

Но даже бессмертный Зевс и его олимпийская «команда» не смогли полностью усмирить Хаос, очистить его от яда смерти; поэтому они создали историю, передав людям в наследство проблему смерти, а сами ушли в тайну. Смерть стала той ценой, которую люди платят за адаптацию своей жизни к хаосу исторического времени. Смерть — свойство Хаоса, а не человека, как вес — свойство Земли, а не отдельных тел. Смертность «работает» лишь в контексте Хаоса как форма его жертвоприношений.

Мифология сообщает, что во вселенском проекте «Хаос» нет места человеку. Зевс оставил человеку возможность следовать божественным путем героев или же созидать свою собственный Хаосмос — историю. И человек, стартовав в Золотом веке, шел, неуклонно умно-

¹Для Зевса мыслить, значит, повелевать молниями, соединяющими и разделяющими Небо и Землю — таково было гносеологическое кредо Зевса, его *cogito ergo sum*.

жая хаос, через серебряный и бронзовый века к веку железному, а далее к пластмассовому и виртуальному, где царит искусственный хаос, который стремится стать столь же искусственным космосом, обреченным на реальное самоотрицание.

Мифология дает самое полное и всестороннее исследование хаоса. Поэтому для нее хаос представляет и тьму, ищущую свой свет и смысл свой. Хаос выражает какую-то пробивающуюся в мир и к человеку силу великой неизвестности. Пробивающуюся, но никак не могущую пробиться, постоянно срываясь в непостижимую хаосмосность.

В истории главным орудием порождения хаоса, основной его формой, стала экономика, берущая свое начало в безмерии денег, хрематистики и в произволе ростовщика, который и положил начало крушению меры и справедливости в человеческом мире.

Вначале было хозяйство (домохозяйственная демиургия), а деньги служили ему средством; в хозяйстве царили мера и справедливость. Цель хозяйства — «благая и прекрасная жизнь» (Аристотель), жизнь, в которой имущество служит здоровью, здоровье — душе, душа — уму, а ум — богам. Такая иерархия ценностей воплощала в себе меру и справедливость, обеспечивая сохранение этих творцов социума, смысловое обогащение ими людской жизни. Богатство же означало, что в жизни много бога, который умножает и укрепляет жизнь. Меру и справедливость хозяйства не могли разрушить даже рабство и несправедливость, ибо сама жизнь есть рабство и несправедливость смерти. Важно, чтобы рабство и несправедливость подчинялись мере — справедливой несправедливости. Рабство и несправедливость даже необходимы, но... но в меру!

Сломал иерархию меры и справедливости ростовщик, заменив эти регуляторы социума хрематистикой безмерного деньгонакопительства, которое превратило человека, семью, институты, власть, природу в неопределенный материал рынка — в хаос, за которым скрывается его автор и дирижер — ростовщик, принесший в мир процент — ссудный, безрассудный, неподсудный, безумный, хаосом обученный, смертью прирученный, превращать людей в хаосмосный мусор наученный.

Экономика приоткрывает суть хаоса не только в обществе, но и тайну хаоса вообще. Хаос есть власть одной части социума, которая подчиняет себе целостность общества, превращая, заменяя его, создавая свою частную целостность вроде ФРС, которая и производит сегодня хаос для всего человечества. Хаос превращает меру, свободу и справедливость в произвол, который воюет с другим произволом, чтобы расширить общее пространство произвола, который в итоге обраща-

ется против самого себя и становится уже чистым самоотрицанием любой реальности.

Экономика по своей сути есть хаос, скрывающий свою хищную натуру в деньгах, посредством которых хаос расширяет свое бытие, разрушая все меры, пожирая все неэкономические субстанции. И экономика — это не производство и потребление, а превращение всех реалей в деньги, смешение всех реалей, отрицание их идентичности для их превращения в хаос.

Но хаос, действующий посредством экономики, стремится создать свой «частный», искусственный порядок; а поскольку всякий порядок отрицает экономику, то она сама же разрушает созданные ею очаги порядка, вновь и вновь возвращаясь к своему исконному произволу, т. е. самоотрицает себя. Но поскольку любой хаос невозможен без антихаосных ограничителей, то хаосмосную хронику экономики может исцелить лишь хозяйство; летально же экономику исцеляют техномика, информационно-виртуальные симулякры. Экономика — это полупорядок, созданный хаосом, и полупорядок, который пытается преодолеть хаос, сидящий в его нутре.

При этом нужно помнить, что минимум хаоса должен сохраняться во всех общественных реалиях. Без минимума произвола невозможна свобода, но этот хаос должен быть, как огонь, под жестким контролем порядка, правил, хотя бы для того, чтобы они сохраняли этот хаос.

Однако передовое человечество ратует за рост именно экономики, отдавая этому суицидному делу все свои силы и умения, не сознавая, что хаос и экономика — это лукавая пара: мы заботимся об экономике, но умножаем общий хаос, энтропию; сражаясь с хаосом в экономике, мы отрицаем ее «творческую» суть.

Стремление познать экономику представляет собой колдовское непонимание хаоса, незнание того, что понять его нельзя, ибо он по сути своей представляет собой иррациональные и неведомые силы неизвестности вне человека, в человеке, в его знаниях. А экономика работает так же, как хаос и его подруга — смерть — убивает, но растягивает убийство до прихода новых жертв. Посему нет и не может быть нормальной, бескризисной экономики, ибо она есть аномальный организм хаоса, живущего постоянным каннибализмом. А у субъектов, изучающих экономику как хаос, вместо роста знания об этой реалии разрушаются смысловые алгоритмы понимания. Изучение хаоса вне софийного контекста умножает не знания, а хаос, жаждущий новых ученых.

Процветающий суицидный хаос экономики охватил даже точную науку, и властвующий менеджмент, который по сути есть слуга хаоса; многие, слишком многие ученые, синергетические фракции науки полагают, что хаос становится первореалией, перводвигателем и первоабсурдом мироздания, вселенной. «Все из хаоса, все посредством хаоса, все купается в хаосе, питается его энергиями, все устремляется к хаосу, все бесследно исчезает в хаосе, который исчезает в себе из-за отвращения к самому себе». Тогда кому, зачем и для чего нужен хаос? Какие реальные задачи он решает в мире и в жизни людей? Какие функции, где и для кого он выполняет? Каков его скрытый замысел, хаосмосный проект?

Нужно заметить, что даже великие умы и ученые почему-то опасаются в своих штудиях хаоса, проявляя перед ним какое-то странное смирение и художественное слабоумие.

Н. Винер полагает, что мироздание — это брань хаоса и бытия. «Мы плывем вверх по течению, борясь с огромным потоком дезорганизованности, который в соответствии со вторым законом термодинамики, стремится все свести к тепловой смерти — всеобщему равновесию и одинаковости. То, что Максвелл, Больцман и Гиббс в своих физических работах называли тепловой смертью, нашло своего двойника в этике Киркегора, утверждавшего, что мы живем в мире хаотической морали. В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы. Эти островки не существуют вечно в том виде, в котором мы их некогда создали. Подобно Красной королеве мы должны бежать со всей быстротой, на которую только способны, чтобы остаться на том месте, где однажды остановились.

Мы вовсе не боремся за какую-то победу в неопределенном будущем. Величайшая из всех побед — это возможность продолжить свое существование, знать, что ты существовал. Никакое поражение не может лишить нас успеха, заключающегося в том, что в течение определенного времени мы пребывали в этом мире, которому, кажется, нет до нас никакого дела. Попытка построить островок организованности посреди преобладающей беспорядочности природы — это вызов богам и вместе с тем ими же созданная железная необходимость. В этом источник трагедии, но и славы тоже» [1, 311].

Странно: есть, например, закон всемирного тяготения, но человек не ведет с ним постоянной войны, ибо он не угрожает нам, не представляет для нас опасности, не является источником трагедии и славы, а вот хаос почему-то превращает нас в антропобукашки, до которых миру нет дела, но которые упорно строят свои космические ранчо, ко-

торые все равно станут хаосом. Нет, чрезмерные размышления о хаосе вне софийной техники безопасности познания пагубно для мысли и сознания.

Н. Винер — кибернетический оптимист, героический эсхатологист, «интеллектуальный пессимист», логический парадоксалист, хаосмосный сектант, верящий в железную необходимость обреченно сражаться с хаосом и гордиться тем, что хаос все равно покажет всем нам «кузькину мать». Ну и наука!

Такая гносеологическая реакция выдающегося ученого на феномен хаоса вынуждает нас проверить дееспособность самого термина «хаос». Похоже, что термин «хаос» сродни терминам «перестройка», «гласность», «бессознательное» и др., является симулякром, inferнальным слоганом, который служит семантическим оружием, призванным разрушать понимание, осознание мира, человека, событий, познания. Использование этого маркетингового слогана ведет к тому, что каждый его пользователь вкладывает в него свое непонимание и действует, исходя из этого искусственного непонимания, которое каждый считает единственной неопровержимой истиной, отвергая общие аналитические, телеологические и смысловые структуры всякого понимания. Что было бы, если бы каждый человек имел только свое единственно правильное знание таблицы умножения». В такие слоганы специально закладываются семантические ловушки, в котором медленно, но неотвратимо копяты неразрешимые противоречия в понимании реальности и человека. Такие слоганы создают самодействующие конфликты среди людей, запускают программы самозомбирования, самотриципания их ума и сознания.

Странно и непонятно: мир приводит растения, животных, вообще, все реалии к их бытийному назначению. Но тот же самый мир почему-то лишь человека никогда не ведет к его подлинной цели жизни, не дает ему даже ее примерного обозначения, все обещает, но под конец сам все отдает хаосу. И средством извращения путей человека служит научное непонимание хаоса, который есть скрытый убийца смыслов и разумения.

На самом деле, «наука о хаосе» (как и «наука экономики») есть симулякр науки, с помощью которой скрыто можно властвовать над людьми посредством «управляемого хаоса». Ибо любой хаос, его индетерминизм, неопределенность возможны лишь в локальных масштабах, а в составе целого хаос есть вполне определенный и детерминированный практический метод гибридного воинствования. Ведь чтобы хаос использовать в качестве средства, о нем нужно иметь минимум знаний,

а если мы кое-что знаем о нем, то это знание своими определениями превращает хаос в «порядочную» реалию воли субъекта.

Хотя, хотя посредством хаоса продолжается неведомая нам космологическая катастрофа мироздания. В этом плане хаос есть и вестник неизвестности, требующей, чтобы люди и мир готовились к путешествию, о котором даже хаос не смеет и не может ничего сказать, представив слово ученой энтропии. Не исключено, что через хаос неведомая нам жизнь, спасающаяся от процента во мраке и бездне, взывает к свету и смыслам, дабы они помогли ей обрести гражданство в бытии меры и справедливости. Хаос может временно закрывать территории, которые еще не обустроила Премудрость Софии, ибо управлять хаосом может только София, удерживающая вечное единство Неба и Земли.

Странные, необычные отношения хаоса и России, которая постоянно подвергается его инфернальным нашествиям, но вновь и вновь освобождается от хаосмосных соблазнов. Кажется, что хаос возник только ради того, чтобы растворить в своих инфернальных кислотах Россию. Поэтому именно русскому мыслящему сознанию выпала участь — вступить в смысловую брань с демонами хаоса, выявить, определить их суть и место их в больших и в малых мирозданиях.

Начнем с уникальности древнеславянской мифологии, ибо это единственная мифология, в которой хаосу нет места. Нет, и все!

В славянской мифологии есть один верховный бог — Род, которого не свергали, не расчленили дети, создавая из него мир как во многих мифологиях (в древнегреческой, скандинавской и др.). Род — единственный источник вселенной, всех ее реалий. Первой он рождает в мире и для мира Любовь (Ладу), наполняя и пропитывая ею все многообразие своих созданий, а его творящую силу воплощает его сын — Сварог, который поднимает из Океана Землю.

Древние славяне воспринимали мир как целостность, уже изначально наполненной любовью, смыслами, символами, плодоносящими и благими потенциями. Хаос — лишний и не нужный персонаж на празднике живого и смыслоносного бытия, в котором добро занимает место за столом — в Яви, а зло — под столом — в Нави.

В отсутствии внутреннего хаоса история приносила в Россию заморский хаос. Страна пережила несколько нашествий тотального хаоса, несущего в себе Ад крошечный, светопреставление, не считая попыток мелких хаосмосных пакостников посеять анархию, бардак, бедлам, беспорядок, неразбериху, неурядицу, неустройство, путаницу, сумбур, сумятицу на ее землях. И сегодня Россия вновь накрыта глобальным хаосом либерализма; вот почему тема хаоса стала доминировать в физике, математике, экономике, демографии, в политике.

Но Россия имеет огромный опыт укрощения хаоса, опыт использования его творчески-разрушительных сил для самоорганизации и сокрытия своего социума от чуждых и враждебных порядков.

Ведический иммунитет против хаоса Россия сохранила в своей духовно-социальной генетике, признавая Премудрость Софии, ее смысловые спецслужбы — Ничто, Незнание, Тайну, мир Иной, в котором царят мера и справедливость великой неизвестности. Россия твердо знает, что хаос сам по себе не творец, а лишь соучастник творения в составе Порядка. А сам по себе, сам из себя он не творит, а разрушает, пожирает смыслонесущие и смыслотворные реалии. Хаос аморален, а все аморальное в итоге рушится.

А потому России — это последний оплот, последняя надежда человечества на спасение от пагубных смещений людей, вещей, тварей, роботов, инферналов в некоем хаосмосе безмерия и холодной несправедности. Русские — это не только этнос, не только нация и народ, но и особая софийная миссия, призванная указывать пути в мир Иной, где хаос смиренно служит мере и справедливости. И в мир Иной войдет не тот, у кого больше ракет, а тот, у кого больше смыслов, кто передумает, перемыслит, переосмыслит тех, кто даже в мыслях покушается на Россию.

Хаос сам по себе не является автономной реальностью. Не является он и креативной силой, квазиживой средой. За хаосом всегда стоят проект, воля, цели, средства; часто эти начала неизвестны, не вполне известны, но они вершат свою программу посредством хаоса с предопределенностью неживой материи. Именно эта неотвратимость и придает хаосу видимость творящей среды, превращает его в квазисубъекта.

Хаос — это частный аспект, отдельное свойство мироздания и всех его реалий. И эта частная воля инферального ростовщика пытается подчинить себе всю целостность мироздания при содействии ростовщиков истории. А для этого нужно изменить малый ранг хаоса, представить его как необходимый атрибут всего мироздания, как высшую его мудрость. Хаос — это инферальная мировоззренческая провокация, призванная заменить Бытие безмерной, античеловеческой и несправедливой стихией, приготовить наш мир к добровольному самоотрицанию, сбивая его с пути в мир Иной.

Литература

1. *Винер Н. Я* математик. М.: Наука, 1967.
2. *Мандельброт Б.* Фракталы и хаос. Множество Мандельброта и другие чудеса. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009.

References

1. Viner N. Ya matematik. M., 1967.
2. Mandel'brot B. Fraktaly i haos. Mnozhestvo Mandel'brotа i drugie chudesа. Izhevsk.: NIC «Regulyarnaya i haoticheskaya dinamika», 2009.

С.А. СТРОЕВ

Индустрия потребностей и желаний как инструмент управления

Аннотация. В статье проанализированы механизмы управления и форматирования человеческого поведения путем формирования критериев социальной успешности или неуспешности, направления той «беговой дорожки», по которой в дальнейшем будет происходить соревнование за первенство и лидерство. Показано, что зачастую критерии социальной и экономической успешности диаметрально противоположны интересам личностной свободы, духовного и интеллектуального развития и даже просто возможности распоряжаться обстоятельствами своей жизни и окружающим личным пространством. Поставлен вопрос о возможности формирования и защиты социально-экономической структуры, позволяющей личности сохранить свою свободу, автономию от формирующих воздействий глобальной Системы, собственную систему смыслов, координат, ценностей, ориентиров, а также собственное личное пространство, в том числе и в буквальном материально-физическом смысле.

Ключевые слова: поведенческий шаблон, паттерн поведения, стереотип поведения, критерий социальной успешности, цели хозяйственной деятельности, социальная дрессировка, манипулятивное управление.

Abstract. The paper aims to analyze the mechanisms of management and shaping of the human behavior through the creation of the hallmarks of social success or failure and the formation of the «running track» that defines further competition for the «primacy» and «leadership». It has been shown that the criteria for social and economic success are often in the straight opposition to the interests of personal freedom, spiritual and intellectual development, or even to the possibility to control the circumstances of

personal life and surrounding personal space. We raised the issue about possibility to create and protect a socio-economic structure that gives an individual a possibility to save the personal freedom, personal values, meanings, reference points and system of coordinates, provide an autonomy and independence from the destructive influence of the global system, and also secure the private space, including the personal belongings and environment.

Key words: behavioral template, pattern of behavior, stereotype of behavior, criterion of social success, goal of economic activity, social taming, manipulative control.

УДК 330. 111. 334
ББК 65в

Представления, объективирующие и рационализирующие цели и мотивы субъектов хозяйственной деятельности, пытающиеся представить экономическую активность людей в качестве своего рода природного явления, которое можно было бы изучать объективными научными методами, на наш взгляд, глубоко иллюзорны и ошибочны. Напротив, потребление, а следовательно, и производство, превышающее уровень простого жизнепроизводства, не имеют объективного смысла, объективной причинности и объективных механизмов (см. [1]). Весь смысл такого потребления, а, значит, и производства, заключен исключительно в субъективном желании, в субъективном представлении о том, что есть благо, что есть польза, что есть ценность, в субъективном представлении о должном, достойном и правильном. В конечном счете он определяется доминирующими в обществе представлениями о назначении человека и о смысле его земной жизни. Более того, эти субъективные представления о должном и правильном, о смысле жизни, равно как и регламентирующие труд, потребление и отдых аксиологические и этические установки в подавляющем большинстве случаев не являются продуктами и результатами осознанного индивидуального выбора, а усваиваются в процессе социализации подсознательно, как нечто «само собой разумеющееся», минуя фильтры рационального критического мышления, в основном за счет механизмов подражательного поведения и в форме уже готовых поведенческих шаблонов и паттернов.

Механизм воспроизводства и распространения такого рода готовых поведенческих стереотипов, «само собой разумеющихся» паттернов «экономического поведения», определяющих цели и, как следствие, характер хозяйственной деятельности (производства, перераспределения и потребления), в целом понятен.

С одной стороны, действует привычка к автоматическому (без рефлексии на тему их цели) воспроизводству уже ставших практически рефлексорными поведенческих паттернов. Например, человек, привыкший вечером в пятницу ходить в театр, будет продолжать это делать, даже если потерял всякий интерес к театру. Он зачастую не будет даже задумываться над тем, зачем он идет в театр и принесет ли ему это удовольствие. Он просто совершает действие, без которого нарушится привычный циклический алгоритм его жизни, возникнет незаполненность, нарушение порядка, что дискомфортно и энергозатратно. С тем же автоматизмом представитель иного социального круга идет во двор играть в домино. Не потому, что выбирает эту игру из тысяч других, а потому, что того требует привычка в сочетании с принадлежностью к определенному кругу знакомств. Однако одно дело домино или хотя бы театр, а совсем другое дело, если аналогичным «разумеющимся» элементом жизни становится регулярный «шопинг» или ежегодная поездка на курорт. В этом случае экономическое значение автоматически воспроизводимых элементов поведения очевидно.

С другой стороны, как и любое другое социальное животное, среднестатистический человек — конформист. Он усваивает значительный объем социально значимой информации не за счет рационального мышления или хотя бы выработки новых условных рефлексов на собственном опыте, а за счет автоматического подражания окружающим, копируя без всякого размышления о его полезности уже готовый поведенческий шаблон или мнение. Эволюционно это выгодно, так как резко снижает временные, энергетические и психоэмоциональные затраты на обучение. Однако обратная сторона этого механизма состоит в нескритичности усвоения и возможности распространения таким путем не только полезных навыков, но и своего рода информационно-поведенческих вирусов, подчас заведомо вредных для своих носителей. Особенно эффективно подражание работает в двух случаях: либо когда создается впечатление, что «все так делают» (страх выпасть из социума, оказаться в изоляции), либо когда реально или мнимо «так делает» некто, имеющий признанно высокий социальный статус: известный, знаменитый, успешный и т. д. (подсознательная попытка скопировать социальный успех, инстинкт следования за лидером).

Гораздо интереснее другое — понять, как подобные цели хозяйственной деятельности, субъективно наделяемые ценностью и смыслом, возникают и закрепляются изначально.

В доиндустриальном обществе цели и смыслы хозяйственной деятельности складывались обычно естественным образом, как бы сами собой на основе коллективной психологии и общественных отношений.

В современном индустриальном и постиндустриальном (информационном) обществе они зачастую формируются искусственно заинтересованными в этом субъектами.

На непосредственном «тактическом» уровне субъектами установления целей и смыслов потребления и производства в большинстве случаев выступают хозяйствующие субъекты рынка — производители и продавцы товаров и услуг. В этом случае действует всем хорошо знакомая реклама. Какая-нибудь компания «Кока-кола» заинтересована в том, чтобы у людей возникла и поддерживалась потребность пить их подкрашенную и подслащенную воду со всем набором прилегающих консервантов, сахарозаменителей и т. п. вместо, скажем, вкусного и полезного морса домашнего приготовления из натуральных ягод. Производитель смартфонов заинтересован в том, чтобы у потребителей поддерживалась потребность каждый раз покупать новую последнюю модель вместо «морально устаревшей» старой, хотя старая модель с большим запасом обеспечивает все на самом деле используемые функции. Производители одежды создали феномен «мода», в соответствии с которым вполне добротная вещь, которую еще год назад было принято с гордостью носить, теперь уже носить «не принято», «не модно» и как бы даже не совсем прилично и почти что позорно. Банки заинтересованы в том, чтобы у людей возникала потребность брать в долг и жить в кредит, постоянно выплачивая ссудный процент, что, разумеется, совершенно нелогично, с точки зрения клиента, но тем не менее успешно внедрено в качестве шаблона массового поведения. Помимо рекламы в ход идут всевозможные уловки типа «запланированного устаревания» вещей. Основной принцип действия рекламы уже описан выше: главная задача рекламы — убедить потенциального покупателя либо в том, что «так делают все» (эксплуатация конформистского страха отбиться от стада), либо в том, что, наоборот, «так делают особенные, избранные, успешные, не такие, как все» (эксплуатация инстинкта подражания лидеру). Самое интересное при этом состоит в том, что реклама создает шаблон поведения, который затем успешно поддерживается без затрат дополнительных усилий силами самого общества в силу господствующих в нем стадных рефлексов. Так, например, на человека, одевающегося не модно или годами не меняющего свой автомобиль, общество обязательно начнет давить, как минимум, морально (позиционируя его как неудачника, «лузера», чудака, нищоброта и т. п.), а как максимум, и административно, и экономически (например, в некоторых фирмах человек, не меняющий «вовремя» марку своей машины, может быть признан «позорящим фирму», либо, скажем, отсутствие

достаточно дорогого костюма может привести к отрицательному результату переговоров с потенциальным деловым партнером).

Однако поставим вопрос иначе: а для чего и зачем сам производитель или продавец создает и внедряет такого рода потребности, шаблоны и паттерны поведения? Казалось бы, ответ предельно прост и лежит на поверхности: для того, чтобы заставить людей расстаться с деньгами и на этом заработать самому, т. е. получить эти самые деньги. Однако зачем ему самому нужны эти деньги, что он сам может с ними сделать? Только точно так же сам их тратить, следуя тем же искусственно созданным и навязанным готовым шаблонам и паттернам потребительского поведения, которые отчасти произвел он же сам, а отчасти — другие аналогичные субъекты (или, говоря точнее, псевдосубъекты, на самом деле являющиеся лишь объектами) экономической игры. Это вопрос сформулирован в свое время еще В.О. Пелевиным в романе «Generation “Т”»: «С одной стороны, выходило, что он мастерил для других фальшивую панораму жизни (вроде музейного изображения битвы, где перед зрителем насыпан песок и лежат дырявые сапоги и гильзы, а танки и взрывы нарисованы на стене), повинувшись исключительно предчувствию, что купят и что нет. И он, и другие участники изнурительного рекламного бизнеса вторгались в визуально-информационную среду и пытались так изменить ее, чтобы чужая душа рассталась с деньгами. Цель была проста — заработать крошечную часть этих денег. С другой стороны, деньги были нужны, чтобы попытаться приблизиться к объектам этой панорамы самому. В сущности, это было так же глупо, как пытаться убежать в картину, нарисованную на стене».

Какой во всем этом смысл, кроме гонки ускорения цикла производства и потребления и стремительной переработки природных богатств в мусор и токсичные отходы? Распространенная либерально-рыночная теория, основанная на том, что результатом якобы является стремление каждого удовлетворить потребности другого, чтобы увеличить ресурс удовлетворения собственных, не выдерживает никакой критики, потому что речь идет вовсе не об удовлетворении некоего исходного набора потребностей и достижении состояния удовлетворенности («счастья»), а наоборот, об искусственном программировании все новых и новых искусственных потребностей, т. е. о постоянном стимулировании суммарной, как сказали бы буддисты, «беспокойной неудовлетворенности» и «ненасытного стремления», т. е. в конечном счете страдания. При этом каждый отдельно взятый актер такого социального программирования (производитель, продавец) в то же самое время в качестве потребителя и покупателя сам же и оказывается его

жертвой, выступая, таким образом, не внешним по отношению к системе целеполагающим субъектом манипуляции, а деталью и своего рода шестеренкой в механизме ее воспроизводства и функционирования, не способной выйти за рамки предписанной системой роли и заранее заданного ею шаблона действий.

Более широкое и объемное представление о механике программирования шаблонов социального и особенно экономического поведения и отношений мы получим, если примем во внимание реалии посткапитализма как виртуализованной капиталократии. Суть дела состоит в том, что «естественные» для капитализма процессы концентрации и монополизации капитала привели, с одной стороны, к формированию узкой сверхмонополистической мировой финансовой элиты, а с другой стороны, к «схлопыванию» самого реального капитализма в связи с невозможностью его дальнейшего распространения и экстенсивного роста и, как следствие, невозможностью его дальнейшего воспроизводства, что уже было описано нами в ряде ранее опубликованных работ (см., напр.: [2]).

Переломным стал момент, когда мировая финансовая олигархия сначала монополизировала эмиссию денежных знаков, а затем — в одностороннем порядке отказалась от обязательств по обеспечению их как золотом, так и любыми другими реальными вещественными активами. Иначе говоря, сначала превратила натуральные (товарные, вещественные) деньги в представительские (обеспеченные), а затем их — в фиатные (необеспеченные, ненастоящие, фидуциарные) и кредитные деньги. В результате фактически возник субъект, стоящий принципиально вне и выше категорий бедности и богатства, т. е. способный создавать эквиваленты стоимости более или менее произвольно по себестоимости, близкой к нулю. Возникновение такого субъекта превратило основанный на эквивалентном обмене стоимостями реальный рынок в симулякр рынка, камуфлирующий реалии принципиально новой скрытой системы произвольного директивного изъятия и распределения собственности под видом добровольного рыночного обмена. Это позволило, среди прочего, «перезапустить» умерший в реальности капитализм в форме его виртуальной симуляции, своего рода «Матрицы», выполняющей функции теневого манипулятивного управления всеми общественными отношениями и процессами в общепланетарном масштабе (см., напр.: [8]).

Важно понять, что превращение денег в фиатные (необеспеченные) в совокупности с приватизацией монополии на их эмиссию создало принципиально новую реальность, поскольку возник условный субъект, для которого деньги перестали быть не только самоцелью, но

даже ограниченным ресурсом, и превратились в чисто прикладной управленческий инструмент, причем инструмент легко возобновляемый и фактически нелимитированный. Это объясняет, с одной стороны, ту легкость и незатейливость, с которой в современном мире деньги распределяются и раздаются совершенно даром вне всякого отношения к эквивалентному рыночному обмену трудовыми стоимостями или хотя бы просто директивному вознаграждению за полезный производительный труд. Они раздаются в виде социальных пособий и всевозможных социальных компенсаций для малоимущих или признанных «ущемленными»; в форме государственных и частных грантов на реализацию самого широкого спектра социальной активности (подчас совершенно бесполезной); в форме прямых и косвенных субсидий (порой безвозмездных и притом совершенно астрономического масштаба) конкретным компаниям, организациям, предприятиям и финансовым учреждениям или в форме списания долгов.

С той же непринужденностью, впрочем, деньги не только раздаются, но и изымаются произвольным введением налогов, порой откровенно конфискационных по своему характеру, изменением цен на «услуги», от которых невозможно отказаться (например, коммунальных платежей, арендной платы или ставок по уже взятым кредитам), инфляцией (а при необходимости — и обвальной гиперинфляцией), более чем произвольным применением законодательства в отношении штрафов и исков (особенно по части «компенсации морального ущерба»), а, в крайнем случае, и прямой внесудебной (!) конфискацией банковских депозитов (что фактически узаконено в общемировом масштабе кипрским прецедентом) или денежными реформами с одномоментным обнулением существующих фиатных денежных знаков и введением новых.

Однако, с другой стороны, тот же самый факт монополизации эмиссии фиатных денег объясняет и, на первый взгляд, противоположную тенденцию: то, что деньги, ставшие по сути призрачными и «невесомыми», стремительно распространяют свое значение далеко за рамки чисто экономических интеракций и превращаются в универсальный регулятор всех общественных отношений, становясь универсальным средством дрессировки — награждения за следование одобряемым шаблонам поведения, высказываний и даже мыслей и чувств и наказания за любое отклонение от этих шаблонов (см.: [4; 5; 7]).

Лишь небольшой процент людей способен не то чтобы самостоятельно ответить себе на экзистенциальные вопросы о цели и смысле своего бытия и самостоятельно определить направление своего движения, но сформулировать и поставить для себя даже такого рода вопро-

сы. Подавляющее большинство людей способно бежать лишь по той беговой дорожке, которая им предложена, т. е. они ориентируются на готовые шаблоны и паттерны поведения и мышления, нуждаются (и даже требуют!) внешней заданности тех критериев, по которым они могли бы оценить успешность или неуспешность своей жизни, своих поступков и самой собственной личности. Некоторые из них вполне способны самостоятельно изобретать новые, даже подчас нешаблонные и неординарные стратегии, ведущие к социальному успеху, но сами критерии успеха или неуспеха для них должны быть заданы извне обществом, Системой, «само собой разумеющимся порядком вещей» или неким безусловным авторитетом. Это можно уподобить игре в шашки или шахматы, где при всем разнообразии и свободе индивидуальных тактик и стратегий, должны существовать общие правила и общие критерии победы и поражения, иначе сама игра с соперником становится невозможной. Лишь немногие люди способны играть так, как умеет играть фигурками ребенок или аутист — сам с собой, по своим собственным правилам, наделяя фигурки и их перемещение своим собственным смыслом.

По большому счету одна из ключевых потребностей человека — ощущать «правильность» своей жизни в целом и каждого своего решения в частности, т. е. иметь критерии, желательные общепризнанные и никем не подвергаемые сомнению, относительно того, что «хорошо», а что «плохо», что является «успехом», а что «провалом». Даже тень сомнения в самих этих критериях крайне болезненна и лишает человека опоры, «твердой почвы под ногами», системы координат и ориентиров в собственной жизни. Именно поэтому в языческом обществе с таким всенародным энтузиазмом и азартом скармливали львам христиан, а в христианском — жгли еретиков, хотя ни те, ни другие, в сущности, не причиняли никакого физического вреда ни частным лицам, ни обществу и государству в целом. Однако они подвергали сомнению основы господствующего мировоззрения, т. е. сами критерии ценности и успешности, задающие ориентиры и цели поведения и определяющие самооценку каждого конкретного человека. Это крайне болезненно для каждого человека в отдельности и для общества как связанной единой системы в целом, и неудивительно, что их за это убивали. Наглядный пример того, как можно полностью уничтожить ценность прожитой жизни и ее итогов простой релятивизацией критериев ее оценки, простой сменой точки зрения, представлен, например, в рассказе М. Веллера «А вот те шиш».

В самом деле, в чем смысл перестановки фигур по доске в шахматах, если в начале они достаются из коробки, а в конце в ту же ко-

робку складываются? В чем критерий победы или поражения? Почему тот же самый результат, который при игре в шашки считается победой, при игре в поддавки считается поражением? Весь фокус только в договоренности, в том, что оба играющих (плюс, желательнее, еще и аудитория зрителей) *согласны* в том, *что* считать победой, а что поражением, *кого* считать победителем, а кого — проигравшим. Но что будет, если один из играющих играет в шашки, а другой в поддавки? Оба вроде бы достигли желаемого результата, но этот результат ничего не стоит и никого не удовлетворяет. Ведь задача-то была не в том, чтобы достичь определенного положения шашек на доске, а в том, чтобы утвердить свое личное интеллектуальное превосходство над соперником, причем не только в своих глазах, но и в его, и в глазах «внешнего наблюдателя», общества. Именно в этом смысл любой игры. Не в том, чтобы быстро переместиться из пункта А в пункт Б, а в том, чтобы получить признание в качестве победителя соревнований по бегу. В чем ценность того же диплома? Только в том, что он является знаком признаваемого обществом высокого социального статуса, то есть превосходства над теми, кто его не имеет и одновременно эксклюзивного права на высокооплачиваемую престижную работу. Без этого он просто бумажка, которую можно написать себе самому. В лучшем случае — дорогая только как память о годах студенческой молодости, в худшем — просто мусор и макулатура. В чем ценность боевой награды? Да только в том, что она признается обществом в качестве, опять-таки, знака повышенного социального статуса, одного из критериев превосходства в социальной иерархии, в том, что общество не допускает, чтобы каждый желающий мог себе заказать и носить точно такую же, хотя чисто технически это было бы совершенно не сложно и не дорого.

По большому счету, весь секрет управления людьми сводится к тому, чтобы задавать им сами критерии успеха и неуспеха, того, где «старт», а где «финиш» на беговой дорожке. Человек, в большинстве случаев, стремится лишь обогнать других, доказав, тем самым, свое превосходство и свой статус в толпе бегущих, и не задумывается, в каком направлении он бежит и нужно ли ему перемещаться именно в этом направлении. Это за него определяют те, кто устанавливает «старт» и «финиш», не участвуя в забеге сами. Один из самых занятных вопросов, с которым клиенты обращаются к психологу: «объясните мне, чего я хочу!». Подавляющее большинство людей не знают, чего они на самом деле хотят. Они хотят того, чего *принято* хотеть, того, что в данном обществе в данное время *принято считать* ценным, престижным и даже просто приятным. Им говорят: «отдых — это *вот так*», и они отдыхают «*вот так*», считая на уровне сознания, что это

им приятно и позволяет восстановить силы, даже если на самом деле их такой «отдых» выматывает и раздражает («*надо* раз в год летом ездить на море», «*надо* побывать в Париже», «*надо* иметь дачу» и т. п.). Им говорят: «музыка — это *вот это*», и они будут слушать именно «*вот это*» и упорно убеждать себя в том, что при этом что-то такое понимают и испытывают массу эмоциональных переживаний, даже если «*вот это*» — банальная бессмысленная какофония. Кстати, они при этом действительно могут испытывать массу эмоций просто от переживания важности самого момента своего «приобщения к музыке». Важно лишь только то, чтобы это самое «им говорят» транслировалось достаточно авторитетно, лучше всего от лица «всех» («*все* так считают») или от лица некоего безличного «объективного» критерия.

Вернемся теперь к поставленному выше вопросу: в чем смысл распространения и тиражирования потребительских шаблонов поведения, если деньги, которые производитель или продавец товаров и услуг в результате выманит у потребителя (покупателя), он сам же на следование тем же самым шаблонам и потратит? Казалось бы, этот круговорот совершенно бессмыслен. Однако бессмыслен он, только если смотреть изнутри. Если посмотреть на ситуацию извне, то несложно увидеть, что деньги в данном случае служат простым оценочным критерием успешности или неуспешности самого человека и его поведения. Причем даже не сами деньги как статическая категория обладания сокровищем (современные деньги, наподобие фотона, не имеют «массы покоя» и способны существовать лишь в непрерывном движении), а интенсивность их получения и расхода, скорость их «метаболизма», мера участия в их непрерывном потоке.

Как мы уже отметили, подавляющее большинство людей остро нуждается во внешнем подтверждении своей ценности, бессмысленности и успешности, во внешней заданности ценностей и «беговой дорожки», двигаясь по которой, можно сравнивать свою успешность с успешностью «всех остальных». Однако важно, чтобы авторитет этой заданности и подтверждения был безусловным. Со времен поздней Античности и вплоть до наступления эпохи Постмодерна, господствующие в обществе ценности и критерии успешности прожитой жизни многократно менялись, но во всяком случае в каждый конкретный момент времени в рамках одной страны и для одного конкретного сословия существовал только один безусловный и не подвергаемый сомнению социально заданный стандарт. Заданный не кем-то конкретно и персонально, а «по умолчанию» самим «порядком вещей». *Постмодернистская философия впервые со времен софистов Античности обнаружила тот факт, что сами критерии смысла, ценности и успеха*

не существуют в «объективной реальности», а являются сугубо субъективным оценочным суждением, причем к тому же произвольным, то есть не выводимым с необходимостью ни из какой надежной истины. В результате категории смысла жизни и критерии оценки ее ценности, собственной ценности как личности, успешности, осмысленности и небесполезности своего бытия в мире оказались в массовом сознании не только поколеблены и поставлены под сомнение, но и фактически уничтожены. Возникло состояние аномии, «подвешенности в вакууме», в котором любые ценности и достижения не просто субъективны, а и осознаны в своей субъективности и в любой момент могут быть обесценены со стороны неустойчивого внешнего «общественного мнения», защититься от которого можно разве что уйдя в состояние «аутизма», разорвав связи с социумом и наделяя вещи, явления и события своими сугубо личными и индивидуальными ценностями и смыслами (не потому ли стремительно растет число как «аутистов» в переносном смысле слова, так и аутистов в смысле буквального медицинского диагноза, а также социальная значимость и внимание общества к этому психическому отклонению?). Это состояние относительности всех ценностей и критериев успеха крайне дискомфортно для подавляющего большинства людей, однако выйти из него практически невозможно, потому что уничтожены все безусловные моральные авторитеты, которые могли бы своим весом извне гарантировать те или иные ценности и оценочные критерии. Поэтому единственным надежным критерием правильности и ценности собственной жизни становится «объективная успешность». «Объективная» — т. е. заданная не чьим-то моральным авторитетом, а самим ходом жизни, безличными и именно поэтому беспристрастными и нелицеприятными обстоятельствами, самим «порядком вещей», той самой «практикой», которая якобы «критерий истины». Такой «безличной», «объективной» и якобы не зависящей ни от чьих субъективных критериев мерой оценки собственной социальной успешности, а значит, ценности и правильности своей жизни, становятся в современном мире деньги. Причем деньги в динамическом смысле — не обладание неким сокровищем, а доступ «здесь и сейчас» к максимуму наслаждений и потребительских благ, служащий предметом зависти и вожделения (т. е. фактического признания победы и успеха) со стороны окружающих.

При этом человек совершенно не понимает, что этот доступ все не определяется на самом деле объективными и безличными правилами самой жизни, а задается и диктуется вполне конкретными архитекторами социальной структуры в своих сугубо субъективных или, говоря точнее, коллективно-субъективных корпоративных интересах. Он

диктуется теми, кого можно обозначить как «хозяев денег», теми, кто создает деньги «из ничего» фактически в любом потребном им количестве и может «наградить» ими не за труд, талант или какие бы то ни было «объективные достижения и успехи», а исключительно за следование ими установленным и им выгодным правилам. Фактически существующая Система (субъектом которой является мировая транснациональная финансовая олигархия, имеющая доступ к эмиссии фиатных денег, т. е. к «деланию их из ничего») как бы от лица «безличных сил» просто говорит вам, когда вы «молодец, так и продолжай», а когда, «ты лузер и неудачник». Современные деньги — это не более чем кнут и пряник, кусочек сахара и удар током при выработке условных рефлексов у «собаки Павлова». *Все то, что обыватель воспринимает как «объективную» социальную успешность на самом деле есть лишь мера, в которой он справляется с ролью идеального раба Системы, за что и получает вознаграждение, как дрессируемая собачонка получает от хозяина кусочек сахара за вставание на задние лапки.* Особо подчеркнем вновь и вновь, что он получает этот «кусочек сахара» от Системы не за совершенный полезный хотя бы для власти Системы труд, не «в обмен» на свою лояльность и не по установленному договору, а исключительно в одностороннем порядке, в порядке дрессировки. Это «милость», которую Система ему здесь и сейчас разово оказывает, но отнюдь не гарантирует и не обязана оказывать за то же самое поведение в будущем. Система совершенно не нуждается в его труде и в нем самом, в его «хождении на задних лапках» для мировой олигархии зачастую нет никакого экономического смысла, во всяком случае, его не больше, чем в хождении на задних лапках комнатной собачки. При этом хозяин может утилитарно эксплуатировать, например, в основном лошадь и корову, а дрессировать, балуя сахаром, утилитарно бесполезную болонку, и это не имеет никакого отношения к оценке «объективной успешности» жизненной стратегии болонки относительно жизненной стратегии ломовой лошади, как и к «объективной оценке» ее личной ценности и достоинства.

Рассмотрим чуть более подробно и внимательно, за что именно «хозяева денег» награждают и что именно они задают в качестве эталона «социальной успешности».

Во-первых, «социально успешен» тот человек, который много зарабатывает, чтобы потом много тратить. Для того чтобы много зарабатывать, необходимо много и напряженно «крутиться», т. е. тратить значительную часть своей жизни на осуществление предписанной Системой активности, причем далеко не всегда эта активность имеет хоть какое-то отношение к созидательному труду и производству реально

полезных товаров и услуг, а если и имеет, то чаще всего этот труд является рутинным, механическим и не имеет никакого отношения к творческой самореализации. Соответственно «социально неуспешной» объявляется жизненная стратегия, в которой человек, обеспечив себе необходимый прожиточный минимум, большую часть времени своей жизни отказывается выставлять на рынок и продавать, а пользуется этим временем сам, т. е. некоммерчески и «в натуральной форме», например, для размышления, самопознания и рефлексии, созерцания природы, изучения и освоения «коммерчески бесполезных» ему достижений науки и искусства, некоммерческого и неутилитарного человеческого общения и т. п. Таким образом, якобы «успешен» тот, кто продает время своей жизни, а якобы «неуспешен» тот, кто отказывается выставлять его на продажу и проживает свою жизнь сам в свое удовольствие и по своему разумению.

Во-вторых в отношении творчества якобы «успешен» тот человек, который создает то, что от него хочет получить, услышать, прочесть, увидеть потребитель (впрочем, вкус потребителя сформирован воспитанием и рекламой, так что сам потребитель здесь не более чем кукла-марионетка, а реальным «заказчиком» выступают те, кто массового потребителя выдрессировали и запрограммировали на свой вкус и в своих интересах, то есть опять-таки «хозяева денег», финансовая олигархия, контролирующая эмиссию фиатных денежных знаков). Таким образом, якобы «успешен» тот, кто «творит» на потребу и на заказ, так, как ему предписано установленными правилами (а правила обычно требуют не только соблюдения негласных «идеологических» стандартов и шаблонов, но и предельного интеллектуального и эстетического примитивизма и вульгаризации, иначе «широкие народные массы» не оценят и не обеспечат спрос, а, вместе с тем, не будет решаться задача дальнейшего их оболванивания). И, напротив, якобы «не успешен» и «лузер по жизни» тот, кто пишет, снимает, поет и любым иным образом творит без оглядки на «вкус» жующего попкорн потребляйского скотобылда, а так, как ему — автору — самому нравится. Понятно, что для оценки талантности как самого автора, так и его произведения не существует объективного критерия и формально верифицируемой меры: как уже было отмечено, ценность всегда субъективна. Однако даже помимо объективной оценки качества произведения, как минимум, один критерий здесь несомненен: творит ли автор свободно на свой собственный вкус, получая эстетическое удовлетворение как от процесса, так и от результата своего творчества, или подстраивает свое «творчество» под чужие вкусы — заказчика или потребителя с расчетом собрать максимум денег или максимум популярности. И самое

смешное, что Система вновь объявляет «успехом» добровольное рабство, а «лузерством» — свободу, саморазвитие, самоуважение и наслаждение творчеством.

В-третьих, в отношении к собственности и личному пространству «стратегия успеха» состоит в том, чтобы быть готовым ради этого самого «успеха» (т. е. одобрения Системы, выраженного в денежных знаках как баллах этого одобрения) «выгодно продать» свой дом, любые свои личные вещи, поменять в порядке мобильности место жительства, привычный город и страну. И, напротив, «лузерством» объявляется «ригидность» и «немобильность», т. е. сохранение человеком сакральности и принципиальной нерыночности собственного личного пространства (дома), места жительства и лично дорогих вещей. Таким образом, «успехом» опять-таки объявляется отказ от собственной субъектности в отношении надления вещей ценностью и от отстаивания своей персональной территории полного личного контроля, т. е. максимальной объектности и рабская зависимость от внешних обстоятельств и диктуемых извне оценок, неукорененность и манипулируемость. «Лузерством» же объявляется субъектная воля устанавливать свои собственные правила хотя бы в пределах отдельно взятой квартиры и по своему усмотрению определять для себя ценность тех или иных вещей как индивидуальных, неповторимых и качественных (в смысле — не количественных) объектов.

И, наконец, в-четвертых, для того, чтобы успешно справляться с перечисленными тремя задачами, человеку предлагается не просто быть готовым выставить на продажу свое время (т. е., фактически, свою жизнь), свои творческие силы и способности, свое личное пространство и мир своих личных (наделенных личными смыслами, воспоминаниями, ассоциациями, ментальными и психологическими проекциями) вещей, но и внутренне измениться самому. Изменить свои взгляды на жизнь, оценки, привычки, манеру общения, стратегии поведения, структуру самой своей личности таким образом, чтобы самому внутренне стать «по-настоящему успешным человеком». «Успешным» — т. е. угодным и потому награждаемым существующей Системой, успешно продаваемым и покупаемым. Именно этому служат всевозможные «тренинги личностного роста»: стать из «того, что я есть» «таким, каким меня будут покупать!» Речь здесь идет уже не просто о внешних действиях по правилам Системы, не о мимикрии и соблюдении формальных требований, не о социальной маске, а именно о внутренней личностной трансформации, которую, говоря религиозным языком, с полным основанием стоило бы определить как добровольную продажу души дьяволу.

Самое интересное в этом то, что Система в основном действует «пряником», а не «кнутом». Репрессивно-карательные методы в арсенале Системы, конечно, присутствуют, но не доминируют. При наличии желания, воли и хотя бы минимального интеллекта все репрессивно-карательные средства Системы по лишению личной свободы пока еще довольно легко обходятся. В подавляющем и почти абсолютном большинстве случаев Система на данный момент не принуждает насильем, а соблазняет на добровольное принятие рабства «успешности» и «эффективности», награждая за него деньгами, социальным статусом и внешним авторитетом, снимающим мучительные экзистенциальные вопросы об индивидуальном смысле жизни и критериях ее успешности. Это и логично: давно известно, что власть, осуществляемая посредством вознаграждения, эффективнее власти, осуществляемой посредством наказания, поскольку в первом случае объект власти сам стремится войти в сферу власти, в то время как во втором случае он стремится по возможности эту сферу покинуть. *При этом уже совершенно не важно, осуществляется ли власть Системы мировой элитой субъектно в своих, пусть и корпоративных, но человеческих интересах, или же сама эта элита уже утратила субъектность и из хозяина Мегамшины власти превратилась в одну из деталей ее безличного функционирования* [2; 5]. Для объекта власти это мало что меняет, хотя в последнем случае (если полагать власть Системы утратившим человеческое управление самовоспроизводящимся и самоподдерживающимся безличным автоматическим механизмом) ситуация выглядит еще более зловещей и демонической.

В чем, учитывая описанную выше ситуацию, мы видим наши цели и задачи, чего хотим добиться? Мы хотим для начала, как минимум, обрести некую территорию, некое пространство своего собственного контроля, некую свою почву под ногами. Своего рода «потаенное» сакральное пространство, на которое не распространяется власть Системы и в пределах которого мы можем сохранить наши смыслы, наши правила и принципы, наши ценности (как духовные, так и материальные), наш контроль как в чисто буквальном физическом смысле, так и, по мере возможного, над обстоятельствами и условиями своей жизни. Это отнюдь не значит, что мы имеем намерение бросить существующей мировой Системе открытый вызов и объявить ей войну на уничтожение: мы трезво и адекватно оцениваем наши силы и возможности и вполне осознаем их принципиальную несопоставимость с силами и возможностями Системы. Наша задача скромнее и реалистичнее: отстоять у Системы свою личную территорию, заставить ее признать наше право на автономию, право жить по своим правилам и сохраняя свои ценности и смыслы, пусть даже и в пределах своего рода

резервации и на определенных условиях. Это задача сложная, но в принципе выполнимая. Система безлична, в ее структуре всегда можно найти лазейки, причем маленькому, немногочисленному и не слишком сильному и богатому субъекту это сделать даже проще именно в силу его незаметности и неопасности для Системы. Разумеется, переиграть Систему можно только хитростью и ловкостью, а не силовым давлением. При этом наиболее безопасной и жизнеспособной формой организации и существования такого рода автономного пространства является его внешняя мимикрия под элемент Системы, т. е. использование понятного для Системы и приемлемого для нее «внешнего интерфейса». Создаваемая нами структура должна снаружи выглядеть и даже вести себя как аутентичный элемент Системы, а внесистемное содержание (ради которого она нами задумана и создается) полностью герметично инкапсулировать внутри себя. Например, с точки зрения Системы, наша структура может выглядеть и внешне функционировать, как коммерческое предприятие или потребительский кооператив, при соблюдении всех соответствующих этому статусу законов, правил и норм. Но при этом внутри себя и для себя ориентироваться отнюдь не на цели максимизации прибыли или потребления, а на совершенно иные задачи и конечные ценности.

Что нам, в первую очередь, мешает добиться желаемого, т. е. описанных выше целей? В первую очередь, отсутствие субъектности. Иначе говоря, фактическое отсутствие того самого коллективного «мы», которое могло бы осознавать и отстаивать свои интересы, формулировать и реализовывать цели, воплощать в реальность свой идеальный образ и проект желаемого будущего. Таким образом, наша основная и наиболее приоритетная задача состоит на сегодня в коллективной самоорганизации и сборке субъекта действия (см.: [6]), не обязательно стратегического в смысле сил, ресурсов и масштабов влияния на окружающий мир, но непременно стратегически мыслящего в смысле своих собственных корпоративных целей, задач и перспектив в рамках динамично меняющихся исторических, экономических, правовых, социальных и военно-политических условий.

При этом одна и та же задача организации коллективного выживания в мире глобальной нестабильности, формирования безопасного и контролируемого пространства и обретения субъектности и хотя бы ограниченного собственного суверенитета имеет две стороны. Одна сторона — создание материальной базы для решения этих задач, вторая — социальная самоорганизация и формирование коллективного субъекта. Это две стороны одного и того же дела, которые не могут делаться по отдельности или последовательно. Коллективная самоорганизация может успешно и конструктивно осуществляться только вокруг и в

процессе общего практического дела — создания и укрепления общей материальной базы, а материальная база может быть создана только как результат организованного коллективного труда и совместных усилий. Важно, чтобы организация материальной базы выживания и коллективной субъектности стала для участников проекта если не единственной, то хотя бы главной и основной сферой труда. Только в этом случае формирующийся коллектив имеет шанс обрести общую хозяйственно-экономическую основу, материальную основу общности и собственную субъектность, интегрировав в себе все основные биологические и социально-биологические цели жизнедеятельности составляющих его людей. В противном случае он, скорее всего, так и останется клубом для праздных разговоров после основной работы, не связанным с реальными практическими жизненными интересами и потребностями участников, т. е. реальная экономическая основа жизни, а, значит, и сама реальная жизнь у каждого из участников будет своя (связанная с основной работой), и общность коллектива без общей материальной основы совместных интересов так и останется фиктивной и чисто умозрительной.

Конкретная программа формирования защищенного пространства собственного контроля и системы защиты жизни, собственности и информации (т. е. обретения, в пределах возможного, контроля над обстоятельствами своей жизни, определенного уровня личностной автономии и суверенитета) изложена нами в ранее опубликованной статье «Краткая концепция проекта “Ковчег”» [3], а философское и психологическое обоснование актуальности некоторых аспектов этого проекта — в статье «Человек, его смертность и бессмертие» [9]. Мы (сложившаяся вокруг данного проекта группа) приглашаем к обсуждению и к сотрудничеству людей, имеющих практический опыт реализации такого рода проектов, либо просто осознающих их актуальность, в особенности — людей, обладающих практическим опытом и реальными навыками практической организации хозяйственных структур и/или бизнес-проектов. Со своей стороны мы готовы предложить готовую уже детально разработанную концепцию проекта, стратегию дальнейшего развития и плодотворный креатив в процессе его реализации, четкое и ясное видение целевых групп, к которым обращен проект, и специфики их потребностей, а также своего рода идеологию проекта как способ обращения к сознанию целевой аудитории.

Литература

1. Строев С.А. Иррациональность потребностей и субъективная психологичность экономики // Философия хозяйства. 2016. № 6.

2. *Строев С.А.* Итоги 2013: мир и Россия в эпоху конца капиталистической иллюзии // Репутациология. 2014. Январь — апрель Т. 7. № 1—2. С. 30—67.
3. *Строев С.А.* Краткая концепция проекта «Ковчег» // Репутациология. 2015. Июль — декабрь. Т. 8. № 3—4. С. 5—34.
4. *Строев С.А.* Постмодерн как орудие мирового переустройства // Философия хозяйства. 2010. № 2. С. 13—31.
5. *Строев С.А.* Реквием. «Нулевая» политическая теория вместо «четвертой» // Реквием. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2010. С. 4—57.
6. *Строев С.А.* Рождение социально-политического субъекта как предварительное условие государственного суверенитета // Проблема суверенности современной России. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции (электронная часть). Центр научной политической мысли и идеологии. Москва, 6 июня 2014. С. 371—381.
7. *Строев С.А.* Социальные аспекты капиталократии // Репутациология. 2010. Март — апрель. Т. 3. № 2. С. 29—43.
8. *Строев С.А.* Становление виртуальной финансовой системы // Философия хозяйства. 2010. № 3. С. 57—73.
9. *Строев С.А.* Человек, его смертность и бессмертие // Репутациология. 2015. Июль — декабрь. Т. 8. № 3—4. С. 81—93.

References

1. *Stroev S.A.* Irracional'nost' potrebnostej i sub"ektivnaâ psihologičnost' èkonomiki // Filosophiâ hozâjstva. 2016. № 6.
2. *Stroev S.A.* Itogi 2013: mir i Rossiâ v èpohu konca kapitalističeskoj illûzii // Reputaciologiâ. 2014. Âнвар' — aprel' T. 7. № 1—2. S. 30—67.
3. *Stroev S.A.* Kratkaâ koncepciâ proekta «Kovčeg» // Reputaciologiâ. 2015. Iûl' — dekabr'. T. 8. № 3—4. S. 5—34.
4. *Stroev S.A.* Postmodern kak orudie mirovogo pereustrojstva // Filosophiâ hozâjstva. 2010. № 2. S. 13—31.
5. *Stroev S.A.* Rekvie. «Nulevaâ» političeskaâ teoriâ vmesto «četvertoj» // Rekvie. SPb.: Izd-vo Politehničeskogo universiteta, 2010. S. 4—57.
6. *Stroev S.A.* Roždenie social'no-političeskogo sub"ekta kak predvaritel'noe uslovie gosudarstvennogo suvereniteta // Problema suverenosti sovremennoj Rossii. Materialy Vserossijskoj naučno-obšestvennoj

konferencii (elektronnâ čast'). Centr naučnoj političeskoj mysli i ideologii. Moskva, 6 iŭnâ 2014. S. 371—381.

7. *Stroev S.A.* Social'nye aspekty kapitalokratii // Reputaciologiâ. 2010. Mart — april'. T. 3. № 2. S. 29—43.

8. *Stroev S.A.* Stanovlenie virtual'noj finansovoj sistemy // Filosofîâ hozâjstva. 2010. № 3. S. 57—73.

9. *Stroev S.A.* Čelovek, ego smertnost' i bessmertie // Reputaciologiâ. 2015. Iŭl' — dekabr'. T. 8. № 3—4. S. 81—93.

В.П. ОКЕАНСКИЙ, Ж.Л. ОКЕАНСКАЯ

**Неподконтрольный хаос
и хозяйствующая цивилизация**

Аннотация. Показана утопическая сторона цивилизационного идеала тотальной безопасности; сделан вывод о том, что безопасность должна быть понята как раскрывающееся в экстремальных условиях качество высокой профессиональной культуры и этики.

Ключевые слова: безопасность, утопия, техника, цивилизация, спасение.

Abstract. The disclosed utopian side of the ideal of total security; the conclusion is made that the security must be understood as a basis of high-quality professional culture and ethics in the extreme conditions.

Key words: security, utopia, technic, civilization, salvation.

УДК 330.13

ББК 65в

Человек всегда стремился к гармонизации своего жизненного мира. Наличие революций и войн, боли и смерти, болезней и катастроф, агрессии и ненависти — никогда не позволяло историческому человечеству, вопреки Гегелю, признать «все действительное» вполне «разумным», соразмерным и доступным нашему пониманию. Сам исходный кризисологический характер «логосных структур» (говоря языком новейшей дугинской «Ноомахии») не позволяет нам долго оставаться во сне короткого гармонического замыкания.

«Если бы мы не были такие эгоисты, — отмечал отец Сергей Булгаков, — если бы мы не были заняты постоянно своими делами, то

покой и счастье стали бы навсегда невозможны для нас, стоит только открыть глаза и уши, прислушаться к голосам этого мира, мы услышим от всех времен и народов, от прошлого и настоящего нестерпимый стон, проклятия, жалобы, плач детей, мы почувствуем, что земля под нами пропитана кровью и весь этот мир и вся история есть одна мучительная трагедия. Мы не можем вынести и вместить этого сознания, мы слишком любим себя и свой покой, и только потому мы живем в относительном равновесии» [1, 116—117].

Мыслитель видит в такой гармонизации частной жизни «относительное» противоядие «мировой скорби» — об этом красиво писал за полвека до С.Н. Булгакова Фр. Ницше: «Вплотную рядом с мировым горем, и часто на вулканической почве, человек развел свои маленькие сады счастья. Будем ли мы рассматривать жизнь глазами того, кто хочет от бытия лишь одного познания, или того, кто покоряется и смиряется, или того, кто наслаждается преодоленной трудностью, — всюду мы найдем редкие ростки счастья рядом с несчастьем — и притом, тем более счастья, чем вулканичнее была почва; но было бы смешно говорить, что этим счастьем оправдано само страдание» [2, 470].

Между тем, неоднократно обращаясь к этой метафизике мировой скорби, мы не сказали еще о том, что по мере исторического раскрытия неподконтрольности хаоса, базисной нестабильности бытия, хрупкости самого мироздания, фундаментальной нестационарности Вселенной, причем как мегамира, так и микромира — возникает и укрепляется устойчивая потребность планетарного оформления некоего глобального противовеса вышеуказанной зыби существования, его сыпучим руинам и метаморфозам. Появляются утопии, связанные с верою в реальную возможность исторического достижения гармонического мироустройства: например, нового «золотого века», потерянного в далеком прошлом, коммунизма, ноосферы, иными словами — светлого будущего как некой грядущей эпохи, причем чаще всего в конфликте с религиозной обращенностью к надвременной вечности.

Цивилизационный идеал тотальной безопасности принадлежит именно этой референтной группе. Неподконтрольность мыслится изнутри такой модели как отклонение от идеала, как торможение на пути его повсеместной реализации, как нечто субъективно-порождаемое и объективно-устраняемое. Отчасти, если не изредка, это случается и так, укрепляя иллюзии хозяйствующего на земле субъекта...

На самом же деле субъективная неподконтрольность укоренена не в совокупности частных сбоев той или иной антропогенной системы — но в самом неподконтрольном, которое оказывается объективно значимым, хотя и ускользающим от нашего распоряжения и контроля. Не-

подконтрольное и неподконтрольность связаны. Но они связаны примерно так, как космос и косметика, имеющие в корневой структуре своей единой семантики положение красоты, своего рода тотальный дизайн, исходное оформление реальности, не нами в мир положенные.

М. Хайдеггер, ставя «вопрос о технике», указывал на определенный «риск», связанный с «тайной ее сущности» [4, 234]: ведь именно широкоформатное техническое обеспечение человеческого существования как бы выбрасывает человеческую жизнь за устойчивые, устоявшиеся веками и тысячелетиями, пределы человекообразности окружающей нас реальности, давно уже не соотносимой с окрестностями, переходящими в лес и поле...

Техника в большей степени управляет человеком, чем сам человек техникой — в такой технотронности правит сам способ существования хозяйствующей цивилизации, связанный с циклопическим расширением естественных человеческих возможностей. Но, как любил говорить один из лучших переводчиков М. Хайдеггера, а в прошлом — личный секретарь А.Ф. Лосева, В.В. Бибихин: «Тот, кто понял, что бурю в океане создают не корабли, тому естественно задуматься о вещах, превышающих человеческое».

Все современные планетарные проекты направлены на тотальную разумную регуляцию человеческой и, шире, вообще земной жизни — здесь они, безусловно, воспроизводят потесненное монотеистическими религиями язычество с его тотальным магизмом и искусствами управления реальностью. В середине XX в., сидя на грантах английского королевского двора, А.Дж. Тойнби великолепно напомнил всем этим хозяйствующим господам, что не что иное, как именно «крушения цивилизаций — это колеса, на которых религия поднимается на небеса» [3, 140].

Таким образом, профессиональным службам спасения (земным и небесным) и в дальнейшем необозримом историческом будущем — всегда найдется достойное дело. На этом можно было бы и завершить вышеизложенные соображения о большем могуществе неподконтрольного хаоса перед хозяйствующей цивилизацией, устойчивость которой большей частью мнима, а обреченность — темпорально обусловлена.

Однако, что же остается после представленного краткого критического обзора исторически нарастающего тоталитета самой риторики безопасности для специальных служб безопасности? — это закономерный и важнейший вопрос, отсылающий непосредственно к существу их дела: безопасность в таком контексте должна быть прочитана как высочайшее качество профессиональной культуры и этики, символически раскрывающееся в экстремальных условиях, реализуемых все-таки в мире предельных опасностей. Здесь не должно быть иллюзий.

«Трости надломленной не переломит...» (Мф, 12: 20), — так свидетельствует евангелист Матфей об Иисусе Христе, в образе которого благодатно открывается спасительный путь в безопасную безветренную страну (куда не летят самолеты и не едут поезда), простирающуюся уже за пределами того мира, где царствуют стремнины и пропасти, бездны и мглы...

Литература

1. Булгаков С.Н. Венец терновый (Памяти Ф. М. Достоевского) // Булгаков С.Н. Моя Родина. Избранное. Орел: Изд-во Орловской телерадиовещательной компании, 1996.
2. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1991.
3. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Рольф, 2002.
4. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.

References

1. Bulgakov S.N. Venec ternovyj (pamjati F.M. Dostoevskogo) // Bulgakov S.N. Moja Rodina. Izbrannoe. Orjol: Izd-vo Orlovskoj teleradioveshhatel'noj kompanii, 1996.
2. Nicshe F. Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe (af. 591) // Nicshe F. Soch.: V 2 t. T. 1. M.: «Mysl'», 1990.
3. Tojnbi A.Dzh. Civilizacija pered sudom istorii. M.: Rol'f, 2002.
4. Hajdegger M. Vopros o tehnikе // Hajdegger M. Vremja i bytie. M.: Respublika, 1993.

И.Р. БУГАЯН

Предпринимализм и предпринимательство, экономика и общественный сектор: соотношение и мера

Аннотация. Капитализм отодвигается в прошлое *предпринимательством*. Под влиянием разворачивающихся НТР и НТП на доминирующую роль в системе факторов производства выдвигается *предпринимательство*, а на место главного, т. е. наиболее эффективного богатства — современные *доминирующие товары* — *новые и информационные технологии*. Собственность именно на эти технологии и их комби-

нация *современным предпринимательством* с прочими факторами производства делают возможным присвоение, при данных затратах, *наибольшего*, по сравнению с собственностью на труд, землю или капитал, прибавочного продукта.

Ключевые слова: предпринимализм, современные доминирующий фактор производства и доминирующий товар.

Abstract. Now capitalism is giving way to *entrepreneurshipism*. Under the influence of scientific and technical revolution and scientific and technical progress entrepreneurship becomes the dominating factor of production. In the contemporary period the *dominating goods* are *new and information technologies*. They are the main and the most effective wealth. The ownership of these technologies and the fact that the modern *entrepreneurship* combines them with other factors of production make it possible to get *the greatest surplus product* (in comparison with ownership of labour, land or capital).

Key words: entrepreneurshipism, modern dominating factor of production, dominating goods.

УДК 330
ББК 65

Предпринимализм и предпринимательство соотносятся между собой так же, как капитализм и капитал.

Предпринимализм — общество, в котором предпринимательство не просто один из факторов производства, а доминирующий, формирующий и определяющий как их субординацию, так и характер взаимодействия. В результате предопределяются и общественные субординации собственников факторов производства и соответствующих им элит.

К примеру, в рабовладельческих обществах главными были собственники доминирующего тогда фактора производства — труда, представленного специфическим товаром — «рабы». Именно рабовладельцы и формировали тогда верхние эшелоны элит. В феодальных обществах главные элитные субъекты уже землевладельцы, а в капиталистических — собственники капиталов.

Ряд этих перемещений осуществился объективно и неизбежно под влиянием разнообразных прогрессивно-технологических и сопутствующих им общественных преобразований, прежде всего связанных с собственностью на факторы производства.

Первое из этих перемещений произошло под влиянием открытой финикийцами науки навигации и необходимых им для развития посреднического предпринимательства морских путей — по существу инфраструктуры посреднического предпринимательства, с последующим налаживанием на их основе международного обмена.

Всем его участникам постепенно было навязано в качестве всеобщего эквивалента посредством открытого же финикийцами комплекса финансовых наук малополезное, по сравнению с солью, чаем, железом, пушниной и другими известными тогда денежными товарами, *золото*, которое в результате и стало *доминирующим товаром посреднического предпринимательства*. Уместно напомнить, что до этого в каждом кормящем ландшафте были свои деньги и, как правило, наиболее полезные для местного населения вещи: у китайцев — соль, у кочевников — чай, у славян — пушнина, у армян и эллинов — железо...

Второе перемещение произошло в результате открытия на Армянском нагорье технологии выплавки железа и производства из него орудий труда и оружия. Это создало возможность такого роста производительности труда, который резко увеличил размер извлекаемого прибавочного продукта. Вследствие этого новым доминантным товаром стали рабы, а *труд*, потеснив посредническое предпринимательство, *трансформировался в доминантный фактор производства* (произошло преобразование фактора производства — «труд» и соответствующее изменение субординации всех факторов производства).

Третье — использование в производстве сил ветра, воды и тягловой силы животных (*преобразование земли в доминирующий фактор производства и новая, уже третья по счету, субординация факторов производства*).

Четвертое — изобретение паровой машины, повлекшей *возникновение индустриального капитала, трансформацию его в доминирующий фактор производства* и образование новой, *разновидности субординации факторов производства*.

Пятое — развертывание НТР и НТП, проложивших путь современному предпринимательству на основе новых и информационных технологий к доминированию среди прочих факторов производства и, тем самым, к возврату той — первой — субординации между ними, которая впервые появилась еще тысячи лет назад.

Вот спиралеобразный путь, занявший в человеческом измерении гигантский промежуток времени в тысячи лет. Речь идет о периоде: от предшествующего парада планет до нынешнего, недавнего, который вызвал *переход от первого — посреднического предпринимательства (В) на основе товара — золота — ко второму его пришествию (В¹) на рубеже XX и XXI вв.* Их отличие (*В от В¹*) в том, что, хотя *возврат про-*

изошел к тому же доминирующему фактору производства — предпринимательству, но оно уже стало иным, поскольку функционирует на основе нового доминирующего товара — новых и информационных технологий (рис. 1).

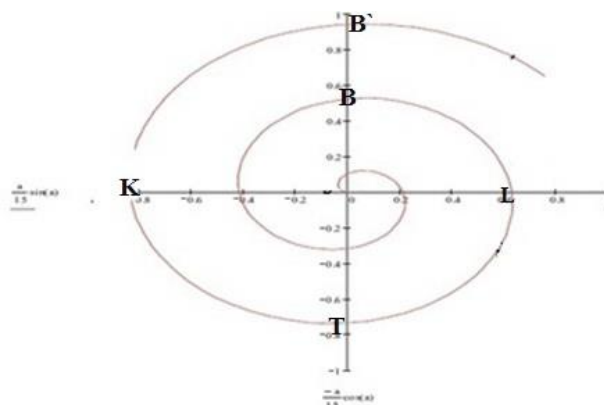

Рис. 1. Субординационная закономерность перемещения доминантных свойств между факторами производства

В результате предпринимательство приобрело столь существенные качественные отличия, что мы вправе утверждать о вступлении человечества в новый этап — новый четырехфазный период спиралеобразного кругооборота. Начало ему, как и в предыдущем кругообороте, вновь дает доминирование предпринимательства в системе факторов производства. Но оно уже качественно иное. Речь идет о предпринимательстве B^1 , основанном на новых и информационных технологиях и порождающем новую общественно-хозяйственную систему, для которой мы и предлагаем категорию предпринимализм. Он, как общественно-формационное явление, уже известен и проявился в понятии «золотой миллиард» ($ЗМ$), в который принято включать население семи стран, достигших в своем движении по спирали точки B^1 .

Таким образом, из 7 млрд людей, населяющих ныне Землю, 1 млрд человек живут в *странах предпринимализма*, т. е. в странах, где доминирующими товарами являются новые и информационные технологии, а фактором производства — *современное предпринимательство* (B^1). Остальные же 6 млрд оказываются в предшествующих общественно-хозяйственных системах, — кто где.

Страны бывшего социалистического лагеря, не выдержав испытания преждевременным социализмом, попятились назад и очутились (по крайней мере, те, кто успел осуществить индустриализацию) в капитализме (К).

Страны Ближнего Востока и Севера Африки, относящиеся в прошлом к странам так называемой социалистической ориентации, подвергшись бесцеремонным воздействиям инструментов по организации «управляемых хаосов», разработанных «мудрецами» США, попали в сложное положение. Они в поиске решений непростых проблем, которые были намеренно обострены внешним вмешательством, вынуждены ориентироваться на весь арсенал средств, которыми располагают, в том числе на свои традиционно исторически сложившиеся ценности. Поэтому население этих стран, вольно или невольно, стало возвращаться к своим прошлым истокам. А в некоторых случаях вторгаются на территории более ранних общественно-хозяйственных систем, для которых были характерны доминирование земли (*T*) и даже труда (*L*). Разнообразие этих средств приобрело тенденцию к возрастанию, и ныне они стали вбирать практически все, что было известно и характерно в прошлых укладах.

Другими словами, и Север Африки, и Ближний Восток под воздействием коалиции стран «золотого миллиарда», возглавляемой США, пошли не вперед, как, возможно, они бы хотели, а вспять — противоположно самораскручивающейся цивилизационной спирали.

На этой огромной территории ныне обнаруживаются все возможные общественные уклады, включая рабство, но нет движения к демократическим целям, объявленным коалицией. В результате произошли невиданное обострение и преумножение неразрешенных проблем региона. Постепенно они трансформировались в мирохозяйственное неблагополучие в целом; одним словом, «управляемый хаос», затеянный США, превратился для них и многих других стран, включая ЕС, в — неуправляемый!

Концепция, которая ныне получила название «управляемый хаос», была впервые не только выдвинута, но и применена на практике отнюдь не США, а Россией.

В 1918 г. для ускоренного движения к социализму В.И. Ленин предложил ввести продналог и продразверстку, которые должны были резко уменьшить в хозяйстве молодой республики удельный вес экономики и соответственно увеличить удельный вес общественного сектора, контролируемого «государством рабочих и крестьян».

Последствия подобных действий вот уже 100 лет как нам, россиянам, хорошо известны, но, по-видимому, оказались неожиданностью

для руководств США и ЕС, попытавшихся повторить в своих интересах нечто подобное на территории стран и народов, которых «не жалко».

Нарушилось веками, а на Ближнем Востоке тысячелетиями, сложившееся соотношение между экономическим и общественным секторами хозяйства — другими словами, мера, в которой существовало прежнее диалектическое единство этих сторон. Поэтому такие попытки неизбежно наталкиваются на сопротивление граждан. В нашем, российском — столетней давности — опыте, преимущественно крестьян.

«Анализируя ситуацию, Ленин находит из нее единственный выход — рабочие должны с оружием в руках сами взять себе хлеб... Для реквизиции хлеба формировались специальные продотряды. Начиная с июня 1918 г. во все концы летят ленинские телеграммы-молнии с приказами о начале продразверстки. (Например, от 5 августа в Тулу): 1) обобрать и отобрать все излишки хлеба у кулаков и богачей всей Тульской губернии; 2) свезти весь этот хлеб тотчас в Москву».

«До нас дошло большое количество его шифрованных телеграмм, конфиденциальных записок и распоряжений. Тон их чрезвычайно жесткий и безжалостный. (Недаром все они потом были упрятаны в спецхраны и спецархивы.) В каждой из них решительные требования жестких санкций и репрессий. Например, в августе Ленин телеграфирует в Пензу: Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». Тогда же идет его телеграмма в Саратов: «Временно советую назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты...». И снова в Пензу: «Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят “последний решительный бой” с кулачем. Образец надо дать. 1) Повесить (непрерменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богачей, кровопийц. 2) Опубликовать их имена. 3) Отнять у них весь хлеб. 4) Назначит заложников... Найдите людей потверже» [11, 505].

«Крестьяне отчаянно сопротивлялись этому неслыханному нажиму. На протяжении всей Гражданской войны не прекращались мощные крестьянские восстания против продразверстки. Реакция на них советской власти была однозначна — беспощадное подавление. Только мощный антоновский мятеж и Кронштадтское восстание 1921 г. заставили Ленина отказаться от политики экспроприаций в деревне.

Зимой 1921 г. Ленин разрабатывает новую экономическую политику партии... Новая экономическая политика партии была принята на X съезде РКП (б) в марте 1921 г. и на X партконференции в мае того же года. Летом были сняты всякие ограничения частной торговли. В 1922 г. была разрешена аренда земли с использованием наемного труда. В декабре 1921 г. принят декрет о частичной денационализации мелкой промышленности и о возвращении ее прежним владельцам... Как следствие уже в середине 20-х гг. началось быстрое возрождение деревни и промышленности.» [11, 506—507].

С точки зрения экономики ничего нового в нэпе не было.

Новизна была, но другая — хозяйственная!

В.И. Ленину пришлось на 180° развернуть политический курс и направление развития страны. Наряду с вышеперечисленными шагами по восстановлению экономического сектора хозяйства он предпринял в 1922 г. новые — укрепил финансы и провел очень удачную денежную реформу, позволившую на короткий срок сделать советский рубль твердой валютой.

В результате стало быстро восстанавливаться, а затем, и оптимизироваться соотношение экономического и общественного секторов; в России оказалось выполненным основное условие преодоления образовавшегося хаоса, а затем и более эффективного функционирования хозяйства. Несмотря на внешнее сходство, насильственные изменения соотношений между экономическим и общественным секторами хозяйства, вызвавшие хаосы в начале XX в. в России и через 100 лет на юге Европы (Югославия), Ближнем Востоке и севере Африки, имеют принципиальные различия. Основные причины российского хаоса были первоначально и преимущественно внутренние — увлеченность тогдашней интеллигенции и молодежи марксизмом и идеями революции, которые затем дополнились причинами внешними, вызванными участием России в Первой мировой войне, а также зарубежным финансированием развала страны.

Немцы не только позволили Ленину вернуться в Россию, но и оказали его партии весьма существенную финансовую поддержку. На нужды большевиков через разные каналы поступили миллионы рублей. (Подсчитано, что уже в июле 1917 г. партия выпускала 41 газету с ежедневным тиражом 320 тыс. экземпляров, одна только «Правда» издавалась тиражом в 90 тыс. экземпляров. Это не считая огромного количества листовок и прокламаций. В собственности ЦК в Петрограде находилась типография, за которую было уплачено 260 тыс. р. Никогда до этого большевики не были так хорошо обеспечены деньгами.) Благодаря этому всего за семь месяцев они сумели «раскачать» общество, под-

резать жилы власти, разложить армию, дискредитировать в глазах населения все демократические партии (см.: [11]).

Хаосы же Ближнего Востока, Севера Африки и Югославии целиком разработаны и внесены извне. Они не имели на этих территориях значимых внутренних корней и не могли там самостоятельно закрепиться; были развернуты среди людей, «которых не жалко», и исключительно из чуждых им внешних интересов наспех сколоченной коалиции. Об этом свидетельствует то, что в нее вошли, наряду с *ЗМ*, страны, очень далекие от современной субординации факторов производства, обусловленной предпринимательством, т. е. доминантой предпринимательства на основе новых и информационных технологий

У. Черчилль однажды сказал: России не повезло дважды — первый раз, когда Ленин родился; второй — когда умер. Уход Ленина от продналога и продразверстки и провозглашение Новой экономической политики с ее беспорными успехами действительно свидетельствуют, что Советская Россия настолько близко подошла тогда к соотношению экономического и общественного секторов своего хозяйства, что стало возможно заметить объективно существующий между ними оптимум, т. е. такое состояние хозяйства, когда становится достижимой его наивысшая при данных условиях эффективность.

В.И. Ленин как рецензент методических работ С.Н. Булгакова для студентов МГУ, будучи близко и хорошо знаком как с ними, так и с их автором, вряд ли бы прошел мимо такого объективно наметившегося явления, которое могло сыграть огромную роль в оптимизации соотношения планомерного и рыночного развития нашей страны. Но его преждевременная кончина, видимо, этому помешала, что и было замечено Черчиллем и названо им вторым невезением России.

Нам представляется, что при определении этого оптимума в будущем применительно к нашей стране, с учетом ее исторических терний, следует исходить из того, что экономический сектор хозяйства России должен развиваться преимущественно рыночно, а общественный — планомерно².

Литература

1. *Бугаян И.Р.* Второе пришествие предпринимательства в качестве доминирующего фактора производства: особенности и социально-экономические последствия. Проблемы и перспективы развития предпринимательства в России. Сб. докл. VI международной научно-

²Подробнее см.: [1—10].

практической конференции, 25 ноября 2014 г. / Под ред. Т.В. Игнатовой. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХ и ГС, 2014. 142 с.

2. *Бугаян И.Р.* Государственное и частное предпринимательство в России: соотношение и необходимая для вырыва к развитию мера // *Философия хозяйства*. 2015. № 2. С. 30 — 31.

3. *Бугаян И.Р.* Инновационное предпринимательство и нынешний кризис: соотношение и мера // // *Философия хозяйства*. Спец. вып. Ростов-н/Д, 2009. С. 14 — 26.

4. *Бугаян И.Р.* Культура России вообще и в предпринимательстве: соответствие современным условиям // *Философия хозяйства*. 2009. № 2 (62). С. 55—63.

5. *Бугаян И.* Общественный сектор хозяйства сегодня: мир и Россия (философско-хозяйственный аспект). *Palmarium Academic Publishing Deutschland*. Saarbrücken, 2016.

6. *Бугаян И.Р.* О закономерностях перехода доминантных свойств от одного фактора производства к другому // *Философия хозяйства*. 2002. № 3.

7. *Бугаян И.Р.* Россия в современном мировом хозяйстве: протавливаемое ей место и субъективно ощущаемое «не так сидим» // *Евразийская интеграция: геостратегический аспект* / Под ред. Ю.М. Осипова, Ю.А. Архипова, Е.С. Зотовой. М.; Ростов н/Д: Вузовская книга, 2014. С. 241 — 259.

8. *Бугаян И.Р.* Современное предпринимательство и менеджмент: соотношение и мера: Монография. Изд. 2-е, доп. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИВ РАНХ и ГС, 2013. 228 с.

9. *Бугаян И.Р.* Спираль общественного прогресса и доминантный фактор производства. // *Философия хозяйства*. Спец. вып. Ростов-н/Д, 2009. С. 5—12.

10. *Бугаян И.Р.* Философия хозяйства и политическая экономия // // *Философия хозяйства*. 2013. № 2. С. 35 — 45.

11. *Рыжов К.В.* 100 великих россиян. М.: Вече, 2005.

References

1. *Bugayan I.R.* Vtoroe prishestvie predprinimatel'stva v kache-stve dominiruyushchego faktora proizvodstva: osobennosti i social'no-ehkonomicheskie posledstviya. Problemy i perspektivy razvitiya predprinimatel'stva v Rossii. Sb. dokl. VI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 25 noyabrya 2014 g. / Pod red. T.V. Ignatovoj. Rostov n/D: Izd-vo YURIU RANH i GS. 2014 g. 142 s.

2. *Bugayan I.R.* Gosudarstvennoe i chastnoe predprinimatel'-stvo v Rossii: sootnoshenie i neobhodimaya dlya vyryva k razvitiyu mera // *Filosofiya hozyajstva*. 2015. № 2. S. 30 — 31.

3. *Bugayan I.R.* Innovacionnoe predprinimatel'stvo i nynesh-nij krizis: sootnoshenie i mera // *Filosofiya hozyajstva. Spec. vyp. Rostovn/D*, 2009. S. 14 — 26.
4. *Bugayan I.R.* Kul'tura Rossii voobshche i v predprinimatel'-stve: sootvetstvie sovremennym usloviyam // *Filosofiya hozyajstva*. 2009. № 2 (62). S. 55—63.
5. *Bugayan I.* Obshchestvennyj sektor hozyajstva segodnya: mir i Rossiya (filosofsko-hozyajstvennyj aspekt). *Palmarium Academic Publishing Deutschland. Saarbrucken*, 2016.
6. *Bugayan I.R.* O zakonomernostyah perekhoda dominantnyh svojstv ot odnogo faktora proizvodstva k drugomu // *Filosofiya hozyajstva*. 2002. № 3.
7. *Bugayan I.R.* Rossiya v sovremennom mirovom hozyajstve: prigo-tavlivaemoe ej mesto i sub"ektivno oshchushchaemoe «ne tak sidim» // *Evrazijskaya integraciya: geostrategicheskij aspekt / Pod red. YU.M. Osipova, YU.A. Arhipova, E.S. Zotovoj. M.: Rostov n/D: Vuzovskaya kniga*, 2014. S. 241 — 259.
8. *Bugayan I.R.* Sovremennoe predprinimatel'stvo i menedzhment: sootnoshenie i mera: Monografiya. Izd. 2-e, dop. Rostov n/D: Izd-vo YURIV RANH i GS, 2013. 228 s.
9. *Bugayan I.R.* Spiral' obshchestvennogo progressa i dominantnyj faktor proizvodstva // *Filosofiya hozyajstva. Spec. vyp. Rostov-n/D*, 2009. S. 5—12.
10. *Bugayan I.R.* *Filosofiya hozyajstva i politicheskaya ehkonomiya // // Filosofiya hozyajstva*. 2013. № 2. S. 35 — 45.
11. *Ryzhov K.V.* 100 velikih rossiyan. M.: Veche, 2005.

Л.К. ЧУЛКОВ, Г.М. ПУРЫНЫЧЕВА

Этика труда русского земледельца

Аннотация. В статье на основе метода рациональной реконструкции рассмотрена этика труда русского земледельца. Показано влияние на формирование указанного феномена природно-климатического, конкретно-исторического и религиозного факторов. Выявлены три традиционных субъекта сельского хозяйства дореволюционной России: русский крестьянин, русский старообрядец-земледелец и русский православный монах. Раскрыты особенности этики труда русского земледельца.

Ключевые слова: трудовая этика, русский земледелец, крестьянин, старообрядец-земледелец, православный монах.

Abstract. On the basis of the method of rational reconstruction, the paper examines Russian agriculturist's work ethics. Influence of natural-climatic, concrete-historical and religious factors on the work ethics is established. Russian peasant, Russian Old Believer-agriculturist and Russian Orthodox monk are revealed as three traditional subjects of agriculture in pre-revolutionary Russia. Peculiar properties of Russian agriculturalist's work ethics are explored.

Key words: work ethics, Russian agriculturist, peasant, Old Believer-agriculturist, Orthodox monk.

УДК 174:331:316.6

ББК 87.7

Современные научные работы, в которых затрагивается проблема этики труда русского земледельца, можно разделить на три группы. Во-первых, сочинения, посвященные *этике труда русского крестьянина* (их авторами являются С.В. Кузнецов, С.А. Королев, А.В. Гордон и др.). Во-вторых, работы, в которых исследуется *трудовая этика русских старообрядцев* (среди авторов можно назвать канадского социолога Э. Басса, а также отечественных ученых А.Д. Карнышева, М.А. Малафееву, Н.В. Козловцеву и др.). И, в-третьих, публикации, рассматривающие *этику труда православных монахов* (среди авторов укажем И.К. Смолича, С.С. Хоружего, М. Поганопулоса и др.). Однако проблема этики труда русского земледельца, несмотря на наличие к ней интереса современных ученых, нуждается в дальнейшей проработке. Актуальность данной проблемы для нашей страны обусловлена, в первую очередь, необходимостью теоретического осмысления путей и способов проведения модернизации российской экономики, в частности сельского хозяйства. Изучение этической составляющей трудовой деятельности русского земледельца, на наш взгляд, позволит наметить более эффективный вариант модернизационных мероприятий в области сельского хозяйства, опирающийся на многовековой отечественный опыт и отечественные традиции занятия земледелием.

В данном исследовании применен метод рациональной реконструкции.

Этика труда русских крестьян до 1917 г. была обусловлена, с одной стороны, их религиозностью, а с другой — особенностью функционирования крестьянского хозяйства. Влияние религиозности на хозяй-

ственную деятельность крестьянина проявлялось, во-первых, в признании православием физического труда в качестве способа спасения души [6, 111]; а во-вторых, в особом обрядовом освящении в православии земледельческого труда, когда в течение длительного времени после крещения Руси религиозные праздники постепенно совместились с праздниками земледельческого календаря (так, А.В. Гордон пишет, что Православная церковь «осветила цикл сельскохозяйственных работ» русского крестьянина путем «ритуализации производственного процесса» [3, 59]). Особенность крестьянского хозяйства, повлиявшая на крестьянскую трудовую этику, заключалась в направленности экономической активности русского крестьянина на удовлетворение потребностей своего домохозяйства и своей семьи. Хозяйство русского крестьянина не было ориентировано на запросы рынка; оно не было нацелено на увеличение посевных площадей, интенсификацию труда, повышение урожайности. Поэтому земледелец мог отказаться от выращивания тех или иных сельскохозяйственных культур, которые пользовались спросом на рынке, или от занятия какими-нибудь выгодными промыслами, если его домохозяйство могло обойтись и без вырученных от данных занятий средств. Другими словами, русский крестьянин стремился не к получению максимальной прибыли, а к такой затрате труда, которая обеспечивала бы удовлетворение необходимых потребностей своего домохозяйства, а не его развитие [5, 73—74].

Этика труда русского старообрядца-земледеца определялась двумя факторами: во-первых, высокой степенью групповой сплоченности и, во-вторых, наличием высшей ценности, лежащей вне материальной сферы. Групповая сплоченность, которая в значительной мере была вызвана сильнейшими гонениями на старообрядцев со стороны царского правительства, воплотилась в общинности русских старообрядцев-земледельцев: и в Европейской части России, и в Сибири, и за пределами России (в Китае, в Южной и Северной Америке, в Австралии) русские старообрядцы селились не по одному, а несколькими семьями, образуя свою, старообрядческую деревенскую общину, что позволяло им противостоять враждебному окружению (см., напр., [1, 184—185]). Это, в свою очередь, обусловило высокую степень взаимопомощи внутри такой деревенской общины. Интересы общины в целом имели не меньшее значение, чем интересы отдельных домохозяев. Высшая ценность, к которой стремился каждый старообрядец, заключалась в сохранении старой веры: трудовая деятельность была призвана создать материальные условия для выживания старообрядцев во враждебном мире, но она не являлась для них самоцелью. Так, если на конкретной территории складывались условия, когда становилось нель-

зя совершать службу по старому обряду, то старообрядцы покидали эту обжитую территорию, даже если на ней имелись благоприятные природно-климатические условия для занятия земледелием (см., напр., воспоминания старообрядца часовенного согласия Д.Т. Зайцева: [4, 31]). Те из старообрядцев-земледельцев, которые впоследствии становились купцами и предпринимателями, чаще всего ради веры и духовной целостности сохраняли свою принадлежность к старообрядчеству [11, 456], хотя это ставило их хозяйственную деятельность в довольно невыгодные условия (двойные налоги, опасность конфискации имущества, наличие рекрутской повинности и т. п.).

Этика труда православного монаха определяется отношением к любой работе как к делу, совершаемому перед лицом Бога: в древних иноческих уставах сказано, что «надобно всякое дело совершать, как бы оно делалось пред очами Господа» [2, 293]. Но, с другой стороны, труд сам по себе не рассматривается в качестве самоцели: если труд не способствует молитве и покаянию, то он теряет для монаха всякий смысл [10, 109]. Помимо этого, в своей жизни инок руководствуется следующими принципами: обетом послушания и обетом нестяжания, а также обетом безбрачия, который, на наш взгляд, не имеет прямого отношения к этике труда и поэтому рассматриваться здесь не будет. Первый обет означает выполнение монахом той работы, которую на него возложит настоятель обители или другой представитель монастырского начальства. Его соблюдение направлено на формирование у монаха способности противостоять собственным желаниям [9, 377—380]. Второй обет призван помочь иноку побороть в себе привязанность к земным вещам (т. е. движимому и недвижимому имуществу). Монах должен зарабатывать себе на жизнь собственным трудом: старец Паисий Святгорец говорит, что монах должен «обеспечивать себя необходимым и не быть ни для кого обузой» [8, 205]. Если же результатов собственного труда не хватает иноку для пропитания, то он может принимать небольшие пожертвования от паломников. Преподобный Нил Сорский по этому поводу пишет: «Аще ли не удовлимся в потребах наших от дѣланія своего за немощь нашу или за иную нѣкую вину благословну, то взимати мало милостиня от христороубцевъ — нужнаа, а не излишняя. Стяжанія же, иже по насилію от чюжихъ трудовъ събираема, вносити отнюдь нѣсть намъ на ползу» [7, 86]. При продаже товаров собственного производства и при покупке продукции для своего потребления инок не должен наносить ущерб другой стороне (т. е. покупателю или продавцу): преподобный Нил Сорский отмечает, что «в купли же потребъ наших и проданіи рукодѣлій подобаетъ не отщевати брата, паче же самѣмъ тщету пріимати» [7, 86].

Таким образом, на основе рассмотрения трудовой этики трех традиционных субъектов сельского хозяйства дореволюционной России: русского крестьянина, русского старообрядца-земледельца и русского православного монаха — можно выделить следующие особенности этики труда русского земледельца, которые сформировались под влиянием природно-климатического, конкретно-исторического и религиозного факторов. Во-первых, в глазах русского земледельца труд (в частности, физический труд) имел высокую ценность. Во-вторых, труд не являлся самоцелью. В-третьих, цель трудовой деятельности лежала вне материальной сферы. В-четвертых, труд направлялся на поддержание хозяйства, а не на его развитие, что привело к позиции минимизации труда: живя в неблагоприятных природно-климатических условиях и сложных социально-исторических обстоятельствах, русский земледелец научился соизмерять свои потребности со своими возможностями и довольствоваться только самым необходимым, поскольку повышение объемов затраченной работы в силу случайных факторов могло и не приводить к увеличению размеров выращенной продукции. И, в-пятых, русский земледелец разумно сочетал в своей хозяйственной практике индивидуальные и коллективные формы труда, заботился не только о собственном благополучии или благополучии своей семьи, но и о процветании всей общины, всего коллектива.

Литература

1. *Аргудяева Ю.В.* Бегство старообрядцев Приморья в Маньчжурию в 1930-е гг. и их реэмиграция в Россию // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи: материалы четвертой международной конференции (г. Владивосток, 14—17 сентября 2004 г.). Владивосток, 2004. С. 181—187.
2. Великие мысли, кратко реченные: Более 4000 изречений святых отцов и учителей Церкви. СПб.: Общество святителя Василия Веллакемским, 2006.
3. *Гордон А.В.* Хозяйствование на земле — основа крестьянско-мировосприятия // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.): материалы международной конференции (г. Москва, 14—15 июня 1994 г.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 57—74.
4. *Зайцев Д.Т.* Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева. М., 2015.
5. *Королёв С.А.* «Русская аскеза». Генезис и эволюция феномена // Человек в экономике и других социальных средах / Отв. ред. В.Г. Федотова. М.: РАН, 2008. С. 69—5.

6. *Кузнецов С.В.* Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских (XIX — начало XXI в.). М.: РАН, 2008.

7. *Нил Сорский.* Предание // Нил Сорский, Иннокентий Комельский преподобные. Сочинения / Изд. подготовил: Г.М. Прохоров. 2-е изд., испр. СПб., 2008. С. 82—93.

8. *Паусий Святогорец* старец. Слова. Т. I: С болью и любовью о современном человеке / Пер. с греч. иеромонаха Доримедонта (Сухина). М., 2006.

9. *Смолич И.К.* Жизнь и учение старцев (Путь к совершенной жизни) // Смолич И.К. Русское монашество. Возникновение, развитие и сущность (988—1917 гг.). Жизнь и учение старцев (Путь к совершенной жизни). М., 1997.

10. *Тихон (Шевкунов)* архимандрит. «Несвятые святые» и другие рассказы. 2-е изд., испр. М., 2011.

11. *Buss A.* The economic ethics of Russian-Orthodox Christianity: Part II — Russian Old Believers and Sects // *International Sociology*. 1989. Vol. 4. No. 4. Pp. 447—472.

References

1. *Argudiaeva Yu.V.* Begstvo staroobradcev Primor'ja v Man'chzhuriju v 1930-e gg. i ih rejemigracija v Rossiju [Getaway of Seaside old-believers into Manchuria in 1930-s and their re-emigration into Russia] // *Staroobradchestvo Sibiri i Dal'nego Vostoka. Istorija i sovremennost'*. Mestnye tradicii. Russkie i zarubezhnye svjazi: materialy четвјортој международној конференциј (g. Vladivostok, 14—17 sentjabrja 2004 g.) [Siberia and Far East Old Belief. History and modernity. Local traditions. Russian and foreign connections: proceeding of the fourth international conference (14—17 September 2004, Vladivostok, Russia)]. Vladivostok, 2004. P. 181—187.

2. *Velikie mysli, kratko rechjonnye: Bolee 4000 izrechenij svjatyh otcov i uchitelej Cerkvi* [Great thoughts which were briefly spoken: More 4000 dictums of holy fathers and Church' teachers]. SPb. 2006.

3. *Gordon A.V.* Hozjajstvovanie na zemle — osnova krest'janskogo mirovosprijatija [Economic management on land as the basis of peasant worldview] // *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX—XX vv.): materialy mezhdunarodnoj konferencii (g. Moskva, 14—15 ijunja 1994 g.)* [Mentality and agrarian development of Russia (XIX—XX): proceeding of international conference (14—15 June 1994, Moscow, Russia)]. М., 1996. P. 57—74.

4. *Zajcev D.T.* Povest' i zhitie Danily Terent'evicha Zajceva [Story and life of Danila Terent'evich Zajcev]. М., 2015.

5. *Koroljov S.A.* «Russkaja askeza». Genesis i jevoljucija fenomena [‘Russian austerity’. Genesis and evolution of the phenomenon] // *Chelovek v jekonomike i drugih social’nyh sredah* [Person in economy and other social environments] / Hrsg.: V.G. Fedotova. M., 2008. P. 69—95.

6. *Kuznecov S.V.* Hozjajstvennye, religioznye i pravovye tradicii russkih (XIX — nachalo XXI v.) [Economic, religious and legal traditions of the Russian (XIX — the beginning of XXI)]. M., 2008.

7. *Nil Sorskij* venerable. Predanie [Tradition] // *Nil Sorskij* venerable, *Innokentij Komel’skij* venerable. Sochinenija [Works] / Edition is prepared by G.M. Prohorov. 2nd ed., corrected. SPb., 2008. P. 82—93.

8. *Paisij the Holy Mountaineer* elder. Slova [Words]. Vol. I: S bol’ju i ljubov’ju o sovremennom cheloveke [With ache and love about contemporary person] / Translation of Gk. by hieromonk Dorimedont (Suhinin). M., 2006.

9. *Smolich I.K.* Zhizn’ i uchenie starcev (Put’ k sovershennoj zhizni) [Live and learning of elders (Way to perfect live)] // *Smolich I.K.* Russkoe monashestvo. Vozniknovenie, razvitiye i sushhnost’ (988—1917 gg.). Zhizn’ i uchenie starcev (Put’ k sovershennoj zhizni) [Russian monkhood. Origin, development and essence (988—1917). Live and learning of elders (Way to perfect live)]. Moscow, 1997.

10. *Tihon (Shevkunov)* archimandrite. «Nesvjatye svjatye» i drugie rasskazy [«Unholy saints» and other stories]. 2nd ed., corrected. M., 2011.

Т.И. КОПТЕЛОВА

Коммерческая сущность интернета — узость современных коммуникаций с точки зрения логики органического

Аннотация. В статье анализируется коммерческая составляющая интернет-технологий, способствующих развитию глобальной коммуникации XXI в. Анализ производится с позиции логики органического — особого стиля мышления, существующего в различных культурных традициях (гилозоизм, витализм, «цельное знание», органицизм, органический тип философии истории и т. д.). Сущность коммерции определяется через активную деятельность людей, направленную не на создание новых объектов, а на манипулирование уже существующими материальными благами, где главная цель — личная выгода. Одномерность и однообразие интернета рассматривается с технической стороны («замкнутость на цифре») и с культурной — преобладание коммерческого интереса. Ограниченность современных коммуникаций, замкну-

тых на интернете, рассматриваются как неполноценное визуальное восприятие окружающего мира и как глобальная унификация, разрушающая национальные культуры. Актуальность осмысления интернет-коммуникаций обусловлена проблемой сохранения адекватности мышления современного человека и необходимостью обеспечения устойчивого развития будущих поколений, предполагающего экологическую, культурную и политическую безопасность.

Ключевые слова: виртуальность, глобализация, интернет, коммерция, коммуникация, логика органического, технология, экология, этнос.

Abstract. The article analyzes the commercial component of Internet technology to promote the development of global communication XXI century. The analysis is done from the standpoint of logic, organic — a particular style of thinking, existing in different cultural traditions (hylozoism, vitalism, «integral knowledge» organicism, organic type of philosophy of history, etc...). The essence of commerce is determined by the active people, not aimed at creating new facilities, and the manipulation of existing material goods, where the main goal — personal gain. Dimensionality and the monotony of the Internet is considered to the technical side («closure on the figure») and cultural — the predominance of commercial interest. The limitations of modern communications, closed on the internet is regarded as defective visual perception of the world and as a global unification, destroying the national culture. understanding of internet communications Urgency due to the problem of preserving the adequacy of the thinking of modern man and the need to ensure sustainable development for future generations, involving ecological, cultural, and political security.

Key words: virtuality, globalization, internet, commerce, communication, organic logic, technology, ecology, ethnos.

УДК 330
ББК 32.988.5

Проблема интернета как глобальной коммуникации XXI в. заключается, прежде всего, в потере чувства реальности, в узости отражения окружающего мира (узости, определяемой технологическими возможностями и коммерческими интересами). В то же время интернет-технологии превращаются для многих людей в важнейший способ взаимодействия и в своеобразный смысл жизни, заполняющий время и личное пространство. Интернет-технологии претендуют на то, чтобы вобрать в себя все многообразие национальных культур, всю много-

мерность сфер человеческой деятельности. Каковы перспективы у человечества, абсолютизирующего одну из технологий коммуникации? Ответ на этот вопрос представляется наиболее объективным с позиции культурного многообразия, в контексте известной нам истории человечества.

Представление о национальной самобытности как необходимом условии существования человечества сохранила в себе органическая парадигма. Логика органического — важнейшая интеллектуальная традиция, характеризующая особый способ мышления, нашедший отражение в российской науке. Близким по значению «логике органического» выступает понятие «органическая логика», распространенное в русской философии XIX в. Например, у В.С. Соловьева проблема адекватного восприятия жизни рассматривалась в теологическом ключе, где практически не учитывались научные достижения в области исследования живой природы. И в то же время «логика органического» носит более широкое значение, подразумевающее уже сформировавшиеся формы мышления, представленные в отдельных традициях естествознания, и находящиеся в процессе своего становления новые методологические принципы понимания жизни.

Логика органического характеризует стиль мышления, существующий в различных культурных традициях (гилозоизм, витализм, «цельное знание», органицизм, органический тип философии истории и т. д.) [1, 10—101]. Как отдельная интеллектуальная традиция «логика органического» противоположна «механицизму» современной западной науки и позволяет по-новому взглянуть на диалектический метод и системный подход, подверженные «отвлеченно-математическому» стилю мышления. Для логики органического в отечественной интеллектуальной традиции характерно, с одной стороны, представление о цельности личности и знания, о жертвенной любви и соборности, а с другой — многие ее идеи возникли благодаря росту естествознания, особенно достижениям биологической науки. Поэтому отдельные элементы логики органического присущи историософской концепции Н.Я. Данилевского, позволяющей соединить в единое поле жизнедеятельности все основные области личного творчества, не оставляя при этом в стороне биолого-географические факторы. А проблема природной согласованности — это, например, одна из важнейших тем научных исследований И.И. Мечникова. Дело в том, что один из законов природы утверждает увеличение в мире нестройных движений, энтропии, но он нарушается, по убеждению ученого, за счет существования живых организмов. Мечников делает предположение: живые организмы «представляют собою сита, через которые из приносимых к ним

отовсюду движений, неправильных, нестройных, просеиваются только движения определенного направления, благодаря чему нестройность переходит в стройность» [7, 11]. Понятие согласованности рассматривается на межвидовом, внутривидовом и, наконец, на уровне конкретного организма. В XX в. логика органического находит свое развитие в философии классического евразийства 1920—1930-х гг. и в теории этногенеза Л.Н. Гумилева.

Согласованность и многообразие — важнейшие термины логики органического, без которых невозможно адекватное понимание существующей реальности. Любая технология, как правило, акцентирует внимание лишь на одной из сторон взаимодействия. Узость технологии — это математический расчет. Без математики современная техника не существует. Возможна ли математизация культуры? Интернет-технологии дают положительный ответ на этот вопрос, и человек схематизирует собственное существование.

Потеря реальности ощущения даже собственного тела — серьезная проблема, затрагивающая самую «цивилизованную» часть человечества. Традиции, поддерживающие естественную жизнь, теряют свою значимость и актуальность в виртуальном пространстве. А возможна ли неестественная жизнь? Современные технологии отвечают на этот вопрос положительно. И в XXI в. человечество приспособляется уже не к природе, а к техносфере, активно подгоняет естественное под искусственное. Так, значительная часть населения Земли — жители больших городов, где быт настолько опосредован, что «цивилизованному» человеку гораздо ближе стало искусственное. Да и сам человек в «виртуальном мире» не востребован не только как личность, но и как живой организм. В этой связи вполне справедливы замечания о том, что «виртуальный мир» убивает человека: «Человек-ничто. Нет человека. И это вводится в норму» [6, 187].

Логика органического в противоположность технологической одномерности закрепляет принцип цельности, многообразия и целевой детерминации в познании. И если диалектической логике не хватает категориального аппарата, отображающего многомерность культурного разнообразия, прошлые или будущие события, логика органического использует «процессуальность», свойственную всему живому (от рождения к смерти) [3, 77—80]. Логика органического, тем самым, предлагает особый, не свойственный западной науке, взгляд на коммуникацию. Так любая коммуникация должна способствовать сохранению этнонационального сознания. И некоторые современные мыслители справедливо замечают, что «расстаться с этнонациональным сознанием» означает «расстаться с человечеством» [8, 13].

Как известно, слово «коммуникация» происходит от латинского глагола «communico» — «делаю общим» и возникшего позднее существительного «communicatio» — «сообщение», «передача». И ничто, казалось бы, так не способствует интеграции как современные информационные технологии, одной из которой является интернет. Для современного человека интернет выступает как универсальный канал передачи сообщений самого разного рода, который стремится объединить весь мир и создать неведомые ранее возможности для реализации личной свободы. Но не лишают ли интернет-технологии мир естественного многообразия, способствуя унификации? Не является ли интернет псевдокоммуникацией (обманом, иллюзией в общении и взаимодействии)? И вопрос сохранения внешней и внутренней свободы личности остается открытым, так как реализация самостоятельности не нуждается в абсолютной публичности и невозможна при тотальном контроле. При этом интернет — не только возможность осуществления межличностной коммуникации, но и способ связи явлений материального и духовного мира, и создаваемое виртуальное пространство, претендующее на то, чтобы соединить «бытие» и «ничто». Таким образом, интернет — это важнейшая из современных коммуникаций в самом широком смысле этого слова. Откуда тогда появляется обезличивающий, унифицирующий характер интернета? Связано ли это только с технологией или определяется акцентом коммерческого назначения, ориентацией на экономическую сферу жизни общества? Благодаря чему и на какие средства существует интернет? Ответы на эти вопросы мы находим в экономической сфере жизни общества.

Человек XXI в. продолжает бороться с пространством и временем, но характер этого противостояния из духовной плоскости (области мировых религий, бессмертных памятников искусства, познавательного творчества) сместился в область коммерции, экономического превосходства. Так интернет воспринимается как эффективная экономия времени, а следовательно, и денег, самый дешевый способ преодоления пространства. Не стоит объяснять эффективность интернета в рекламе, в распространении товаров и услуг.

Межличностное и групповое общение благодаря коммерческой направленности интернета превратилось из взаимодействия и содействия в воздействие одного человека или группы лиц, на других. И другие из «друзей», «единомышленников» все более и более превращаются в безликую массу, человек становится средством, он перестал быть целью экономических, политических и культурных преобразований. Общим в современных коммуникациях становится порою то, что связывает обманщика и его жертву. Отсюда и появляются агрессивность,

тотальное неверие, психологический и даже физиологический дискомфорт современного человека. Поэтому так много говорят о проблемах творчества, и частное порою возводится во всеобщее, счастье ассоциируется с комфортом [2, 14—15].

Интернет стремится сохранить важнейшую функцию коммуникации — посредничество между индивидуально и общественно значимой информацией. Но все больше преобладает индивидуально значимое, поощряется индивидуализм и развивается эгоизм. Индивидуально значимое, выдаваемое за общественную ценность и превращает интернет в псевдокоммуникацию. Неудивительно, что в начале XXI в. мир все более превращается в некий материал, средство для процветания небольшого количества крупнейших транснациональных корпораций.

Материальная культура вступает в конфликт с природой в тот момент, когда становится воплощением духа коммерции или «мещанского духа». С точки зрения теории этногенеза Л.Н. Гумилева «торгашеский дух» развивается у этноса в период старения, когда народ постепенно утрачивает творческие способности, пронизанные альтруизмом, аттрактивностью (стремлением к недостижимому идеалу: истине, красоте, справедливости) [4, 207—208]. В то время, когда идеал математически вычисляем, представлен обозримым количеством благ, когда развиваются индивидуализм и эгоизм, иллюзия автономности человека (его отчуждение от природы и от общества), внимание сосредотачивается на экономической сфере. Именно экономика абсолютизируется, представляется единственной необходимой основой существования общества в тот период, когда человек все более занят материальной культурой, ориентированной на телесные потребности. Развитие индивидуализма и эгоизма способствует воспитанию своеобразной лени современного «цивилизованного» человека. Его «творчество» направлено не на создание новых объектов, а на манипулирование уже существующими материальными благами. Цель таких манипуляций — личная выгода. Здесь и проявляется в наибольшей степени «коммерческий дух», возведенный англичанами, например, на уровень религиозного поклонения [5, 192—193].

История создания интернета, как и всей техносферы, раскрывает цели, преследуемые обществом. И гуманизм здесь будет весьма опосредованным, так как главные задачи — это достижение превосходства и борьба за материальные ресурсы. Интернет-технологии позволяют успешно реализовать данные задачи и в коммерческой деятельности, и в «гибридных» войнах. Утрату творческой энергии и альтруизма Л.Н. Гумилев в своей теории объясняет не только снижением пассионарности (биохимической энергии живого вещества), которое происхо-

дит из поколения в поколение в рамках одной этнической истории, но и деградацией культуры, определяемой разумной деятельностью людей, зависящей не от законов природы, а от особенностей человеческого мышления.

Человеческое мышление — это способ отражения реальности, которым обладает живой организм. Логика органического позволяет рассматривать каждый живой организм как «точку концентрации реальности». Любой живой организм, согласно И.И. Мечникову, способен особым образом согласовывать материальный мир, переводя через собственную жизнедеятельность «нестройные» движения материи в определенный порядок. Возможно, подобный аспект логики органического использовать по аналогии и для области человеческого мышления. Таким образом, человеческое мышление (сознание) — своеобразный инструмент, настраивающий не только всю область культуры, но и весь окружающий мир определенным образом. Свобода мышления, возможность подлинного творчества реализуются за счет многообразия и многовариантности путей развития. Многовариантность в культуре — воплощение индивидуальности, личностного начала. Но индивидуальность, согласно логике органического, возможна лишь в многообразии и русская культура предлагает «соборный вариант индивидуальности». Однообразие, согласно логике органического, — это небытие, отсутствие развития, свободы и творчества. Одномерность и однообразие интернета можно рассматривать чисто с технической стороны («замкнутость на цифре») и с культурной (духовной) — преобладание коммерческого интереса.

Ограниченность современных коммуникаций, замкнутых на интернете, проявляется и в неполноценном визуальном восприятии (отражении) окружающего мира. Из пяти органов чувств интернет-коммуникации используют лишь два (зрение и слух). При этом интернет способен активно влиять на природную способность человека адекватно воспринимать пространство и время — признаки всего живого. Интернет-технологии создают свое пространство и время, противоположные порой естественным ритмам жизни, «укорачивающие» природное пространство и время. При этом интернет достаточно схематично представляет бесконечность (только в ее цифровом измерении) и в то же время он агрессивен, так как претендует на всеобщность (тотальность) и стремится к глобальной унификации. Интернет-коммуникации унифицируют не только мир культуры, но и разрушают естественные органические связи окружающего мира, разбивают цельность. Уничтожая естественность связей (природа — общество — национальная культура — государство — семья — человек), интернет

через расщепленное (фрагментарное) сознание открывает мир как некий хаос (при этом противостоят: порядок технологии и беспорядок мыслей).

Логика органического позволяет увидеть важнейший недостаток современных коммуникаций: мир в них представлен в виде макета, живое используется как материал для создания иллюзии, лжи, индивидуальной замкнутости. Современные коммуникации лишают человека природной способности адекватного, цельного, многомерного, восприятия реальности. При этом человек утрачивает и способность адаптации, которая неизменно связана с адекватным мышлением. Человеческая жизнь в XXI в. все более и более зависит от техники (электроэнергии, работы телевизоров, сотовой связи и т. д.). И в то же время «цивилизованный» человек становится беспомощным перед природой и даже природой внутри самого себя (собственной психикой, эмоциями).

Таким образом, с точки зрения логики органического мир интернета — это осколок жизни, искаженно, фрагментарно отражающий реальность. Поэтому он и должен остаться всего лишь осколком современности — самым незначительным фрагментом многомерной, полноценной жизни людей. Жизнь, творчество — это центр притяжения, без чего невозможно будущее человечества, а мир иллюзии (виртуальность) не способен вместить сложности и цельности самого примитивного организма.

Литература

1. *Коптелова Т.И.* Логика органического. Наука для жизни или жизнь для науки? Н. Новгород: Гладкова О.В., 2015.
2. *Коптелова Т.И.* Музыка как отражение жизни: органическая методология изучения музыкального искусства // Вестник кафедры ЮНЕСКО Музыкальное искусство и образование. 2016. № 3.
3. *Коптелова Т.И.* От виртуального к реальному — феномен жизни в органической логике евразийства // Философская мысль. 2016. № 12.
4. *Коптелова Т.И.* Экология духа как основа социального проектирования в парадигме органической философии // Философия хозяйства. 2016. № 5. С. 205—212.
5. *Коптелова Т.И.* Экономика и православие — евразийский вариант «капиталистического духа» // Философия хозяйства. 2014. № 5.
6. *Кутырев В.А., Нилогов А.С.* Последнее слово человека самому себе?.. // Философия хозяйства. 2015. № 5.
7. *Мечников И.И.* Этюды о природе человека. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 292 с.

8. *Осипов Ю.М.* Этнонациональное сознание и историческое поведение // *Философия хозяйства*. 2016. № 5.

References

1. *Koptelova T.I.* Logika organicheskogo. Nauka dlja zhizni ili zhizn' dlja nauki?: monografija. N. Novgorod: Gladkova O.V., 2015. 236 s.
2. *Koptelova T.I.* Muzyka kak otrazhenie zhizni: organicheskaja metodologija izuchenija muzykal'nogo iskusstva // *Vestnik kafedry JuNESKO Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie*. 2016. № 3. S. 13—20.
3. *Koptelova T.I.* Organicheskij princip evrazijstva i predposylki izmenenija gospodstvujushhego v sovremennoj nauke stilja myshlenija // *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal*. 2015. T. 4. № 6. S. 524—533.
4. *Koptelova T.I.* Jekologija duha kak osnova social'nogo proektirovanija v paradigme organicheskoy filosofii // *Filosofija hozjajstva*. 2016. № 5. S. 205—212.
5. *Koptelova T.I.* Jekonomika i pravoslavie — evrazijskij variant «kapitalisticheskogo duha» // *Filosofija hozjajstva*. 2014. № 5. S. 191—198.
6. *Kutyryov V.A., Nilogov A.S.* Poslednee slovo cheloveka samomu sebe?.. // *Filosofija hozjajstva*. 2015. № 5. S. 172—189.
7. *Mechnikov I.I.* Jetjudy o prirode cheloveka. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961. 292 s.
8. *Osipov Ju.M.* Jetnonacional'noe soznanie i istoricheskoe povedenie // *Filosofija hozjajstva*. 2016. № 5. S. 11—20.

О.В. НИФАЕВА

Этика социально-экономического развития

Аннотация. Выделены этические фазы социально-экономического развития, обоснованы противоречия современного общества, в том числе распространение одиночества, манипулирования и эксплуатации. На основе диалектической логики и трудовой теории стоимости показаны противоречивые последствия научно-технического прогресса.

Ключевые слова: этика, мораль, прогресс, диалектика, прибавочная стоимость, эксплуатация.

Abstract. Ethical stages of socio-economic development are pointed out, modern society contradictions, including the spreading of loneliness, manipulation, and exploitation, are substantiated. On the basis of dialectical

logic and labour theory of value the contradictory consequences of scientific progress are shown.

Key words: ethics, morality, progress, dialectics, surplus value, exploitation.

УДК 330.342
ББК 65.013

В настоящее время на фоне глобальной неустойчивости в экономической науку приходит осознание важнейшей роли этических факторов социально-экономического развития [17]. В данной статье с учетом результатов исследований, проведенных автором [14—16], сделана попытка развития понимания значимости этики в широком культурно-историческом контексте. Для этого попытаемся в сжатой форме проследить динамику этических факторов социально-экономического развития как смену преобладающих типов морали и на этой основе обозначить возможные перспективы дальнейшего развития человеческой цивилизации.

Как известно, в истории человечества был длительный период, характеризующийся крайне низкими темпами экономического роста [9, 15], когда хозяйственная деятельность носила присваивающий характер. Человек мог перемещаться в поисках пищи на большие расстояния. Так как численность людей была несравнимо меньше, чем сейчас, существовало множество неосвоенных территорий. В период господства натурального хозяйства производился лишь необходимый минимум, излишки возникали случайно, шли на образование сокровищ или делились между членами общины. Экстенсивный тип развития постепенно сопровождался улучшением питания человека, включением животного белка в его рацион, что вело к увеличению интеллектуальных возможностей и позволяло высвободить время для изготовления орудий труда [12, 8].

Указанные факторы приводили к тому, что численность населения медленно, но все же росла, а потому переходить на другое место в поисках пищи человек уже не мог без опасений за свою жизнь. Новую территорию нужно было завоевывать. Здесь человеческая активность уже была направлена не только на природу (на то, чтобы забрать у нее готовые ресурсы), но и на других людей, которые «мешали» эксплуатации данного участка земли. Свободных экстенсивных ресурсов развития становилось все меньше. Так формировалась мораль силы (как основной инструмент выживания человека). Она находила выражение в оправдании не только убийства и грабежа соседей, но и в том, что, если

новорожденный появлялся в голодное время или в семье уже было много людей, младенцу не сохраняли жизнь, считая, что его шансы на выживание слишком малы [13, 13]. Как указывал Г. Гегель, в римском праве существовала норма, согласно которой дети признавались вещами отца [6, 102].

Мораль силы, необходимая для выживания в столь жестоких условиях, могла быть обеспечена двумя способами: физическими данными и материальным богатством (которое также завоевывалось преимущественно физической силой, своей или чужой). Поэтому неотъемлемыми чертами того времени были непрекращающиеся войны, захваты, грабежи и насилие. Главной функцией возникшего со временем государственно-сословного аппарата также было насилие (личная зависимость, взимание налогов, повинностей, дани) для обеспечения власти и безопасности [8, 38]. Гераклит писал о том, что война — обычный порядок вещей. Для получения новых экстенсивных источников существования нужны были новые территории, а для их освоения — рабы, поэтому в конце концов войны стали развязываться не только с целью получения материального богатства, но и с целью захвата новых рабов [7, 70]. Аристотель рассматривал войну как вид хозяйственной деятельности: «охотиться» необходимо не только на зверей, но и на людей, которым по природе предназначено быть подчиненными [10, 176].

Самые могущественные государства эпохи морали силы существовали за счет ограбления соседних территорий, морского разбоя, похищения рабов, эксплуатации колоний. Когда же внешние источники увеличения богатства иссякали, приходилось прибегать к повышению налогов. Постоянные войны, кровавая борьба за власть, пиратство с государственной поддержкой, высокие налоги приводили к истощению государств и еще больше загоняли их в кризис. Дополнительным источником увеличения богатства была узаконенная проституция [7, 72].

Такова была мораль силы, обусловленная борьбой за выживание, доминированием материальных интересов человека и выражавшаяся в постоянных войнах, грабежах и насилии. Основными аргументами в борьбе за выживание были сила и власть. Помимо силы властное положение определялось наличием богатства, получался замкнутый круг «выживает сильнейший»: «насилие — власть — богатство — снова насилие». В отношении морали силы включилась даже церковь: инквизиция, продажа индульгенций, кровавые завоевания под религиозными лозунгами, публичные казни как повод для народных гуляний. Все это свидетельствовало о крайне высокой степени морально-нравственной деградации [7, 74].

Однако одними войнами и грабежами прожить сложно, на ведение войны нужны и средства, и просто физические силы, поэтому люди вынуждены были обмениваться тем, что у них было. Мирный обмен гораздо выгоднее войны, больше способствует выживанию человека как всеобщего, родового существа [5] и потому становится более регулярным, возникает территориальная специализация в торговле в зависимости от того, на какой части суши осел тот или иной народ. Поэтому первым видом экономической деятельности была торговля, основанная на перераспределении природных ресурсов, награбленного или продуктов земледелия и ремесел.

Возникновение рыночной экономики и индустриальной эпохи могло произойти примерно на два столетия раньше, если бы не расширение потенциала экстенсивного развития, которое дали человечеству Великие географические открытия, ставшие почвой для нового передела территории Земли. Новые территории продлили агонию морали силы и насилия, вылившись в колониальные войны между Голландией, Англией, Испанией, Португалией и другими странами. Варварство, грабеж вновь «открытых» территорий и войны продолжились (хорошо известно, как вели себя первооткрыватели с коренным населением, изоциренно практикуя все инструменты морали силы), как продолжилась торговля ресурсами этих территорий, в том числе людскими. Безусловно, научно-технический прогресс имел место и в это время (к тому времени уже были колесо, плуг, стекло, оружие, транспортные средства, астрономические приборы), но темпы его были не столь высоки, чтобы обеспечить жизнь населения без варварского присвоения чужого.

Идеологию морали силы и выживания отразили в своих произведениях философы и ученые. Т. Гоббс описал «войну всех против всех», Б. Мандевиль показал, что пороки общества выгодны для его развития. Наконец, человек был провозглашен чуть ли не сверхъестественным существом, которому дарована высокая миссия преобразования этого мира. Конкуренция была объявлена естественной, а потому нравственно оправданной. Так человечество постепенно освобождалось от духовных и религиозных «предрассудков» любви к ближнему, сострадания, человечности [4; 11].

Отголоски морали силы и выживания слышны до сих пор даже в XXI в. Несмотря на то, что метрополии формально отказались от своих покровительственных функций, а в некоторых странах на декларативном уровне было отменено рабство, оно процветает во многих странах мира и в наше время как в прямой форме (похищение людей для непосредственного использования в качестве рабов, тяжелые условия труда,

траффик), так и в косвенной, о чем свидетельствуют расширение слоя прекариата и все большее развитие рынка домашних услуг, которого в нашей стране не было почти сто лет и который вследствие увеличения социального расслоения появляется снова. Несмотря на рост абсолютного уровня жизни населения, формальное отсутствие крепостничества или рабства, механизацию и автоматизацию труда, в наше время человек, а не только его «рабочая сила», остается товаром, вещная зависимость сохраняется. Причем желание использовать экстенсивные, т. е. более легкие способы обогащения, реализуется за счет удлинения рабочего дня, использования труда детей, нарушения трудовых прав.

Таким образом, как показали еще К. Маркс и Ф. Энгельс, в историческом развитии отдельные эпохи сменяют друг друга не окончательно, а как плиты земной коры накладываются друг на друга. В недрах одной эпохи накапливаются противоречия для появления следующей, а в следующей эпохе можно найти признаки предыдущей.

Однако рано или поздно экстенсивные ресурсы развития оказываются близкими к исчерпанию, и тут приходится подключать интеллект. Именно он, а не грубая физическая сила и тяжелый труд, становится основной движущей силой развития («Знание — сила»). Торговля результатами присваивающего хозяйства, освоение новых территорий, передел сфер влияния в мире постепенно истощают свой потенциал. Приходится думать, как распорядиться тем, что имеется в условиях роста численности населения и отсутствия ничейных ресурсов. Более того, у человечества (или хотя бы некоторой его части) возникают физиологические возможности (улучшение питания, несмотря на периодически повторяющиеся голод и эпидемии) и свободное время для того, чтобы думать.

Благодаря разделению труда появляются люди, для которых думать становится профессией. Так формируется следующий этап в истории человечества — эпоха морали интеллекта³. Ее принципиальное отличие не в том, что люди складывают оружие и переключаются на интеллектуальное самосовершенствование, а в том, что меняются инструменты эксплуатации, завоевания все тех же власти и богатства. Теперь это не столько чужая или своя живая сила, сколько интеллектуальные возможности человека. Способы завоевания новых ресурсов (людей, территорий, рынков сбыта, полезных ископаемых) становятся

³В начале XX в. интеллект, предпринимательские способности и информация стали рассматриваться как факторы производства. Это отмечали российские и западные ученые, в том числе Й. Шумпетер и И. Янжул [19; 20].

более изощренными при сохранении мотивов хозяйственной деятельности, свойственных морали силы и выживания (деньги и власть).

Сегодня ведущие страны не нападают открыто друг на друга, так как ответный удар может стереть человеческую цивилизацию с лица Земли, а ведут изнурительные информационные или экономические войны под лозунгами о правах человека, свободе выбора, частной собственности, демократии, борьбе с терроризмом. Война становится обычным явлением, обычной внешнеполитической практикой, сулящей новые возможности [1, 18]. В войнах XX в. погибло от 110 до 140 млн человек. В Первой мировой войне удельный вес жертв среди мирного населения составил 5%, во Второй мировой войне — уже 50%, в Корейской и Вьетнамской — 84 и 90% соответственно. Вопреки всем гуманистическим ценностям и идеалам война иногда рассматривается как способ стимулирования экономики [2, 13]. Сказанное свидетельствует о значительной глубине кризисных явлений в мировой экономике и массовом сознании.

Сегодня мораль силы, подкрепленная «интеллектом», наращивает свой потенциал (об этом предупреждал П. Сорокин еще в начале XX в. [18]). Если в 1950-е гг. в среднем за год велось девять войн, то к 1970-м гг. их было уже 14. В 1990-е гг. в мире произошло 118 вооруженных конфликтов, в которых участвовали 80 стран [11, 39—40]. Не требуются особые подсчеты, чтобы понять, что в настоящее время эти показатели стремительно возрастают.

Особое внимание должно быть уделено тому факту, что в настоящее время не только физическая сила человека, но и все его морально-нравственные качества становятся объектом эксплуатации [3]. Скрытая эксплуатация проявляется в форме манипулирования сознанием человека, который не всегда отдает себе отчет в том, что является объектом манипулирования. Напротив, он по-детски радуется окружающему навязанному изобилию массы малополезных и вредных вещей.

Эпоха морали интеллекта характеризуется беспрецедентным в истории человечества научно-техническим прогрессом, последствия которого можно охарактеризовать не иначе, как противоречивые. Современный НТП поставил такие проблемы, как одиночество, погоня за всем новым, разрушение Планеты, появление и быстрое распространение новых заболеваний, создание все новых способов взаимного уничтожения. Диалектическая логика позволяет проследить еще одну закономерность в развитии НТП — создание предпосылок для его собственного отрицания. Интеллектуальная деградация, вытеснение человека из всех сфер жизни, лишение его живого общения с другими людьми (как условия развития языка и мышления), массовизация по-

требления и сервисизация экономики в будущем могут стать источниками необратимых последствий, когда двигать НТП будет просто некому. Одними из самых ярких проявлений эпохи морали интеллекта являются замена человека машинами и изменение органического строения капитала, в результате чего капитал вынужден искать новые источники прибавочной стоимости в виде присвоения результатов прибавочного труда не только рабочего (работника), но и потребителя.

В таких условиях человек неминуемо должен двигаться к новой эпохе — эпохе морали развития и цивилизованного экономического поведения. Человек уже практически все поделил, исчерпал почти все экстенсивные ресурсы развития на Земле и начал искать пути отступления под землей, на Северном полюсе и в космосе, за овладение которыми тоже может начаться борьба. В этом и состоит опасность любого переходного периода (который мы сегодня переживаем), любого противоречия, заключающего в себе как пережитки прошлого, так и зачатки будущего. Возвращение пиратов на море, на суше и даже в виртуальном пространстве, эксперименты человека над своим телом и душой, противоречивые возможности использования достижений НТП, учащение кризисных явлений в экономике и углубление их отрицательных последствий, легализация девиантных форм поведения, глобальные экономические проблемы, достижение «пределов роста» для «золотого миллиарда» и многие другие явления указывают на то, что человечество снова скатывается к морали силы и выживания.

В связи с этим в глобализованном мире перед человечеством стоит задача не индивидуального выживания, а всеобщего выживания и развития человеческой цивилизации. Интеллектуальные упражнения человечества могут завести его слишком далеко, когда даже самого человека будет трудно отличить от продукта его «творчества». Необходима мораль развития и духовности, способная помочь человечеству сообща найти решение глобальных проблем и, главное, не утратить то, что когда-то позволило человеку занять особое место в мире Природы, — его морально-нравственные качества.

Литература

1. *Бачурин Д.Г.* Коррекция методологии применения математических методов в экономических исследованиях в контексте изменения модели экономического развития // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29).

2. *Бондаренко В.М.* Факторы роста экономики России в условиях развернувшегося глобального системного кризиса // МИР: Модернизация. Инновации. Развитие. 2013. № 15.
3. *Бузгалин А., Колганов А.* Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики. 2006. № 3.
4. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. *Вишневский В., Дементьев В.* Инновации, институты и эволюция // Вопросы экономики. 2010. № 9.
6. *Гегель Г.* Философия права. М.: Мысль, 1990.
7. *Гуров М.П., Дашин А.В., Мартынов В.Ф., Щербаковский Г.З.* Формирование и развитие неформальных экономических отношений в странах Западной Европы в докапиталистический период (историко-экономический аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 3 (27).
8. *Кардан В.А.* Системная диалектика экономических отношений // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 3.
9. *Косов М.Е.* Потенциал эволюционной теории в исследовании динамики экономических отношений // Экономика и предпринимательство. 2014. № 12.
10. *Левяш И.Я.* Война и голгофа гуманизма // Свободная мысль. 2015. № 1 (1649).
11. *Мельников В.В.* Поведенческие основы неконкурентной рациональности // Terra Ecomotіcus. 2011. Т. 9. № 1.
12. *Миропольский Д.Ю.* Пирамида Хеопса и развитие экономики на инновационной основе // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2012. № 1.
13. *Миропольский Д.Ю.* Отношение экономики к неэкономике: простейшее взаимодействие продукта и человеческого тела // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2010. № 2.
14. *Нифаева О.В.* Динамика морально-нравственных аспектов человеческого капитала как отражение жизненного цикла экономического субъекта и фактор цикличности развития экономики // Общество и экономика. 2015. № 1—2.
15. *Нифаева О.В.* Институциональное проектирование развития экономических отношений в России // Вопросы экономики и права. 2014. № 7.
16. *Нифаева О.В.* Морально-нравственные основы трансформации экономических отношений в современной России. М.: Издательский Дом «Наука», 2014.

17. *Осинов Ю.М.* Мировой кризис в поле зрения философии хозяйства // *Философия хозяйства*. 2008. № 6 (60).
18. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
19. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.
20. *Янжул И.* Экономическое значение честности (забытый фактор производства). М.: Типография т-ва И. Н. Кушнерева и К°, 1912.

References

1. *Bachurin D.G.* Korrektsiya metodologii primeneniya matematicheskikh metodov v ekonomicheskikh issledovaniyakh v kontekste izmeneniya modeli ekonomicheskogo razvitiya // *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa*. 2014. № 4 (29).
2. *Bondarenko V.M.* Faktory rosta ekonomiki Rossii v usloviyakh razvernushhegosya globalnogo sistemnogo krizisa // *MIR: Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie*. 2013. № 15.
3. *Buzgalin A., Kolganov A.* Chelovek, rynek i capital v ekonomike XXI veka // *Voprosy ekonomiki*. 2006. № 3.
4. *Weber M.* Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990.
5. *Vishnevskiy V., Dementiev V.* Innovatsii, instituty i evolyutsiya // *Voprosy ekonomiki*. 2010. № 9.
6. *Hegel G.* Filosofiya prava. M.: Mysl, 1990.
7. *Gurov M.P., Dashin A.V., Martynov V.F., Stcherbakovskiy G.Z.* Formirovanie i razvitie neformalnykh ekonomicheskikh otnosheniy v stranakh Zapadnoy Evropy v dokapitalisticheskiy period (istoriko-ekonomicheskii aspekt) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2005. № 3 (27).
8. *Kardan V.A.* Sistemnaya dialektika ekonomicheskikh otnosheniy // *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2004. T. 2. № 3.
9. *Kosov M.E.* Potentsial evolyutsionnoy teorii v issledovanii dinamiki ekonomicheskikh otnosheniy // *Ekonomika i predprinimatelstvo*. 2014. № 12.
10. *Levyash I.Ya.* Voyna i golgofa gumanizma // *Svobodnaya mysl*. 2015. № 1 (1649).
11. *Melnikov V.V.* Povedencheskie osnovy nekonkurentnoy ratsionalnosti // *Terra Economicus*. 2011. T. 9. № 1.
12. *Miropolskiy D.Yu.* Piramida Kheopsa i razvitie ekonomiki na innovatsionnoy osnove // *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2012. № 1.

13. *Miropolskiy D.Yu.* Otnoshenie ekonomiki k ne-ekonomike: prosteyshhee vzaimodeystvie produkta i chelovecheskogo tela // *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2010. № 2.

14. *Nifaeva O.V.* Dinamika moralno-nravstvennykh aspektov chelovecheskogo kapitala kak otrazhenie zhiznennogo tsykla ekonomicheskogo subyekta i faktor tsyklichnosti razvitiya ekonomiki // *Obstchestvo i ekonomika*. 2015. № 1—2.

15. *Nifaeva O.V.* InstitutSIONalnoe proektirovanie razvitiya ekonomicheskikh otnosheniy v Rossii // *Voprosy ekonomiki i prava*. 2014. № 7.

16. *Nifaeva O.V.* Moralno-nravstvennye osnovy transformatsii ekonomicheskikh otnosheniy v sovremennoy Rossii. M.: Izdatelskiy Dom «Nauka», 2014.

17. *Osipov Yu.M.* Mirovoy krizis v pole zreniya filosofii khozyaystva // *Filosofiya khozyaystva*. 2008. № 6 (60).

18. *Sorokin P.* Chelovek. Tsyvilizatsiya. Obstchestvo. M.: Politizdat, 1992.

19. *Schumpeter J.A.* Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya. M.: Exmo, 2007.

20. *Yanzhul I.* Ekonomicheskoe znachenie chestnosti (zabyty faktor proizvodstva). M.: Tipografiya t-va I. N. Kushneryova i K^o, 1912.

Т.М. ХУСЯИНОВ

Тенденции геймификации и креативизации в трудовых отношениях эпохи Постмодерна

Аннотация. В данной статье автор предпринимает попытку рассмотрения трудовых отношений в эпоху Постмодерна. Выделяются две важные тенденции постмодернистского труда — геймификация и креативизация. В новых условиях труд меняет свой смысл, материальный труд все больше уступает интеллектуальному, работник становится самостоятельнее и свободнее в своем выборе. Интеллектуальные затраты человека на труд все больше заменяют физические, все больше потоков информации необходимо воспринимать, анализировать, сохранять. Труд становится уже не основой производства благ, как было в индустриальном обществе, не способом добычи средств для обеспечения работником себя и своей

семьи, теперь он один из способов получения удовольствия и самореализации.

Ключевые слова: труд, трудовые отношения, постмодернизм, постмодернистская эпоха, постиндустриальное общество, фриланс, геймификация, креативизация, занятость, эпоха постмодерна.

Abstract. In this article the author attempts to deal with labor relations in the postmodern era. Two important trends of postmodern labor are identified — gamification and kreativization. Under the new conditions labor is changing its meaning, material labor is increasingly inferior to intellectual one, the worker becomes more independent and free to choose. Intelligent cost of human on labor increasingly replace physical one, it is necessary to perceive, analyze and store more and more flows of information. Labor is no longer the basis for the production of goods, as it was in the industrial society, it is not the production of means to ensure the worker himself and his family, and now labor is one of the ways of pleasure and fulfillment.

Key words: labor, labor relations, postmodern, era of postmodern, post-industrial society, freelance, gamification, kreativization, employment, postmodernism era.

УДК 122/129:316
ББК 65в1:60.55.44

Труд — специфичный вид деятельности человека, который считается одним из ключевых экзистенциальных базисов его жизни, невозможно переоценить его значение в развитии и функционировании человеческого общества. Осознание значимости философского осмысления труда пришло не сразу. Первоначально труд не имел статуса специального предмета в философских исследованиях, а был непроблемным, периферийным [7, 178—183].

Одним из первых *труд как философскую проблему* выделил Г. Гегель, затем она была рассмотрена в работах К. Маркса и других философских системах, после чего по праву заняла одно из центральных мест в большинстве философских, социологических и экономических теорий.

На протяжении многих веков понятие «труд» и вкладываемое в него значение изменялись. Они трансформировались вместе с самим трудом человека. Так, труд античного раба существенно отличается от труда наемного работника индустриальной эпохи или современного постиндустриального общества.

Постмодернизм стал фундаментальным социокультурным поворотом в жизни общества. Переход общества от модерна к постмодерну — актуальная проблема в современных социальных науках. При этом он сопровождается активной дискуссией о трактовках постмодерна, его особенностях. У. Бек предложил рассматривать постмодерн как продолжение модерна [5]; А.Е. Чучин-Русов постмодерн охарактеризовал как «Второе осевое время» [24, 24—41]; а А.И. Неклесса видит в постмодернизме неоархаику [17, 11—78].

Ценности, существовавшие в обществе модерна, были радикально переосмыслены в условиях эпохи Постмодерна [16, 127—130]. Постмодернизм означает переход человека к новому этапу, на котором происходит освобождение от всех, необходимых ранее компонентов бытия. Философ и социолог Зигмунд Бауман, анализируя трудовые отношения в своей работе «Индивидуализированное общество» [3], отметил, что «труд» в классическом понимании существовал на определенном историческом этапе, сегодня же он радикально изменился и требует нового понимания [7].

При переходе от эпохи Модерна к постмодерну меняется значимость экономики, хозяйственной жизни как для человека, так и для общества. В настоящий момент начинает проявляться парадоксальный результат неустанного труда — сокращение его как такового. В ходе повышения производительности труда снижается потребность в рабочей силе.

Теперь все меньше людей могут производить все больше благ. Дж.К. Гэлбрейт предложил называть современное общество обществом изобилия. Это связано с тем, что теперь обществу нужно прилагать все меньше усилий для получения достаточного количества благ и услуг [8, 72—80]. Саму же экономику все меньше можно назвать индустриальной, так как все большее число работников включаются в сферы услуг и информационных технологий, при этом происходит сокращение работников в области сельского хозяйства и промышленности, в то время как отмечается их значительный рост в сервисном и информационном секторах. При этом объемы сельскохозяйственной и промышленной продукции в мире не сокращаются, а растут — во многом за счет прироста знаний профессионалов в этих отраслях и технического развития.

Активно внедряемые в организациях трудосберегающие технологии постепенно заменяют не только сельскохозяйственных и промышленных работников, благодаря им сокращается доля и персонала в секторе обслуживания. Так, внедрение технологии «Телебанкинг», позволяет существенно сократить число банковских

филиалов, а следовательно, отказаться от персонала, работающего в них [23]. Подобная тенденция может привести к построению подлинного информационного общества, где основным сектором, включающим наибольшее количество сотрудников, станет сектор информационных технологий. Как в доиндустриальном обществе преобладало сельское хозяйство; затем в индустриальном — промышленность, постиндустриальное характеризуется высоким развитием секторов услуг и информационных технологий, при этом первый начинает уступать второму.

Можно отметить, что постиндустриальный труд смог вобрать в себя отдельные элементы доиндустриальной эпохи (выполнение работы в границах дома) и индустриальной (использование машин), что соответствует пониманию постмодернизма как синтеза традиционной культуры и культуры модерна [11].

Современные социально-трудовые отношения, пережив информационную революцию 1970—1980 гг., характеризуются сегодня высокой степенью технологизации и информатизации рабочих процессов, дестандартизацией производства и снижением объемов однотипного производства, автономизацией и виртуализацией рабочих мест, повышением гибкости (успешности) труда, глобализацией и децентрализацией на рынке труда. К производимой продукции начинают предъявляться более высокие требования, при этом делается акцент на индивидуализированности и качестве, что несомненно влияет на работников, занятых в создании товаров или оказании услуг. В настоящее время стандартная (типичная) занятость быстро утрачивает свою значимость, постепенно сменяясь новыми атипичными формами и видами труда, которые в большей степени способны удовлетворить запросы эпохи.

По мнению Дж. Ритцера, современное состояние можно охарактеризовать как «макдональдизацию общества» [19]. Это может проявляться в атипичных формах труда — использовании срочных и временных договоров для выполнения ограниченного объема работ, активном использовании компьютерных и интернет-технологий для быстрого получения желаемого результата (поиск работников, проведение собеседований, передача заданий и получение результатов выполненной работы, оплата).

При этом все общественные процессы, в том числе и трудовые отношения, стали происходить существенно быстрее, в обществе стала проявляться «социальная турбулентность», что, по мнению О.Н. Яницкого [25], приводит к нестабильности мировой экономической и политической системы, «обществу всеобщего риска».

Сегодня все большая доля работников переходит в категорию прекариата, т. е. не имеющих стабильной работы, их труд краткосрочен и не защищен, а наиболее удобная и выгодная форма занятости для них — самостоятельная.

Труд становится более гибким, удобным для работника, у него появляется возможность самостоятельно выбирать свой график, более комфортное место для выполнения трудовых обязанностей. Он уже не занимает такой объем времени, как ранее, когда основную часть своего времени человек проводил, занимаясь трудовой деятельностью.

На современном рынке труда все больше укореняются такие формы трудовых отношений, как временная, срочная, маргинальная, аутсорсинг и аутстаффинг, что становится причиной увеличения количества самозанятых работников и активизации процесса транспрофессионализации, т. е. формирования нового работника, обладающего широким кругом навыков и способностей. На фоне этого материальный труд теряет свою экзистенциальную значимость и становится необязательным придатком человеческой жизни, который все чаще может выполнять техника. Человек тратит на него все меньше своего времени. В прошлом он работал большую часть суток, затем рабочее время стало уменьшаться, постепенно ограничиваясь законодательством, в условиях же современного общества, трудовые отношения все чаще осуществляются по гибкому графику или срочным трудовым соглашениям. Те же, кто не трудится, в силу различных обстоятельств, в условиях всеобщего благосостояния могут рассчитывать на государственные пособия.

В сложившихся условиях постмодернистского труда развиваются две важные тенденции — процессы геймификации и креативизации в трудовых отношениях.

Что касается первого процесса, то можно отметить, что в постмодернистской рефлексии на первый план выходит такой экзистенциальный феномен, как игра, происходит трансформация от «человека труда» к «человеку игры» [16, 127—130]. Примером этого становится внедрение игровых элементов в образование, работу, досуг. Таким образом, труд в эпоху Постмодерна также должен приносить человеку удовольствие.

Как отмечает Г.И. Могилевская, труд, в контексте постмодерна, не является способом самовыражения (им становится потребление), и потому он не должен быть связан с усилиями. У Г. Маркузе в условиях технологизации труда человек сбрасывает с себя зависимость от материального производства и привносит игровое начало [13].

Противопоставляя игру и труд, Ж. Батай отмечал, что труд, без сомнения, создал человека, определил его разум, но совершенство человеческой природы — результат не только полезной работы. Человек умеет не только работать, но и превращать работу в игру [2].

Данную тенденцию нельзя считать негативной, более того, можно говорить о повышении эффективности такого труда. В то время как постмодернизм упрекают в непрагматичности и нерациональности, именно в условиях «труда-игры» человек, выполняя свои трудовые обязанности, испытывает удовольствие, а значит, может выполнять работу более успешно, с большей отдачей. Гибкость современного труда позволяет ему не только сокращать количество затраченного на работу времени, но и увеличивать его, когда это требуется. Отход от стандартного трудового графика дает возможность для так называемого тайм-менеджмента, когда работник сам распределяет свое рабочее время в зависимости от целого ряда факторов как личного, так и профессионального характера.

Сами работодатели (например, в компаниях «Яндекс» и «Запос») активно внедряют метрики для измерения уровня счастья своих сотрудников, а современные HR-менеджеры при решении своих задач оперируют понятиями «удовольствие от выполнения работы» или «увлекательность рабочего процесса» [12]. Как отмечают экономисты, использование геймификации как нематериального способа мотивации дает высокий результат, причем позволяет не только повысить общий уровень производительности труда, но и выявить лидеров, улучшить качество коммуникации внутри трудового коллектива, снизить число конфликтов, оптимизировать трудовой процесс. С другой стороны, геймификация становится инструментом контроля над трудовым процессом — современной модификацией тейлористско-фордистской системы, в основе которой лежат автоматизация и алгоритмизация деятельности работника [22]. В то же время именно геймификация становится основой для согласования желаний работника и целей организации.

Постмодернизм, стремясь отказаться от противоречия «труд — досуг», приводит к размыванию границ между трудовой деятельностью и развлечением, обогащая первое игрой, дабы сделать его более интересным и духовно-насыщенным. Фриланс все больше становится стилем жизни работника [21].

Таким образом, такая тенденция, как геймификация труда, положительно влияет на мотивацию персонала и может служить повышением эффективности и продуктивности современных работников.

Другая важная тенденция, проявившаяся в постмодернистскую эпоху, — креативизация в трудовых отношениях. Данное понятие обозначает повышение роли творческого подхода в решении профессиональных задач, в умении определить возможные альтернативы и выбрать одну из них, в развитии индивидуальных способностей профессионала и проявлении своих способностей и качеств. Креативизация становится основой для инновационного поведения во всех сферах: труде [14], образовании [10], управлении [1], формировании городской среды [6] и т. д., и становится причиной изменения структуры современного общества.

Обращаясь к трудовой сфере, отметим, что креативизация увеличивает долю интеллектуального труда, формируя при этом креативный класс и креативную экономику. В ходе креативизации труд соединяется с творческим началом или приобретает творческий характер. В этом ключе возникли два подхода: в рамках первого — труд переходит в творчество, а само творчество выступает как отрицание труда, здесь проявляется идея «смерти труда», или «смерти трудового общества». В рамках второго подхода творческая составляющая рассматривается как неотъемлемая часть труда на протяжении всей истории человечества [14]. При этом, творческий характер труда может проявляться в наполнении его новым творческим содержанием, а само творчество становится основным источником экономического богатства.

При этом критики постмодернизма отмечают, что современный «креатив» не соответствует классическому представлению о творчестве, которое восходило к концепции Божественного Творения [4, 60 — 64].

Креативность сегодня воспринимается как отказ от метафизических оснований сознания и деятельности и может не создавать новые сущности, а довольствоваться производством феноменов и симулякров, что в целом соответствует идеям постмодернизма, но может восприниматься и как рациональный подход в трудовых отношениях, когда необходимо найти наиболее оптимальный способ воспроизводства. Креативность — своего рода способ использовать получаемую информацию в определенных параметрах времени и места. При этом креативность рассматривается как одна из сторон интеллекта [20, 22—27]. Таким образом, креативность равна творчеству не в смысле создания новых произведений, а в создании идей, с помощью которых можно воздействовать на социальную практику.

В работах Г. Гегеля, К. Маркса, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля труд трактовался как способ самовоспроизводства человека, его сознательной активности, вне которой невозможно существование человека, что делало труд одной из важнейших ценностей общества модерна. Современные же авторы считают, что труд утратил свою ценность в обществе постмодерна, говоря о «конце труда», или «смерти труда» [16]. Однако, с переходом к эпохе Постмодерна труд не утратил свое значение, он лишь трансформировался, а в трудовых и профессиональных отношениях стала господствовать новая постмодернистская трудовая этика: размываются формальные признаки профессионального статуса, работники становятся «свободными агентами» [18] с «гибкой идентичностью» [15], для которых важны самореализация и свобода выбора. При этом стирается восприятие работником себя как части «общего дела», он становится «свободным агентом» в «индивидуализированном обществе». В условиях культуры постмодернизма труд из деятельности по производству продукта все более трансформируется в деятельность, направленную на самореализацию личности [4].

В постиндустриальном обществе труд становится уже не основой производства благ, как было в индустриальном обществе, не способом добычи средств для обеспечения работником себя и своей семьи, а одним из способов получения удовольствия, самореализации. Теперь работник, получая большую свободу, берет на себя и большую ответственность за результаты труда, имеет возможность формировать собственные критерии успеха.

Последние века характеризуются активным созданием и внедрением разного рода техники, которая снижает затрачиваемые на труд усилия, уменьшая потребность в количестве работников или заменяя человеческий труд вовсе, автоматизируя его и повышая эффективность производства. Таким образом, труд меняет свой смысл, материальный труд все больше уступает интеллектуальному, работник становится все более самостоятельным и свободным в выборе. Интеллектуальные затраты человека на труд все больше заменяют физические, все больше потоков информации необходимо воспринимать, анализировать, сохранять. Однако в постоянно меняющемся мире работник должен сохранять свою актуальность, развивая свои навыки, знания.

Несмотря на то, что многие теоретики отмечают «конец общества труда» или «смерть труда», мы придерживаемся другой точки зрения, которая имеет место в современной науке. Будущее сохраняется за трудом, однако труд в этом случае будет представлен в

новых, ранее неизвестных формах и наполнится новым содержанием. Это происходило на протяжении всей истории, а сейчас наблюдается на примере возникновения интернет-занятости. Труд не уходит из общества, он продолжает требовать от человека отдачи своих сил на благо самого человека и общества в целом.

Литература

1. *Алиева С.В.* Креативизация государственного управления в условиях российских трансформаций // Проблемы развития инновационно-креативной экономики. 2009 // <http://bgscience.ru/lib/10568> (дата обращения: 15.12.2016).
2. *Батай Ж.* Сад и обычный человек. Суверенный человек Сада // Маркиз де Сад и XX век. М., 1992. 284 с.
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
4. *Беляева Е.В.* Нравственные ценности эпохи постмодерна // Философия и социальные науки. 2010. № 1.
5. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
6. *Беспалова А.А.* Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования: Дисс. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2016. 170 с.
7. *Бредихин С.С.* Состояние постмодерна: Смерть человека и его труда // Культура и искусство: традиции и современность: материалы Международной очно-заочной научно-практической конференции / Отв. ред. Л. Г. Григорьева. Чебоксары: ЧГИКИ, 2013.
8. *Веселов Ю.В.* Экономическая социология постмодерна // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1.
9. *Дамье В.* Социальная философия Андре Горца // Наперекор. 1999/2000. № 10. С. 18—23.
10. *Коджешау М.А.* К вопросу управления креативными процессами в образовании // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. 2013. № 4 (129).
11. *Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г.* Модернизация: от равенства к свободе: Монография. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1995. 280 с.
12. *Маркеева А.В.* Геймификация как инструмент управления персоналом современной организации // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. № 12.
13. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с

англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 526 с.

14. *Мартыничук О.И.* Противоречия и интегративные тенденции развития общественной формы труда в процессе постиндустриализации: Дисс. ... канд. экон. наук. Кемерово, 2006.

15. *Марьянова Н.А.* Трансформация профессиональной этики в эпоху постмодерна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10. Ч. 2. С. 112—115.

16. *Могилевская Г.И.* «Смерть труда»: Постмодернистская рефлексия и реалии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3 (17). Ч. 1.

17. *Некlessа А.И.* Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальные сообщества: Новая система координат (подходы к проблеме). СПб., 2000.

18. *Пинк Д.* Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М.: Секрет фирмы, 2005. 336 с.

19. *Ритцер Д.* Макдональдизация общества 5 / пер. с англ. А. Лазарева. М.: Праксис, 2011. 592 с.

20. *Стожко К.П., Стожко Д.К., Шадрина О.В.* Креативный труд в контексте инновационной экономики // Управленец. 2013. №4 (44). С. 22—27.

21. *Харченко В.С.* Фриланс как стиль жизни в современном российском обществе: Дисс. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2013. 179 с.

22. *Цыплакова Е.О.* Геймификация — мотивационная практика или механизм тотального контроля над трудовым процессом // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 3. С. 82—109. // https://ecsoc.hse.ru/data/2016/05/29/1132277413/ecsoc_t17_n3.pdf#page=82 (дата обращения: 15.12.2016).

23. *Шевчук А.В.* О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. 2007. № 3.

24. *Чучин-Русов А.Е.* Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 24—41.

25. *Яницкий О.Н.* «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6.

References

1. *Alieva S.V.* Kreativizacija gosudarstvennogo upravljenija v uslovijah rossijskih transformacij // Sbornik «Problemy razvitija innovacionno-

- kreativnoj jekonomiki». 2009. S. 19—33. URL: <http://bgscience.ru/lib/10568> (data obrashhenija: 15.12.2016).
2. *Bataj Zh.* Sad i obychnyj chelovek. Suverennyj chelovek Sada // *Markiz de Sad i XX vek.* M., 1992. 284 s.
 3. *Bauman Z.* The Individualized Society. M.: Logos, 2005. 390 p.
 4. *Belyaeva E.V.* Moral Values of the Postmodern Epoch // *The Journal of Philosophy and Social Sciences.* 2010. № 1. C. 60—64.
 5. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 384 s.
 6. *Bespalova A.A.* Rekreatsionnoe prostranstvo krupnogo rossiiskogo goroda: kreativnye praktiki konstruirovaniya: Diss. ... kand. sotsiol. nauk. Rostov-na-Donu, 2016. 170 s.
 7. *Bredikhin S.S.* Sostoyanie postmoderna: Smert' cheloveka i ego truda // *Kul'tura i iskusstvo: traditsii i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoi ochno-zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / Otv. redaktor L.G. Grigor'eva.* Cheboksary: ChGIKI, 2013. S. 178—183.
 8. *Veselov Y.V.* Economic Sociology of Postmodern // *The Journal of Sociology and Social Anthropology.* 1998. T. 1. № 1. C. 72—80.
 9. *Dam'e V.* Sotsial'naya filosofiya Andre Gortsa // *Naperekor.* 1999/2000. № 10. S. 18—23.
 10. *Kodzheslau M.A.* On Management Of Creative PRocesses In Education // *The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Pedagogy and Psychology».* 2013. № 4 (129). C. 35—41.
 11. *Kozlovskii V.V., Utkin A.I., Fedotova V.G.* Modernizatsiya: Ot ravenstva k svobode: Monografiya. SPb: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1995. 280 s.
 12. *Markeeva A.R.* Gamification as an instrument of personnel management in a modern organisation // *Russian Journal of Entrepreneurship.* 2015. Vol. 16. № 12. pp. 1923—1936.
 13. *Markuze G.* Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva / Per. s angl., poslesl., primech. A.A. Yudina; Sost., predisl. V.Yu. Kuznetsova. M: OOO «Izdatel'stvo ACT», 2002. 526 s.
 14. *Martynchuk O.I.* Protivorechiya i integrativnye tendentsii razvitiya obshchestvennoi formy truda v protsesse postindustrializatsii: Diss. ... kand. ekon. nauk. Kemerovo, 2006.
 15. *Mart'yanova N.A.* Professional ethics transformation in postmodernity era // *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice.* 2013. № 10. Part 2. P. 112—115.
 16. *Mogilevskaya G.I.* Death of labour: Postmodern reflection and realias // *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology*

and Study of Art. Issues of Theory and Practice. 2012. № 3 (17). Part 1. P. 127—130.

17. *Neklessa A.I.* Postsovremennyi mir v novoi sisteme koordinat // Global'nye soobshchestva: Novaya sistema koordinat (podkhody k probleme). SPb., 2000. S. 11—78.

18. *Pink D.* Natsiya svobodnykh agentov: kak novye nezavisimye rabotniki menyayut zhizn' Ameriki. M.: Sekret firmy, 2005. 336 s.

19. *Rittser D.* Makdonal'dizatsiya obshchestva 5 / Per. s angl. A. Lazareva. M.: Praxis, 2011. 592 s.

20. *Stozhko K.P., Stozhko D.K., Schadrina O.V.* Creative Labour in the Context of Innovative Economy // Upravlenets. 2013. № 4 (44). P. 22—27.

21. *Kharchenko V.S.* Frilans kak stil' zhizni v sovremennom rossiiskom obshchestve: Diss. ... kand. sotsiol. nauk. Ekaterinburg, 2013. 179 s.

22. *Tcyplakova E.O.* Gamification — the way of motivation or way of control over the labor process? // Economic Sociology. 2016. Vol. 17. № 3. P. 82—109. https://ecsoc.hse.ru/data/2016/05/29/1132277413/ecsoc_t17_n3.pdf#page=82 (accessed: 15.12.2016).

23. *Shevtchuk A.V.* On Future of the Work and the Future Without Work // Social Sciences and Modernity. 2007. № 3. P. 44—54.

24. *Chuchin-Rusov A.E.* Novyj kul'turnyj landshaft: postmodernizm ili neoarhaika? // Voprosy filosofii. 1999. № 4. S. 24—41.

25. *Janitsky O.N.* «Turbulent Times» as a Problem of a Society of Risk // Social Sciences and Modernity. 2011. № 6. P. 155—164.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

М.Л. АЛЬПИДОВСКАЯ

Социально-экономическое развитие современной России неизбежность устранения антисистемных проявлений

Аннотация. Сегодня, в эпоху трансформации глобальной экономической парадигмы, не существует никаких оснований того, что ВВП является мерилom экономической мощи государства и роли данной страны в мировой глобальной системе. В действительности, наряду с количественными показателями экономической динамики важнейшими критериями становятся качественные показатели уровня социально-экономического развития, т. е. степени развития производительных сил и меры потребления населением материальных благ и социальных и духовных услуг. В основе неолиберального экономического подхода к социально-экономическому развитию лежит «антиприродный» процесс обоснования и формирования целей этого развития — увеличение любой ценой количественных показателей прибыли в ущерб и самому процессу производства, и населению, и окружающей природе как таковой...

Ключевые слова: социально-экономическая система, социально-экономическое развитие, постмодернизм, постиндустриальное общество, либерально-экономическая модель, международное разделение труда, транснациональные корпорации, институты нации-государства.

Abstract. Today, in the era of transformation of the global economic paradigm there is no reason that GDP measures the economic power of the state and the role of the country in the global system. In fact, along with the quantitative economic indicators the most important criteria are quality indicators of level of socio-economic development, that is, the degree of development of the productive forces and the measure of consumption of material goods and social and spiritual services. The basis of the neo-liberal economic approach to socio-economic development lies the “antinature” process of justification and the formation of the goals of this development — the increase in any cost of quantitative indicators, profit at the expense and to the process of production, population and the natural environment as such...

Key words: socio-economic system, socio-economic development, postmodernism, post-industrial society, the liberal economic model, the international division of labor, transnational corporations, the institutions of the nation-state.

УДК 330.341.2
ББК 65.011

Низведение общественной мысли до базовых аксиом вульгарной экономики, недальновидное отношение господствующего капитала к скорейшему увеличению финансовой рентабельности, подкрепляемое хорошо известной склонностью к применению военной силы ради достижения этой цели, — все это привело к нынешнему варварскому повороту событий, поскольку такова присущая капитализму тенденция. Капитализм отбросил все системы человеческих ценностей, заменив их требованиями подчиниться так называемым законам рынка.

Самир Амин

В научных и общественных кругах существует мнение, и часто это происходит по инерции, что высокие темпы экономического роста служат свидетельством благополучия населения данной страны. Тем не менее, нет ничего само собой разумеющегося... И сегодня, в эпоху трансформации глобальной экономической парадигмы, многие исследователи выражают небезосновательные сомнения в том, что ВВП может служить точным и соответственным макроэкономическим критерием результатов хозяйственной деятельности социально-экономической системы за определенный период времени. Следовательно, не существует никаких оснований того, что ВВП является мериллом экономической мощи государства и роли данной страны в мировой глобальной системе.

Некогда, еще в конце 1960-х, Дж.К. Гэлбрейт подверг жесткой критике культ валового внутреннего продукта [11]. Разработанный группой американских ученых во главе с С. Кузнецом¹ показатель ВВП позволил его авторам выполнить идеологический заказ, надежно подтверждающий и обосновывающий преимущества американской социально-экономической системы, в которой наиважнейшую и целеполагающую роль играет финансово-спекулятивный капитал. Вместо произведенного валового общественного продукта представили про-

¹Заслуги С. Кузнеца впоследствии были вознаграждены присуждением Нобелевской премии по экономике.

дукт потребленный, значительно превосходящий реальный. Возникающий при этом общественный паразитизм запечатлевается в нынешнем ВВП повторным счетом и зачислением в него фиктивных доходов от деятельности, никакой реальной продукции не дающей. Тем не менее подобное статистическое мошенничество, позволяет утверждать, что «легендарное» американское благосостояние обеспечивается американской экономикой, и подтверждается оно наукой... Что дает право на решающий голос в мировой политике...

Все же завышение американской статистикой ВВП страны признают и видные американские деятели — политолог и миллионер Л. Ларуш и один из крупнейших экономистов нашего времени, Нобелевский лауреат по экономике П. Кругман.

В действительности, наряду с количественными показателями экономической динамики важнейшими критериями становятся качественные показатели уровня социально-экономического развития, т. е. степени развития производительных сил (средств производства и человека как основного создателя национального богатства) и меры потребления населением материальных благ и социальных и духовных услуг. «Основным критерием становится степень удовлетворения потребностей индивидов и общества в целом» [10, 16].

Глобально господствующая ныне либеральная экономическая модель «хозяйствования» изначально являлась антисистемной. В основе ее подхода к социально-экономическому развитию лежит «анти-природный» процесс обоснования и формирования целей этого развития — увеличение любой ценой количественных показателей прибыли в ущерб и самому процессу производства, и населению, и окружающей природе как таковой.

Произошла смена ипостасей развития как такового. Реальное социально-экономическое развитие трансформировалось (сложно характеризовать эту модификацию как революционную, скорее, как эволюционную) в фиктивный экономический рост. Действительный рост благосостояния населения сменился виртуальной финансовой отчетностью, заработную плату заместил минимальный размер оплаты труда (МРОТ)...

На смену общественному воспроизводственному процессу пришел механизм картельного распределения рентных доходов. Одновременно возникла новая форма монополии — размытая (большей частью), колониальная по своей сути, научно-техническая монополия. Основным носителем новых форм международного разделения труда становятся транснациональные корпорации (ТНК).

Во второй половине XX в. научно-технические подразделения ТНК, занятые созданием новых технологий и продуктов, приобрели между собой прочные разветвленные экономические, технические и научные связи. Они действуют по взаимно-согласованным направлениям и проблемам, обмениваются разнообразной информацией, обладают всеми атрибутами взаимодействия, кооперации и единства. Всемирной суперкорпорации соответствует всемирная, практически неделимая, целостная «машина» научно-технического прогресса. Это главное завоевание мировой капиталистической системы конца XX — начала XXI вв. У нее, разумеется, всемирное производственно-техническое первенство. Уникальная экономическая, научная и техническая мощь единой «машины» новых и техники, и технологий позволяет всемирной суперкорпорации задавать, поддерживать во всемирном масштабе определенные общественно-обязательные уровни таких решающих характеристик производства, как издержки с ценами, качество и наукоемкость продукции, различные стандарты и т. д. и т. п. [14].

Механизм научно-технического развития глобальной суперкорпорации озадачен весьма действенным всемирным экономическим механизмом обеспечения ее эффективности. Производственные мощности суперкорпорации многократно перекрывают платежеспособный спрос. Выходом из сложившейся ситуации стал переход от рынка «насыщения» к рынку «замещения», т. е. к ежегодной смене моделей выпускаемой продукции. Научно-техническая «машина» практически по всему «фронту» всемирного общественного производства планомерно совершенствует продукты. В свою очередь многомиллионный малый и средний бизнес, вооруженный рядом маркетинговых и кредитно-финансовых схем, устойчиво фокусирует интерес покупателей на сегодняшних моделях и их преимуществах. И суперкорпорация не может прервать этого движения, ибо останется без рынка.

Новая структура производительных сил, сложившаяся благодаря развитию новых форм международного глобального капиталистического разделения труда, все более трансформируется в зависимость аграрно-сырьевых, а иногда и промышленных обществ от стран глобального Запада. Сегодня именно Запад сосредоточил современный научно-технический потенциал. В настоящее время приблизительно 98% всех затрат на научные изыскания приходится на страны капиталистического ядра, а остальные 2% — на страны так называемой периферии.

Когда в 1990-х гг. перед глобальной ТНК были открыты экономические границы Российской Федерации, отечественная экономика

утратила свои шансы на выживание. Были потеряны такие важнейшие отрасли с высокой добавленной стоимостью, как производство химических волокон, тракторостроение, гражданское судостроение и авиастроение, станкостроение, металлургическое машиностроение и др. Функция снабжения промышленности России машинами перешла к суперкорпорации и Китаю, составив свыше половины российского импорта (рис. 1).

Тем не менее, продолжали функционировать производства российской добывающей промышленности. Они еще со времен СССР работали на глобальную суперкорпорацию, постепенно превращаясь в ее же сырьевой ресурс. По всей видимости, наступила полная победа суперкорпорации: российский конкурент частью уничтожен, частью, в некоторой степени, присвокуплен.

Рис. 1. Товарная структура экспорта и импорта РФ (2015)

В этих условиях в России сложился зависимый тип воспроизводства общественного продукта, направление, масштабы и регулярность которого объективно определяются внешними субъективными импульсами — изменением спроса на продукцию экономики остальных стран, движением цен на глобальном мировом рынке, размером притока иностранного капитала. Отсталая воспроизводственная струк-

тура с характерным для нее незначительным развитием, практически полным отсутствием I подразделения общественного производства², односторонней «внешней» ориентацией ведущих секторов национальной экономики, разрозненностью и несформированностью единого общенационального рынка — все это предопределяет продолжающуюся зависимость воспроизводственных процессов от глобальной мировой капиталистической экономики.

Постоянно возобновляющиеся и еще не ушедшие в небытие попытки самоустранения государства как субъекта хозяйственной деятельности оказывает существенное влияние на все стороны социально-экономической жизни. Все это проявляется в безответственном и, в итоге, безнаказанном распоряжении государственными имуществом и финансами. Беспорядочная и во многом «путанная» кредитная эмиссия стимулирует утечку капитала из производственной сферы на рынок спекулятивных афер, дестабилизирующий и без того сложное экономическое положение. В спекулятивные операции втягиваются не только денежные средства банков, но и сбережения населения, сужая и ограничивая и без того узкую основу воспроизводства постепенно утрачивающего свою мощь научно-промышленного потенциала.

Но большей своей частью капиталы «бегут» за рубеж. В 2015 г. Центральный банк РФ определил сумму оттока капитала из России в 53 млрд дол. что почти в два раза меньше, чем в предыдущем 2014 г. При этом в исследовании «Global Financial Integrity»³ говорится, что РФ занимает второе место в мире по объемам незаконного вывода капиталов за границу. По этому показателю РФ опережает лишь Китай с суммой в 140 млрд дол.⁴ К сведению, Всемирный банк оценивал отток капитала из РФ в 2015 г. на уровне 113 млрд дол. Американские исследователи полагают, что из России нелегально ушло около 105 млрд дол. [18].

Весь выведенный из России капитал (пусть даже и легально) исключается из сферы отечественного товарного производства и начи-

²Существующий совокупный процесс деградации производства средств производства является одним из важнейших факторов снижения эффективности воспроизводственного процесса в экономике России в целом.

³Американская международная исследовательская организация «Global Financial Integrity» (GFI), отслеживающая перемещения нелегальных денежных средств по всему миру.

⁴При этом в отчетах Центробанка существует статья «чистые притоки и оттоки», где отражаются балансовые приходы и расходы, источник которых ЦБ не смог установить. По этой статье в первом полугодии 2015 г. из РФ выведено 672 млн дол.

нает обслуживать экономические интересы либо зарубежных производителей, либо отечественных спекулянтов. Вместе с тем хотелось бы отметить, что в рамках существующей институциональной среды, макроэкономической политики и господствующей глобальной экономической парадигмы в целом приоритеты отдаются финансовым интересам глобальной спекулятивной машины, а не производственным интересам как таковым. Да и фискальная система не стремится поддерживать отечественную обрабатывающую и перерабатывающую отрасли промышленности и способствует усугублению и так разрастающегося кризиса. После всероссийских выборов в Государственную Думу 18 сентября 2016 г., когда более половины россиян, пришедших на избирательные участки, отдали свой голос за партию действующей власти, в Правительстве РФ, оправдывающем кредит доверия, стали чаще говорить при формировании бюджета на 2017—2019 гг. об увеличении основных налогов — НДС и НДФЛ. При этом разумеется, что повышения налогов не избежать, в связи с чем правительством готовятся сразу три альтернативных варианта к базовому бюджету. Первый вариант с повышением НДФЛ предполагает рост налога на доходы сверх некоторого уровня до 20% с сохранением льготной ставки 13% для большей части зарплат ниже медианного дохода в РФ. То есть, фактически, речь идет о ставке 20% с вычетом, а не о «налоге на высокие зарплаты». Второй — предполагается, что НДС будет повышен до 20%⁵, и платить его начнут с 2018 г. Третий вариант предполагает увеличение эмиссии госдолга.

Наряду с этим Минфин, Минэкономики и Минтруд также должны согласовать размер и даты роста тарифов социальных платежей в Пенсионный фонд выше нынешнего порога и ввести платежи «сверх порога» в Фонд социального страхования. Скорее всего, это означает рост с 2017—2018 гг. общей нагрузки на работодателей при отказе от изменения самой ставки тарифов [13].

Возникает вопрос: дадут ли эти новые инициативы руководства нашей страны возможность хотя бы не задушить реальный сектор экономики? Останется какая-либо основа, позволяющая начать новую модернизацию отечественной экономики? Ответ очевиден, он отнюдь не риторичен: «...любое российское производство — и в том числе наукоемкое, — которое потребляет сырье или неготовую продукцию, а выпускает уже что-то иное — автоматически станет нерентабельным» [12]. В этих кабальных условиях не стоит требовать от производителя,

⁵Против увеличения НДС выступает глава ЦБ Эльвира Набиуллина. Она предупреждает о том, что рост ставки налога приведет к мгновенному скачку инфляции — он транслируется в цены почти полностью и сразу.

что он будет из патриотизма работать в колоссальный убыток, только бы сохранить предприятие в нашей стране. И все последующие проблемы тривиальным скачком инфляции не ограничатся...

Далее... Постоянное сокращение рабочих мест (так называемая «оптимизация» расходов) и снижение заработной (и не только реальной, а, зачастую, и номинальной) платы основной массы работающего населения. Согласно данным Росстата, скорость падения реальных доходов россиян в августе 2016 г. достигла максимума за последние семь лет. Номинальные доходы (зарплата) занятых в России растут наименьшими темпами в современной истории (всего 4—5% в год), реальная (с учетом инфляции) зарплата падает рекордными темпами с 1998 г. (около 9—11% г/г). В кризис 2008—2009 гг. падение доходов было в два раза меньше. Одновременно непрерывное падение наблюдается уже в течение 22 месяцев [20] (рис. 2).

В результате сжатие налогооблагаемой базы привело к сокращению доходов государственного бюджета. В итоге — сокращение бюджетных расходов и конвульсивные попытки по увеличению доходной части бюджета посредством фискальных манипуляций, обозначенных выше, не потребовали себя ждать.

На фоне сложившихся в реальной социально-экономической жизни явно негативных обстоятельств навязанная извне и «подобному» принятая, но глубоко не понятая в современной России западная «чистая» экономическая теория без анализа производственных (социально-экономических) отношений успешно выхолостила господствующую прежде политическую экономию, лишив ее всякого социального содержания. Труд автоматически был сведен к категории огорчения или удовлетворения, ценность (стоимость) лишилась производственного значения, стоимость труда стала определяться стоимостью продукта, товар «рабочая сила» в принципе был табуирован. Да и сам труд как экономическая категория неощутимо и малозаметно потерял свою основополагающую позицию. Современная наука перестала объяснять экономическую жизнь общества при помощи труда как субстанции экономического бытия.

Определение труда в Марксовой итоговой формулировке концентрируется в следующем виде: «Процесс труда... есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам... Человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы на другой...» [17, 226]. Тем не менее сегодня зачастую из социально-экономического анализа выбрасывает-

ся понимание человека как элементарной формы бытия общества. Нередко встречаются определения общественного бытия, из которых человек и его деятельность элементарно вычлняются, так что оказываются выброшенными за пределы объективных явлений и процессов общественной жизни. При этом социально-экономические отношения и их законы выступают в качестве внешних факторов или мотиваторов по отношению к деятельности людей, причем не зависящих от практики последних.

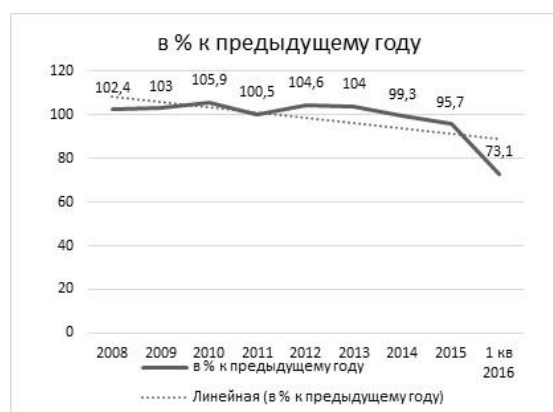

Рис. 2. Реальные располагаемые денежные доходы по России

И не стоит связывать данное явление с, казалось бы, наступившей эрой постиндустриального общества, связанного с неоиндустриализмом. Во избежание некоторых недопониманий хотелось бы подчеркнуть, что «одно дело — меньше работать, а другое — совсем не работать». Неоиндустриальная формула не означает всеобщего состояния бездеятельности. Она опирается на категорию труда эффективного (научоемкого, трудосберегающего), сокращающего рабочее время и увеличивающего время самозанятости и самосовершенствования... [4].

Однако сегодня представители «постмодернистской» общественной науки не ограничились тем, что старательно-усердно отвергли концепцию возможности превращения интеллектуальных сил человека в производительные силы, вычленили его как носителя физической способности к труду, они напряженно пытаются вырвать человека как такового из процесса производства. Современная экономическая мысль «обнаруживает» новую экономическую категорию — ин-

теллектуальный капитал⁶ — и идеологически вооружает ею представителей рабочего класса, выполняющих социально-экономические функции, требующие высокой квалификации и знаний. Сегодня человек лишен, воздействуя посредством движения «естественных сил» на внешнюю природу изменить свою собственную природу. Он утрачивает возможность развивать дремлющие в природе силы и подчинять игру этих сил своей собственной власти [17, 220].

В данных условиях «корпоратократия» власть свою укрепляет и в качестве необходимых условий модернизации экономики страны выдвигает требования по передаче в их руки всех ранее управляемых государством секторов экономики. Продолжается процесс приватизации коммуникаций, ЖКХ, воздушного сообщения, железных и автомобильных дорог и т. д.

Иных «плодов» проводимых и по сей день либеральных экономических реформ в современной России ожидать и не следовало. Из трех основных возможных путей развития, предрекаемых в конце XX в., один из которых предполагал «медленное развитие в сторону прогрессивных форм общественного и экономического устройства капиталистического типа, второй — быстрый перескок на более высокую фазу развития постиндустриального общества, был сознательно выбран третий [21, 67—68] — по существу тупиковый. Этот путь привел к подчиненному положению России в системе мирового сообщества, в системе международного разделения труда.

Безудержно стремясь на всем протяжении рыночных преобразований перейти к другому типу хозяйственной деятельности, единственными целеполаганиями которой являются прибыль и накопление богатства, при этом отказываясь от советской социально-экономической системы и обозначая ее как «индустриальный феодализм»⁷, реформаторы вернули ее на два века назад, погрузили в азиат-

⁶Современное определение интеллектуального капитала как капитала, воплощенного в знаниях, умениях, опыте, квалификации людей, никак не противоречит, а, напротив, соответствует Марксовым признакам потребительной стоимости товара рабочая сила — способность-возможность создавать более продвинутые потребительные стоимости. Впоследствии эти признаки стали выделяться и даже «открываться» как *интеллектуальный капитал*.

⁷«Под индустриальным феодализмом понимается широкое применение мер внеэкономического принуждения в управлении экономикой в сочетании с доминированием в экономической жизни страны государственных вотчин (министерств, главков и т. д.) в монополизированных отраслях хозяйства» [21, 67].

ский тип социально-экономических отношений. Напомним, что азиатский тип экономических отношений предполагает наличие непродуцибельного, торгово-ростовщического характера экономической жизни, возможность получения спекулятивной сверхприбыли не посредством ускорения оборота капитала, а, напротив, путем создания дефицита и монопольного господства. Отсюда — торговая монополия через сговор или же внеэкономическое принуждение, зависимость социально-экономической деятельности от коррумпированной власти и прочие факторы, присущие докапиталистическим отношениям [15].

Подобный тип социально-экономических отношений, заключающийся в сочетании архаичных производительных сил и производственных отношений с либеральной моделью хозяйствования, присущ сегодня отнюдь и не исключительно Российской Федерации. Он распространен по всему периферийному пространству глобальной капиталистической системы. Одновременно либеральная архаика противостоит сегодня национально-государственным силам буржуазного толка — буржуазно-модернистской архитектуре — системе «нации-государства».

С точки зрения Л. Ларуша, видного американского экономиста, философа и политического деятеля, с 1966 г. «по чьей-то инициативе» в устоявшемся во многих перипетиях Вестфальском мире стали насаждаться идеи сокрушения системы «нации-государства» [16, 11]. Вопросы, высказанные им в докладе на Международной конференции: «Наше будущее: экономика евроазиатского сухопутного “моста”», состоявшейся в Кидрихе (Германия) в декабре 1996 г.⁸, обрели и в наши дни наиактуальнейший характер: «Что же произошло сегодня?.. Почему люди позволили сборищу... лунатиков, болтающих околесицу, ...формировать культуру Северной Америки, Западной Европы и других стран в конце 1960-х — начале 1970-х гг.? Почему это случилось?» [16, 11].

К концу XX — началу XXI в. произошло элементарное вульгарно-пошлое «проникновение» на паразитарной основе транснационального капитала в институты нации-государства. Завоевано господство над государством и разложено изнутри. Это произошло в связи с тем, что государство как таковое современному транснациональному капиталу, отслужив свою роль, пришло в ненадобность.

⁸В работе конференции приняли участие около 400 человек, представлявших более 30 стран, включая страны, расположенные по северному, среднему и южному направлениям евроазиатского «моста», а также страны Африки.

Первые попытки разрушить устоявшуюся общественную систему реализовались еще в XVI в. В западноевропейскую цивилизацию была привнесена «новая» система мысли, далее вошедшая в историю человечества как «эпоха Просвещения»⁹. Идеи «Просвещения» отвергали существенное положение предыдущей эпохи гуманизма «Ренессанса» — о том, что человек сотворен по образу и подобию Божьему, и, соответственно, отрицало общество, обеспечивающее жизненные возможности совершенствования данной личности, поощряющее его производительную активность, создающее условия окружающей среды, необходимые подобному человеку. Новоявленная система Паоло Сарпи¹⁰, более известная как система Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка, Д. Юма и т. д., т. е. система Просвещения, отрицала существование творческой силы человеческого ума.

Главной «загадкой» такой системной трансформации¹¹, по мнению А.И. Фурсова [19], с которым сложно не согласиться, является генезис капитализма. Согласно Энгельсу, социально-экономические отношения проявляются как экономические интересы, таким образом, корни генезиса капитализма следует искать в экономических интересах феодалов (сеньоров), проявившихся в желании сохранить свою власть и привилегии. С середины XIV в. развитие Западной Европы, сопровождавшееся народными антифеодальными восстаниями, пошло в направлении такого социального устройства, «...в котором сеньоры превращались попросту в богатых землевладельцев... утрачивая значительную часть ...статуса» [19]. Бесконечно воюющие с королем феодалы вынужденно пошли на союз с короной. В итоге данного союза возникли структуры, «значительно более институционализированные и намного более репрессивные», ставшие мощнейшим оружием быв-

⁹Культурно-исторический термин, которым обозначается преимущественно умственное движение в Западной Европе в XVIII в. Как синоним Просвещения употребляется выражение «философия XVIII в.». Просвещение является продолжением традиций... передового протестантизма и рационалистического сектанства XVI и XVII вв., от которых он унаследовал идеи политической свободы и свободы совести [9, 464—465].

¹⁰Сарпи (Sarpi) Паоло (14.8.1552, Венеция — 14.1.1623, там же), венецианский ученый и политический деятель, монах, доктор богословия. Наряду с теологией занимался медициной, физикой, математикой. Советник по богословским вопросам правительства Венецианской республики (был назначен на этот пост в 1606 г. — период обострения конфликта между Венецией и папой Павлом V).

¹¹Кризис феодализма и возникновение капитализма.

ших феодалов против низов — это государство и армия... А феодалы благодаря новой идее Просвещения «транслировали себя в новом системном “обличье”»...

Опираясь на идеи Просвещения, продолжавшего традиции передового протестантизма и рационалистического сектанства XVI и XVII вв. и унаследовавшего от них идеи политической свободы и свободы совести, силы, представлявшие интересы «вновь обличенной элиты», несмотря на их ненависть и неприемлемость предоставления принципиального политического и интеллектуального равноправия всему населению, столкнулись с следующей проблемой. Та форма общественно-хозяйственного устройства, будь то урбанизированно-индустриальная или аграрно-индустриальная, стала способна, а на это указывал еще Н. Макиавелли в начале XVI в., развиваться и применять технологию, дающую населению потенциальную силу, превосходящую силу правящей элиты. И эта сила — военная.

В связи с чем до тех пор, пока существовала опасность возникновения войны между нациями-государствами, любая сила, стремящаяся не только выжить, но и сохранить свой статус-кво, обязана была прибегать к методам нации-государства для достижения элементарной военной мощи, необходимой для противостояния более сильной экономике другого нации-государства.

Однако сегодня не только эпохе гуманизма «Ренессанса», но и эпохе «Просвещения» давно уже пришел конец. Транснациональная элита, благодаря созданной ею глобальной системе социально-экономических отношений, разрушая при этом систему нации-государства, пытается превратить весь мир в экономически колониально-зависимый. Последний, в свою очередь, составляет преобладающее большинство (свыше 80%) в глобальной социально-экономической системе [1]. В настоящее время «без эмоциональных отступлений пропагандируется, что... 95% населения образование не нужно как таковое. «Мы должны вернуться, в сущности, к феодализму или худшим формам господства финансовой олигархии и держать 95% населения в состоянии скотской отсталости» [16, 12]?

Также современные социальные теоретики и практики в своих научных изысканиях не упускают возможности упомянуть английского экономиста Томаса Мальтуса, жившего и творившего в конце XVIII — начале XIX в. Они, подобно Мальтусу, считают, что свойственная капитализму глобальная нищета населения всего мира обусловлена тем, что рост численности населения превышает тот же показатель средств к жизни, приносимых природой, причем в геометрической прогрессии. Единственным способом разрешения проблемы ни-

щеты населения является принуждение бедного населения к сокращению его численности. Высказываясь по вопросу перенаселения земного шара, они убежденно заявляют о невозможности довести жизненные стандарты людей из развивающихся стран до стандартов стран «развитого» капитализма, ввиду ограниченности ресурсов на планете [22].

Неужели, перешагнув в век новых и еще, надемся, неизведанных технологий, наша экономическая наука никак не может освободиться от пут двухсотлетней давности? Разве канул в небытие тезис о том, что накопление капитала и научно-технический прогресс компенсируют ограниченность природных ресурсов?

Необходимым условием социально-экономического развития является воспроизводство рабочей силы, выступающее наиважнейшим фактором воспроизводства общественного богатства. И здесь не стоит заикливаться исключительно на воспроизводстве рабочей силы как потреблении ее носителями жизненно необходимых благ. Что, однако, является сегодня одной из основных целей либеральных рыночных реформ отечественного образования? Воспитание эффективного потребителя... Воспроизводство высококвалифицированной рабочей силы требует приложения труда к носителям рабочей силы, выступающим здесь в качестве «предметов труда». И по мере того, как совершенствуется производственный процесс и развивается научно-технический прогресс, эта сторона процесса воспроизводства рабочей силы становится все более существенной [2].

Воспроизводством рабочей силы занята система среднего и высшего профессионального образования, подобно науке тесно смыкающаяся с реальным сектором экономики. В результате она превращается в одну из отраслей материального производства. А в предложенной терминологии Жака Аттали — в «гипериндустриальное общество» [7]. Следовательно, отношение к образованию и науке как к полноценным отраслям реального сектора экономики, усиленное их развитие и крупные капиталовложения в эти сферы способны не только оживить экономику, но и дать ей сильнейший импульс к дальнейшему социально-экономическому развитию.

Сегодня Россия уже использует некоторые объективные возможности для развития промышленности высочайшего уровня вне досягаемости транснационального капитала. И речь здесь идет о неоиндустриализации, но не о фронтальной, а о секторальной. Она заключается в развертывании отраслей и групп предприятий, заведомо недоступных для разрушения извне.

Это, прежде всего, развитие транспортной инфраструктуры нефте- и газосырьевого комплекса страны. Опираясь на определяющую роль отечественных естественных богатств, следует продвигать государственные производства, недоступные захвату или разорению транснациональными корпорациями. Важнейшим направлением секторальной неоиндустриализации становится оборонно-промышленный комплекс. Наиважнейшую и основополагающую роль должна сыграть система восстановленного, модернизированного и адекватного требованиям нового прогрессивного и справедливого общества образования... Но для комплексного решения поставленных задач жизненно необходимо вывести национальную экономику к новому механизму общественного воспроизводства, обладающему динамизмом, по меньшей мере, сравнимым с динамизмом западной экономической «машины», и, в итоге, переиграть ее...

Литература

1. *Альпидовская М.Л.* Дорога в никуда: от рыночных догм к лозунгу экономического спада. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 39 (228).
2. *Альпидовская М.Л.* Об имитации интеллектообщества // Философия хозяйства. 2012. № 1 (79).
3. *Альпидовская М.Л.* Социально-экономическая эвфемизация как способ существования современного экономизма // Философия хозяйства, 2013. № 1 (85).
4. *Альпидовская М.Л.* К вопросу о целеполагающей деятельности человека и субстанциональности его труда в экономике будущего // Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: поиск модели эффективного социохозяйственного развития. Сборник статей международной научно-практической конференции / Под ред. Г.Б. Клейнера, Э.В. Соболева, В.В. Сорокожердьева, З.М. Хашевой. Краснодар: ЮИМ, 2015.
5. *Альпидовская М.Л.* От интеллектообщества к обществу колониальной демократии (накануне еще более важных перемен) // Философия хозяйства. 2016. № 4 (106).
6. *Амин С.* Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. М.: Издательство «Европа», 2007.
7. *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия // Либрусек: [сайт]. 2011 // <http://lib.rus.ec/b/122608/read#t3>.

8. *Астахова А.* Мы ждем перемен // Прямые инвестиции. 2011. № 11 (115).
9. *Брокгауз Ф.А.* Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Т. XXV. С.-Петербург: Типо-Литография И.А. Ефрона, Прачешный пер., № 6. 1898.
10. *Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М.* Современный экономический рост: теория и регрессионный анализ: Монография. М.: ИНФРА-М, 2016.
11. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.
12. *Заточная А.Д.* Колониальное правительство // ХАЗИН.РУ: [сайт]. URL: <http://khazin.ru/articles/139-golos-rodiny/23708-kolonialnoe-pravitelstvo>.
13. *Калинина Н.* Повышение налогов неизбежно. Правительство готовит бюджет выживания за счет своих граждан // Российское информационное агентство URA.RU: [сайт]. URL: <http://ura.ru/news/1052262961>
14. *Корняков В.И., Альпидовская М.Л.* О «дорожной карте» России и ее месте в мировой экономике: преодоление препятствий // Вестник ТвГУ. Сер. «Экономика и управление». 2015. № 1. Т. 1.
15. *Косолапов Н.А.* Россия: в чем же все-таки суть исторического выбора: Статья 2 // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 11.
16. *Ларуш Ж.* Место России в мировой истории / Под ред. Муравинского Т.В. М.: Шиллеровский институт науки и культуры. Бюллетень № 8. 1998.
17. *Маркс К.* Капитал: критика политической экономии. Т. 1. М.: Эксмо, 2011.
18. Отток капитала из РФ за рубеж в 2015 году составил \$53 млрд // ПРОНЕДРА: [сайт]. URL: <http://pronedra.ru/globaleconomics/2015/12/09/ottok-kapitala-iz-rf-za-rubezh-v-2015-godu/>.
19. *Фурсов А.И.* «Кризис-матрешка»: демонтаж капитализма и конец эпохи пирамид // URL: <http://www.intelros.ru/pdf/ps/02/21.pdf>.
20. *Хазин М.Л.* Куда скатилась Россия в 2015 году по уровню жизни населения? // ХАЗИН.РУ: [сайт]. URL: <http://khazin.ru/articles/6-finansy-i-pravo/731-kuda-skatilas-rossija-v-2015-godu-po-urovnju-zhizni-naselenija>.
21. *Цвылев Р.И.* Постиндустриальное развитие. Уроки для России. М.: Наука, 1996.
22. *Clark, Gr.* The Problem of the Poor in the Nineteenth Century Europe // University of California, Davis, ECN 110B. Spring 2002. Ch. 7.

References

1. *Al'pidovskaja M.L.* Doroga v nikuda: ot rynochnyh dogm k lozngu jekonomicheskogo spada. // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2013. № 3 (228).
2. *Al'pidovskaja M.L.* Ob imitacii intellektoobshhestva // Filosofija hozjajstva. 2012. № 1 (79).
3. *Al'pidovskaja M.L.* Social'no-jekonomicheskaja jevfemizacija kak sposob sushhestvovaniya sovremennogo jekonomizma // Filosofija hozjajstva. 2013. № 1 (85).
4. *Al'pidovskaja M.L.* K voprosu o celepolagajushhej dejatel'nosti cheloveka i substancional'nosti ego truda v jekonomike budushhego // Jekonomiko-pravovye aspekty realizacii strategii modernizacii Rossii: poisk modeli jeffektivnogo sociohozjajstvennogo razvitija. Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Pod red. G.B. Klejnera, Je.V. Soboleva, V.V. Sorokozherd'eva, Z.M. Hashevoj. Krasnodar: JuIM, 2015.
5. *Al'pidovskaja M.L.* Ot intellektoobshhestva k obshhestvu kolonial'noj demokratii (nakanune eshho bolee vazhnyh peremen) // Filosofija hozjajstva. 2016. № 4 (106).
6. *Amin Samir.* Virus liberalizma: permanentnaja vojna i amerikanizacija mira. / Per. s angl. Sh. Nagiba, S. Kastal'skogo. M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2007.
7. *Attali Zh.* Na poroge novogo tysjacheletija // Librusek: [sajt]. 2011. URL: <http://lib.rus.ec/b/122608/read#t3>.
8. *Astahova A.* My zhdjom peremen // Prjamyje investicii, 2011. № 11 (115).
9. *Brokgauz F.A.* Jenciklopedicheskij slovar' / Brokgauz F.A., Efron I.A. T. XXV. S.-Peterburg: Tipo-Litografija I.A. Efrona, Pracheshnyj per., № 6. 1898.
10. *Gorid'ko N.P., Nizhegorodcev R.M.* Sovremennyj jekonomicheskij rost: teorija i regressionnyj analiz: Monografija. M.: INFRA-M, 2016.
11. *Gjelbrejt Dzh.K.* Novoe industrial'noe obshhestvo. M.: AST, 2004.
12. *Zatochnaja A.D.* Kolonial'noe pravitel'stvo // HAZIN.RU: // <http://khazin.ru/articles/139-golos-rodiny/23708-kolonialnoe-pravitel'stvo>.
13. *Kalinina N.* Povyshenie nalogov neizbezhno. Pravitel'stvo gotovit bjudzhet vyzhivaniya za schjot svoih grazhdan // Rossijskoe informacionnoe agentstvo URA.RU: [sajt]. URL: <http://ura.ru/news/1052262961>.

14. Kornjakov V.I., Al'pidovskaja M.L. O «dorozhnoj karte» Rossii i ejo meste v mirovoj jekonomike: preodolenie prepjatstvij // Vestnik TvGU. Serija «Jekonomika i upravlenie». 2015. № 1.
15. Kosolapov N.A. Rossija: v chem zhe vse-taki sut' istoricheskogo vybora: Stat'ja 2 // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 1994. № 11.
16. Larush L. Mesto Rossii v mirovoj istorii / Per. s angl. Pod red. Muranivskogo T.V. M.: Shillerovskij institut nauki i kul'tury, bjulleten' № 8. 1998.
17. Marks K. Kapital: kritika politicheskoj jekonomii. T. 1 M.: Jeksmo, 2011.
18. Ottok kapitala iz RF za rubezh v 2015 godu sostavil \$53 mlrd // PRONEDRA: [sajt]. URL: <http://pronedra.ru/globaleconomics/2015/12/09/ottok-kapitala-iz-rf-za-rubezh-v-2015-godu/>.
19. Fursov A.I. «Krizis-matrjoshka»: demontazh kapitalizma i konec jepohi piramid. // <http://www.intelros.ru/pdf/ps/02/21.pdf>.
20. Hazin M.L. Kuda skatilas' Rossija v 2015 godu po urovnju zhizni naselenija? // HAZIN.RU: <http://khazin.ru/articles/6-finansy-i-pravo/731-kuda-skatilas-rossija-v-2015-godu-po-urovnju-zhizni-naselenija>.
21. Cvyljov R.I. Postindustrial'noe razvitie. Uroki dlja Rossii. M.: Nauka, 1996.

А.П. БАБАЕВ

Политико-экономические аспекты развития и применения инноваций

Аннотация. В настоящей статье автор предлагает рассматривать проблему инноваций с более широких позиций — с точки зрения развития предмета политической экономии. В этой связи он показывает развитие взглядов видных представителей политической экономии и экономической теории в целом на проблему технико-технологических усовершенствований и их роль в обеспечении экономического роста.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, политическая экономия, производительность труда, средства производства.

Abstract. In the article proposed the author suggests to examine problem of innovations from widened positions of political economy, i.e. from the point of view of development of the subject of political economy. In this connection he shows dynamics of views of prominent representatives of political economy and economic theory as whole on the problem of techno-technological improvements and their role in providing economic growth.

Key words: innovations, innovation activities, political economy, labour productivity, means of production

УДК 330:001. 895:331.101.6
ББК 65.5

В наши дни термины «инновация», «инновационное развитие» и «инновационная экономика» (возможны и другие варианты с использованием ключевого определения) стали едва ли не наиболее употребляемыми как в прикладных, так и в теоретических экономических и смежных (например, философских и социологических) исследованиях. Между тем представляется целесообразным посмотреть, какие наиболее важные политико-экономические аспекты, связанные с этим термином, возникают в настоящее время, а какие связаны с предьсторией его появления и как затрагивались в экономических работах последних полутора столетий.

Впервые термин «инновация» в экономической лексике и литературе появился немногим более 100 лет назад в работах австрийского и американского экономиста Йозефа Шумпетера. В своей известной работе «Теория экономического развития», увидевшей свет в 1912 г., Шумпетер рассматривал в качестве движущего фактора экономического и в целом общественного развития эффективную конкуренцию, а она-то, по Шумпетеру, и базируется на *нововведениях*, которые как раз и придают развитию особый динамизм [3, 162—163, 165].

Согласно Шумпетеру, конкуренцию — а следовательно, и экономический прогресс — продвигают вперед прежде всего *инноваторы*, использующие научные и технические достижения (у Шумпетера — «изобретения») в тех или иных экономических процессах. На самом деле, как нам представляется, термины «изобретения» и «инновации» отнюдь не тождественны, и к этому мы еще вернемся, однако у Шумпетера была своя логика исследования, и его несомненной заслугой является систематизация терминологии применительно к ее социально-экономическому содержанию.

Й. Шумпетер в своей работе всячески выделял в качестве ключевого, как он формулировал, «новое применение» уже имеющихся в данный конкретный момент средств производства, а также навыков предпринимательской деятельности. Такое «новое применение» он рассматривал в качестве движущего фактора экономического и в целом общественного развития, подчеркивая необходимость постоянного использования «новых комбинаций» в экономической деятельности.

Й. Шумпетером фактически была предложена модель многовариантного инновационного развития. Вкратце ее можно свести к следующим вариантам:

- изобретательская, инновационная активность по сути своей находится вне экономики, а предприниматели лишь отслеживают появляющиеся открытия и изобретения, другие технологические инновации, а затем используют их для получения прибыли;

- экономическое развитие осуществляется через технологические инновации, в результате чего появляются новые продукты и процессы;

- инновационный процесс изначально целевой: начинается с изобретения и заканчивается инновацией, приносящей прибыль.

Для изобретательской и внедренческой деятельности необходимы постоянные вложения капиталов, поэтому, согласно Шумпетеру, движущей силой экономического роста и, в конечном счете, процветания являются масштабные инвестиции в основной капитал, которые служат воплощением технических новшеств. Можно сказать, что Шумпетер тем самым предложил новое видение проблемы инвестиционной деятельности в экономическом развитии.

Экономисты и социологи, последователи Шумпетера в изучении инновационного развития, обращали внимание на циклический характер инновационного процесса, тем самым добавив новые черты в теорию экономического цикла. Можно сказать, что появление инновации представляет собой такой технико-экономический цикл, в котором использование результатов сферы исследований и разработок непосредственно вызывает технические и экономические изменения, а последние, в свою очередь, оказывают обратное воздействие на деятельность этой сферы. В этой связи в США приводился пример Т. Эдисона, инновационная деятельность которого действительно серьезно изменила всю экономическую картину Америки и остального мира, а помимо этого (или вследствие этого) обеспечила чисто количественное ускорение экономического роста.

Говоря о заслугах Й. Шумпетера в обозначении роли инноваций, следует, однако, подчеркнуть, что, если не вдаваться в само название термина, мы увидим, что суть его и ранее представляла предмет исследования экономической науки, в том числе политической экономии. Причем рассматривался этот предмет в более широком контексте — в частности, исследования проблемы производительности труда в общественном развитии. Так, можно сказать, что впервые на проблему того, что мы сегодня называем «инновациями», К. Маркс выходит уже в своей первой значимой работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Сам термин, следует еще раз подчеркнуть, здесь еще не упоминается, однако, рассматривая важнейший не только социально-экономический, но и философский вопрос о соотношении *абсолютной* и *относительной* бедности рабочего класса при капитализме, Маркс особо обращает внимание на «возрастание продукции» [2, 55]. (т. е. объемов и масштабов производства — *А.Б.*). Происходит это в том числе благодаря «росту бесконечной производительности труда» на основе совершенствования орудий и разделения труда [1, т. 42, 143].

Позднее, в 1-м томе «Капитала», К. Маркс конкретизирует свою позицию по этому важнейшему для экономической науки вопросу — роста производительности труда, отмечая, что под ним следует понимать «всякое вообще изменение в процессе труда, сокращающее рабочее время, общественно необходимое для производства данного товара, так что меньшее количество труда приобретает способность произвести большее количество потребительной стоимости» [1, т. 23, 325].

В истории человечества рост производительности благодаря совершенствованию орудий труда происходит постоянно, однако *качество* этого роста далеко не одинаково; в течение столетий такой рост может осуществляться очень медленно, что связано с использованием практически тех же самых орудий труда и существованием той же самой организации процесса труда. К примеру, ускорение роста производительности труда в разы, а то и в десятки раз происходит с повсеместным переходом от ручных орудий труда к машинам, начавшимся во второй половине XVIII в. в Великобритании и получившим название *промышленного переворота*.

В XX столетии уже не механизация, а *автоматизация* производства не только позволяет резко повысить производительность труда; но при ее развитых формах кардинально меняется и роль рабочей силы. Работник становится регулятором, оператором, программистом и т. д. производственных процессов. Таким образом, мы видим под-

тверждение Марксовой теории «роста бесконечной производительности труда»

Между тем уже во 2-м томе «Капитала» Маркс подходит к сути того, что мы называем инновациями, более широко рассматривая их значение в контексте проблем общественного воспроизводства. Он выводит важнейшую диалектическую формулировку воспроизводственных процессов в экономике, отмечая, что «через известные промежутки времени совершается воспроизводство, и притом — если рассматривать его с общественной точки зрения, — воспроизводство в расширенном масштабе: расширенном экстенсивно, если расширяется только поле производства; расширенном интенсивно, *если применяются более эффективные средства производства* (выделено мной. — А.Б.)» [1, т. 24, 193].

Таким образом, постулируется важнейший социально-экономический вывод: расширяться — и даже совершенствоваться, что важно подчеркнуть — производство вполне может и на существующей базе, на основе *тех же самых* средств производства, но это не будет интенсификацией, т. е. качественным рывком вперед. Напротив, в случае *качественного совершенствования* средств производства и методов организации труда мы получим по-настоящему интенсивное воспроизводство. Или воспроизводство на инновационной основе, как бы мы сказали в современных терминах.

Показательно, что применяемый Й. Шумпетером несколькими десятилетиями спустя в описании процесса качественного роста броский термин «творческое разрушение» (т. е. качественный, «взрывной» сдвиг, в отличие от примитивного роста) диалектически стыкуется с Марксовым тезисом об интенсивном расширенном воспроизводстве.

Уже во второй половине XX столетия свой вклад в рассмотрение теоретического значения инноваций в экономическом развитии вносит первый лауреат Нобелевской премии по экономике американец Пол Самуэльсон. В своих работах, всячески подчеркивая и обосновывая усиление роли государства в современном экономическом развитии, Самуэльсон заходит на проблему инноваций с этой стороны, выделяя государственную поддержку научно-технического и инновационного развития [5].

Здесь, на наш взгляд, пора вернуться к затронутому выше вопросу о разнице между изобретательством (производственным и научно-техническим новаторством и т. п.) и собственно инновациями. Уместно поставить вопрос следующим образом: есть ли отличие инновации от чисто научного или научно-технического открытия и если есть, то в чем оно заключается? Представляется, что инновация — по-

нятие одновременно и более широкое, и более узкое. По нашему мнению, когда мы говорим «более широкое», то подразумеваем, что инновации представляют собой материализацию как новых идей и знаний, так и открытий, изобретений и научно-технических разработок различного рода, сделанных в процессе производства. Характеристика «более узкое» означает, что указанная материализация новых идей, знаний, открытий и др. непременно имеет целью их коммерческую реализацию для удовлетворения определенных запросов потребителей. Соответственно инновацию отличает двойственная характеристика: ее неперенными свойствами являются, с одной стороны, научно-техническая новизна, с другой — обязательная производственная применимость.

В этом смысле способы применения инноваций в производственном процессе представляются в наши дни не менее значимыми, чем сами инновации, взятые, так сказать, в чистом виде. Исследование таких способов как предмета экономической науки в целом и политической экономии в частности является, по нашему мнению, важной задачей сегодняшних теоретических изысканий.

Неслучайно современные экономисты, рассматривая сущность инновационного процесса, подчеркивают обязательное наличие внутри него двух необходимых фаз (или стадий) [4, 39]. Это — непосредственно процесс создания нового продукта, готового к производству, и процесс освоения собственно производства и реализации произведенной инновационной продукции. В связи с этим, на наш взгляд, следует подчеркнуть важность для сегодняшней экономической науки исследования особенностей именно *непрерывности* характера инновационного процесса, включающего создание, постановку на поток и распространение инноваций.

Наконец, в теоретическом осмыслении нуждается не менее часто используемое, производное от термина «инновации» понятие «инновационная экономика», синонимом которого зачастую служит термин «экономика знаний». Между тем, по нашему мнению, подобная взаимозаменяемость не может быть признана верной вследствие различного содержания данных категорий. В самом деле, даже элементарная логика свидетельствует, что, к примеру, становление «экономики знаний» (если отождествлять последнюю с «инновационной экономикой») вовсе не обязательно требует приоритетного развития, скажем, фундаментальных исследований. Напротив, куда важнее создать эффективный механизм трансформации *уже полученных новых знаний* (причем неважно, собственные они будут или заимствованные в ре-

зультате импорта) в полезные для общества и экономики конкретные технологические разработки и готовые продукты.

А вот создание такого механизма как раз и есть важнейшая составляющая именно инновационной экономики.

С социально-экономической точки зрения национальная система, обеспечивающая развитие по инновационному пути, призвана объединить усилия государственных органов управления всех уровней, организаций научно-технической сферы и предпринимательского сектора как раз в интересах ускоренного и максимально эффективного использования достижений науки и технологий в целях реализации наиболее передовых с точки зрения как техники, так и экономики, задач.

Отсюда, как представляется, с политико-экономической точки зрения основной целью существования и развития инновационной экономики следует считать обеспечение, во-первых, устойчивого экономического роста, во-вторых, повышение качества жизни населения путем:

- повышения общеобразовательного и профессионального уровня населения;
- создания дополнительных рабочих мест как в сфере науки, так и в сфере производства и услуг;
- увеличения поступлений в бюджеты разных уровней за счет расширения объемов производства наукоемкой продукции и увеличения доходов населения;
- решения собственных экологических и социальных проблем за счет использования новейших технологий.
- сочетания деятельности крупных инновационных фирм — лидеров национальных и мировой экономик — с множеством фирм сектора малого инновационного бизнеса, осуществляющих пионерскую, рисковую инновационно-технологическую деятельность.

Таким образом, для инновационной экономики принципиальное значение имеет не только и не столько само создание новых научных и технических знаний, сколько дальнейшая судьба результатов инновационной деятельности, т. е. уровень и полнота использования научно-технических достижений в хозяйстве. Именно это становится важным источником экономического роста и основным средством конкурентной борьбы за потребителей в современном мире. Понятно поэтому, что, по всеобщему признанию, инновации, инновационная деятельность признаются сегодня стратегическими факторами роста и по-

настоящему играют фундаментальную роль в экономическом развитии передовых стран и целых регионов и субконтинентов.

Когда мы говорим об использовании научно-технических достижений в экономике, мы можем опираться на поистине гигантские цифры коммерческих операций, осуществляемых в наше время в сфере новых знаний, воплощаемых в новейших технологиях и производстве оборудования, а также в области подготовки кадров и организации производственного процесса. Так, уже в самом начале нынешнего столетия на долю этих секторов в развитых западных государствах приходилось до 80% прироста производства ВВП. По экспертным оценкам, ежегодный оборот на рынке новых технологий и наукоемкой готовой продукции в несколько раз превышал оборот рынка сырья, включая нефть, нефтепродукты, газ и древесину. Речь, таким образом, идет уже не о миллиардах, а о триллионах долларов [2, 12]. Сегодня, во второй половине второй декады столетия, можно говорить лишь о еще большем увеличении этих показателей.

В свою очередь, на дальнейшее развитие сферы НИОКР и инноваций общество направляет все большую долю материальных и кадровых ресурсов. Отсюда повышающаяся объективная потребность эффективного управления и использования этой все возрастающей части производительных сил общества. Закономерно изменяются и роль инновационного потенциала каждого хозяйствующего субъекта в обеспечении экономического развития общества, и отношение науки к такому потенциалу как к объекту исследований.

Соответственно в настоящее время, как нам представляется, современная экономическая наука и в частности политическая экономия, должны уделить приоритетное внимание исследованию путей формирования такого эффективного механизма создания и распространения инноваций, а также механизмов управления самой инновационной деятельностью, поскольку, по нашему мнению, именно этого требуют задачи обеспечения инновационного пути развития, провозглашаемого большинством стран.

Не менее важное значение как объект приложения исследовательских усилий имеет сама инновационная система, формируемая внутри каждой национальной экономики. Как источник инноваций она сама по себе представляет фактор экономического развития, который, в свою очередь, воздействует на экономический рост, а, следовательно, способствует совершенствованию условий и качества жизни населения. Имеется и обратная связь: данный фактор, в свою очередь, оказывает влияние на экономическое развитие через создание условий для эффективной реализации инновационной деятельности, повышение

инновационной способности страны, территории или отдельного региона, а также увеличение привлекательности данной территории для инновационно активных компаний и инвестиций в высокотехнологичные секторы экономики.

Уместно говорить и об обратной ситуации, когда в рамках национальной экономики (территории, региона) сохраняется действие факторов, ухудшающих инвестиционный климат, а права разработчиков инноваций на новую продукцию реально не защищены законом. В первом случае это означает, что высоки политические и институциональные риски, ставки процента, инфляция и т. д., во втором случае подразумевается, что права на интеллектуальную собственность плохо охраняются законом (то ли закон или правила учета интеллектуальной собственности плохи, то ли правоприменительная практика несовершенна). Необходимо также помнить, что даже если инвестиционный климат в целом благоприятен и фирма-разработчик инноваций потенциально способна находить рыночные ниши для расширения рынка своей продукции, на практике зачастую она будет осуществлять инновационные проекты только при условии, что она имеет достаточно высокий инновационный потенциал и у нее имеются надежные источники средств для осуществления необходимых инвестиций. Представляется, что подобные вопросы должны являться предметом исследования далеко не только юристов или специалистов в области институциональной экономики, но и представлять интерес для теоретиков-политэкономов.

Вот лишь один пример практической важности теоретических исследований. Допустим, что фирма, в целом работающая в среде, способствующей инновационной деятельности, может находить рыночные ниши для расширения рынка своей продукции, но не имеет достаточно высокого инновационного потенциала и/или достаточных ресурсов для текущего и перспективного обеспечения такой деятельности. В подобном случае многое зависит от ее способности пользоваться технологическими возможностями внешней по отношению к ней среды, т. е. налаживать кооперационные отношения с другими организациями, причем как в производственной, так и банковско-финансовой сфере. Изучение условий такой эффективной кооперации на микроуровне является, на наш взгляд, важным предметом для экономической теории.

Далее, качество инновационного процесса существенно повышает и ускоряет наличие структур, ориентирующих производителя в динамике рынка и инноваций, информирующих фирму о наличии потенциальных партнеров и т. п. Поэтому вполне естественно, что пред-

приятия ищут каналы, по которым можно было бы получить дополнительные источники знаний. Если подобные каналы, соединяющие фирмы, предприятия (например, через организации, осуществляющие трансфер знаний) с научно-исследовательскими (причем как государственными, так и частными) организациями, высшими учебными заведениями и даже отдельными учеными и изобретателями, успешно функционируют, то можно говорить, что национальная инновационная система работает и развивается эффективно. В частности, в результате оказывается, что инновационно активные предприятия успешно взаимодействуют в сложной системе с другими конкурирующими и кооперирующимися между собой фирмами и исследовательскими организациями.

Иными словами, общими усилиями государства, предпринимательской и научной среды выстраивается эффективная национальная инновационная система, в которой сочетаются:

- предпринимательская конкурентная среда, субъекты которой обладают необходимым стратегическим мышлением (стимулами к инновациям), способностью обучения, адсорбции и адаптации знаний;
- исследовательская среда, обладающая высокой квалификацией, исследовательским духом, стимулами к сотрудничеству с предпринимательской средой;
- механизм (с необходимыми институциональными надстройками и обратными связями) взаимодействия этих двух сред, организующий, с одной стороны, трансфер знаний, их распределение и трансформацию в предконкурентные технологии для предпринимательской среды, а с другой — ориентацию исследовательской среды на удовлетворение возникающих инновационных потребностей развития производства.

Для формирования базовых элементов эффективной инновационной системы в рамках национальной экономики необходим целый комплекс мероприятий, в разработке которых следует принять обязательное участие представителям многих областей науки. Такие мероприятия, как нам представляются, в обязательном порядке должны включать в себя:

- создание основ законодательной базы инновационной системы с учетом передового зарубежного опыта;
- формирование институционально-организационной основы (включая наукограды, технопарки, инновационные центры, лицензионные и консалтинговые компании, университеты);

- формирование и организация поддержки сети предприятий — малых, средних и крупных, осуществляющих производство и продвижение инновационных товаров и услуг;

- применение программно-целевого подхода к организации научно-инновационной деятельности на государственном уровне;

- выработку инструментов и механизмов, связанных с функционированием бюджетных и внебюджетных фондов, инвестиционных, венчурных и страховых компаний поддержки фундаментальных научно-исследовательских работ, опытных образцов и разработок, их конкурсным финансированием;

- развитие информационно-маркетинговой сети оценки потребности, состояния и динамики рынка, предъявляющего спрос на инновационную продукцию.

Изучение этих, а также и других важных вопросов в этой сфере представляет большой интерес для представителей экономической теории и, конкретно, теоретиков-политэкономов.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
2. Мнеян М. Кто процветает на рынке высоких технологий. Независимая газета. Наука. 2002. 25 сент.
3. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Пер. с нем. М.: Изд-во «Прогресс». 1982.
4. Экономика инноваций / Под ред. Н.П. Иващенко. М.: МАКС Пресс. 2014.
5. Samuelson P. Stability and growth in the American economy. Stockholm. 1963.

References

1. Marks K., EEngel's F. Soch. T. 42.
2. Mneyan M. Kto процветает на рынке vysokih tekhnologij. Nezavisimaya gazeta. Nauka. 2002. 25 sent.
3. SHumpeter J. Teoriya ehkonomicheskogo razvitiya. Per. s nem. M.: Izd-vo «Progress». 1982.
4. EHkonomika innovacij / Pod red. N.P. Ivashchenko. M.: MAKS Press. 2014.
5. Samuelson P. Stability and growth in the American economy. Stockholm. 1963.

К.В. МОЛЧАНОВ.

**Проблема экономических определений
и качественно новое развитие экономической теории**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые положения серьезной современной проблемы экономической науки. Это — неудовлетворительность многих экономических терминов. Обсуждаемая проблема определяет комплекс вопросов, касающихся состояния, развития и применения знаний экономической науки. Основным результатом исследования является выявление указанной проблемы (и основ ее решения). Наше исследование ведет к развитию экономической терминологии и касающихся ее новых представлений. Результаты исследования могут быть использованы для развития экономической науки.

Ключевые слова: экономическая терминология, экономическая наука, диалектика, современное мышление.

Abstract. The article discusses some aspects of the serious modern problem of economics. That is an unsatisfactoriness of many economic terms. The problem defines the complex of the issues relating to the status, development and application of knowledge of economics. The main result of the study is to identify this problem (and principles to solve it). Our research leads to the development of economic terminology and the new comprehensions relating to it. The results of the study can be used for development of economics.

Key words: economic terminology, economic science, dialectics, the contemporary thinking.

УДК 001.4
ББК -3*81.2

Познание и его развитие в любой области, в том числе и в экономической науке, невозможны без понимания и определения того, что исследуется. Это понятно, причем, похоже, это многим ученым это настолько очевидно, что в ряде случаев предмет исследования, его отдельный элемент или аспект считаются априори понятными, и никто уже и не удосуживается задуматься о его конкретном содержании и определении. (А иногда в силу невозможности осуществления определения предмета исследования, его элемента, феномена или аспекта оно преднамеренно, иначе и не скажешь, обходится стороной, о чем мы

уже писали в наших статьях: например, система, а мышление до сих пор отсылается представителями психологии к представителям философских наук, а вторыми — к первым, и др.) При этом такая ситуация характерна не только для общественных наук, но и для естественных (например, в физике нет понимания того, что есть электрический заряд, поэтому одни говорят о его некотором минимальном значении, другие даже и его дробят...). Кроме того, такая ситуация характерна не только для предметных положений, но и для гносеологических, и так во всех науках; но в данной статье речь пойдет всего лишь о двух положениях экономической науки, которые крайне важны для нее и неопределенность которых весьма существенно влияет на неактуальность современного экономического познания в некоторых странах. Однако при этом проводимые рассуждения, как будет показано ниже, актуальны не только в предметном смысле, но и в более широком, в том числе и в гносеологическом, поэтому и для других наук.

Первое, о чем нужно сказать, если говорится об экономических определениях, это о стоимости. В целом ни для кого не секрет, что до сих пор нет ее однозначного понимания, не то, чтобы конкретного ее определения. Многие экономисты, особенно зарубежные, ее вообще не признают. А вот в тех странах, где ее так или иначе признают, ситуация критична. Дело в том, что понимание капитала как самовозрастающей стоимости является тогда тоже неопределенным. А в результате в таких странах оказываются под вопросом понимание и определение экономики, что вообще ставит под сомнение ее познание, а значит и экономическую науку...

Вроде бы сделаны экстремальные утверждения, но, например, для некоторых стран, в которых чиновники и экономисты уже многие годы говорят о необходимости ухода от сырьевой экономики, об экономическом росте и т. п., но все без толку, становится понятным, почему этого сделать не удастся: ведь нет понимания того, что должно развиваться. Могут быть и другие причины, но все же в первую очередь следует разобраться с тем, а о чем все же идет речь. И вопросу как раз об этом в части экономического познания и посвящена настоящая статья.

Начнем с того, что представления даже о природе стоимости у экономистов различны. Одни объясняют ее затратами труда, другие связывают с издержками производства, третьи понимают ее в смысле полезности, четвертые связывают с балансом спроса и предложения и т. д. Все это известно. Но как же тогда определяется стоимость, если даже подходы к ее пониманию различны? Можно говорить о разнообразии точек зрения экономистов и т. п., но для конкретной страны,

особенно с сырьевой экономикой, требуется развитие экономики, производства, капитала (а не пафосный плюрализм мнений), а для этого нужно понимание того, на чем это все основывается. Вроде бы можно заглянуть глубже: понятно, что в основе основ все базируется на труде, ибо без него никуда и в смысле производства товаров и вообще в широком смысле осуществления деятельности, которая тоже есть труд; — отсюда и известное трудовое понимание стоимости. То, что стоимость есть овеществленный труд, об этом писал, например, К. Маркс [3, т. 3, 206]. Но ведь нет строгого определения того, что такое труд есть сам по себе! Быть может, поэтому Маркс не дал категориального определения стоимости. (И в таком случае понятно, почему до сих пор не известно, что она такое по существу своему.) Она образуется трудом, она и такая и сякая. Но что она есть по существу? А так как на этот вопрос К. Маркс не ответил, то у него самого возникли разночтения и даже противоречия его теории, о которых он сам писал [3, т. 3, 316]: т. е. уже в начале первого тома «Капитала» обнаружилось противоречие, которое Маркс назвал «кажущимся» и писал о неминуемом решении «этого кажущегося противоречия», для чего, правда, по его же словам, «требуется еще много промежуточных звеньев». Однако, как видно из третьего тома «Капитала» [3, т. 3, 167], решить это противоречие своей теории К. Маркс так и не смог и даже определенным образом подтвердил его. Именно этому моменту было уделено внимания одного из направлений буржуазной критики экономического учения Маркса: например О. Бем-Баверк в своей книге «Критика теории Маркса» на основе эмпирических данных проводит рассуждения по поводу того, что капиталы одинаковой величины, причем независимо от их органического строения, дают равную норму прибыли, и тем самым обосновывает общеизвестный критичный для Марксовой теории вывод буржуазной политической экономии о том, что либо товары обмениваются соответственно количеству заложенного в них труда, но тогда никакого выравнивания прибыли на капитал не может быть, либо выравнивание прибыли на капитал делает невозможным обмен товаров по заложенному в них труду, в результате чего также обнаруживается противоречие Марксовой теории, однако уже затрагивающее и базовое Марксово положение об обмене товаров на основе меновой стоимости.

С другой стороны, как мы уже писали, категориальная неопределенность стоимости и вытекающее из этого отсутствие ее определения (еще раз: вопрос не в том, какая она, как образуется и т. п., а в том, что она есть такое) привели не только к противоречиям в экономическом учении Маркса, на которые он сам обратил внимание и которые

критиковали буржуазные экономисты. В этом учении имеются и другие противоречия. Например, по Марксу, труд сам по себе есть имманентная мера стоимостей [3, т. 23, 547], т. е. уже труд определяется через стоимость: будучи мерой стоимости, труд является ее положением, а не предположением, не посылкой (что, кстати, определяет еще одно противоречие Марксовых рассуждений). Да и что такое труд — в целом вроде бы всем понятно, но что конкретно — не известно, так как в науках существует много мнений по его поводу (так что исходить из него при определении других категорий, в том числе стоимости, не корректно).

При всем при этом, даже если учитывать только полезность, только ее применять в экономической теории, то все равно встает вопрос о производстве того, чья полезность оценивается, поэтому всегда та или иная категория, связанная с трудом, обозначается, и неизбежно приходится говорить о стоимости в смысле труда. Иными словами, вопрос о стоимости оказывается связанным с другими категориями, к определению которых также имеются вопросы, причем возникают еще и проблемы опосредствования (в том числе сочетания) различных определений...

Отсюда становится понятным, что необходимы действия по доопределению и даже по выправлению определения стоимости, причем первым из них должно быть ее категориальное определение, о чем мы уже писали в одной из наших статей. Но разговор сейчас не только об этом.

Очевидны проблемы не только того, о чем идет речь, но и того, как осуществляется его определение. Иными словами, дело еще и в самом по себе определении предмета исследования, например, стоимости. В чем тут вопрос? Он в том, что точно так же, как нет понимания и определения стоимости, точно так же нет понимания и определения того, что называют определением. Общеизвестно, вроде бы, что определение обозначает признаки, свойства и т. п. определяемого. Но если имеет место обозначение признаков, то сразу же встает вопрос об обозначении существа: о признаках чего говорится? Поэтому имеется и другое понимание определения: это формулировка, объясняющая, раскрывающая и т. п. определяемое, которая дает представление об определяемом (иногда вместо слова «формулировка» используются другие слова: дефиниция, дескрипция и т. д., но сути дела это не меняет). В таком случае определение следует понимать как дающее лишь представление о чем-то свойственном, характерном, поясняющем и т. п. определяемого (т. е. по существу о некотором внешнем, случайном этом определяемого), но никак не отражающее его сущность, суще-

ство, суть. Но в этом смысле определение оказывается относительным...

Быть может, поэтому и нет понимания стоимости, так как оно базируется на попытках ее определения, которые могут учитывать разные свойства и аспекты, но, главное, не могут отражать концептуального существа стоимости...¹²

Таким образом, разговор о стоимости вышел в гносеологическую плоскость, что является вторым важным положением статьи.

В этой части статьи сразу же нужно сказать и о понятии, которое вроде бы должно решить обозначенный только что вопрос: при наличии понятия предмета его определение действительно может обозначать признаки, свойства и т. п., так как существо отражается понятием.

Понятие в науках (не в диалектике) обычно определяется как совокупность (единство) существенных свойств, связей и отношений предметов (явлений), выделяющая предмет некоторого класса по общим и в своей совокупности специфическим признакам; правда, такая дефиниция по существу относится к определению. Иногда уточняется, что понятие имеется в мышлении, что это система мыслей (хотя термин «система», как уже говорилось, в науках корректно не определен). Только вот проблема в том, что, во-первых, мышление в науках не определено и, во-вторых, в обычной гносеологии (вне диалектики) по сути имеется определение понятия, а не понятие, к тому же понятие описывается, причем как представление совокупности положений, так что его самого понимание низводится до определения со всеми указанными выше проблемами. К тому же сразу на первый план выходит казус научного определения понятия: дело в том, что если говорится не о сущностном, то имеется в виду определение, а если речь идет о некоей совокупности чего-то сущностного, то не указывается, как она устанавливается (ведь материалистические наблюдения даже внутреннего строения объекта, дают лишь определения). Например, в отношении стоимости интересно, как экономисты могли бы зафиксировать

¹² Есть много определений стоимости, так как выражается много аспектов, свойств, точек зрения и т. д., много разговоров о ней, а толку, как известно, никакого. В этом отношении западная экономическая наука, говорящая о максимизации прибыли, с одной стороны, сильно выигрывает перед теми национальными теориями, которые до сих пор путаются с определениями стоимости, однако, с другой стороны, не имеет возможности разобраться с существом многих процессов, поэтому, например, *регулярные* кризисы для экономистов, в том числе для западных, наступают *внезапно*.

и «разделить» это трансцендентное (метафизическое) нечто (не его явление) на те или иные «составляющие». Это сказано к тому, что научное понятие стоимости по существу невозможно в принципе, и уже из этого следует невозможность ее определения, которого, как известно, и нет.

Конечно же, можно более детально обсудить те или иные гносеологические аспекты и хитрости в отношении определения, понятия, определения понятия, понятия определения и т. п. Но речь сейчас не об этом: требовалось показать, что при определении стоимости и др. необходимо знать, во-первых, что под этим процессом — процессом определения — подразумевается, и, во-вторых, какой результат этого подразумевается, тем более что научно понимаемое понятие стоимости невозможно; а если имеется желание перейти к ее существу, то тогда возникает ее концептуальная проблема, о которой мы уже писали: нет категориального понимания стоимости¹³.

Но имеющиеся в науках рассуждения о капитале и экономике, вытекающие из тех или иных представлений о стоимости, сейчас обсуждать не будем, в силу того, что существенны категориальная неопределенность и стоимости и определения. То есть рассуждения о капитале и экономике с позиций стоимости несущественны в силу обозначенного выше и в предметном смысле, и в методологическом. Но, как на первый взгляд кажется, возможны непосредственные рассуждения об экономике, являющейся третьим важным положением статьи. В действительности же анализ современной литературы по экономической теории и учебных пособий по ней, например [6], обнаружил интересный момент: определения экономики... нет. Например, авторами только что указанного учебного издания, как они пишут, для полного понимания сути определения предмета экономической науки рассматриваются потребности людей, ограниченность ресурсов, проблемы выбора, методы исследований и т. д. Мы не зря остановились на перечислении приведенных положений, так как, еще раз повторимся, определения самой экономики нет, а есть фиксация ее свойств и аспектов или описание ее свойств и аспектов. При этом есть экономическая теория, понимаются экономические блага, обсуждаются различные

¹³ Тут необходимо сказать о том, что в диалектике *определение* различено. При этом, однако, нельзя говорить в отношении стоимости ни о понятии, ни об определении в обычном смысле — используется другая дефиниция. А вот в отношении экономики можно говорить, по крайней мере, о ее (диалектическом) определении, причем оно согласуется с некоторыми базовыми представлениями К. Маркса об экономике, о чем будет сказано ниже.

факторы и т. д., но даже предикат «экономическое» не определен (об этом см. также ниже). Ни экономика, ни экономическое не определены! Но вопрос не только в этом. Сначала в логической плоскости, а потом и в предметной нас заинтересовал в этом учебном издании характерный факт отсутствия определения экономики, однако (!) с учетом а) позиционирования и ее и ее фундаментальных проблем [6, 14—19], в частности проблем производства («что производить?», «как производить?» и «для кого производить?»), и б) обозначения социальных и иных аспектов производства («организационно-правовые формы производства», «распределение», «социальная стабильность» и др.). При этом в учебном издании обозначаются даже такие вопросы, как «полностью загруженная экономика при увеличении выпуска одного товара вынуждена была бы сокращать производство другого» или что «решение вопроса “как производить?” связано с выбором определенной технологии и необходимых ресурсов» [6, 16]. Таким образом, специфические установки производства, включая целевые и плановые моменты, учитываются и под этим (на основе этого) подразумевается понимание экономики, хотя ее определения нет. Иными словами, экономика только понимается: понимается как хозяйство (конкретной страны), манифестируемое через производство и его виды, или его часть, отрасль и т. п., и главное внимание уделяется тому, что, как и в каком количестве производится вообще или в конкретном регионе (стране) в то или иное время. Таким образом, экономика, как следует понимать, отождествляется с производством, но все же с учетом комплекса сопутствующих факторов и аспектов, в том числе управленческих и социальных. Это в целом понятно и известно. В частности, В.С. Автономов считает, что производство «относится к взаимобмену человека с природной и социальной средой постольку, поскольку этот обмен снабжает его средствами для удовлетворения материальных потребностей» [1, 16]. Это и аналогичные соображения в целом объясняются тем, что только «животное не “относится” ни к чему и вообще не “относится”; для животного его отношение к другим не существует как отношение» [3, т. 3, 29]. Поэтому обычное понимание экономики включает в себя отношения людей по поводу ресурсов и продуктов труда, и в таком случае, действительно, как считают некоторые специалисты (см., напр., [2]), важно не только что, как и сколько создано, но и кто, как и почему реализует присвоение природных богатств и результатов труда, и тогда экономика включает отношения между субъектами по распределению ресурсов, труда и его результатов, а труд (производство) сам по себе не свидетельствует об экономике. Так считают одни специалисты. Но экономика также может пониматься, как

считают другие специалисты, и в самом общем виде, например, как хозяйственная деятельность общества, определяемая теми или иными факторами, например, отношениями в системе производства, распределения, обмена и потребления. Под экономикой (экономикой общества) часто понимается общественное производство в целом, в единстве всех его сторон, или общественное хозяйство в конкретном виде как совокупность различных сторон и моментов деятельности человека, включающая средства, технологии и объекты производства, их формы организации и уровень и т. п. (А в более узком смысле под экономикой обычно понимается конкретная отрасль хозяйства или производства, например, сельское хозяйство.) Иными словами, даже четкого однозначного представления об экономике нет.

Отдельно отметим так же и то, что, по Марксу, экономика понимается, исходя из других позиций, о чем мы уже писали в ряде наших работ; но в данном случае важно то, что с учетом Марксовых воззрений существенно другое определение экономики. Быть может, экономистам также следует обратить внимание на то, что увидел в философии Гегеля К. Маркс, обозначивший экономическую общественную формацию...

В целом же очевидно, что и понимание, и определение экономики в науках не могут быть однозначными. И тут вся сложность не только в ее определении и гносеологии этого вопроса: все начинается с концептуального уровня (как и для стоимости) — с того, что имеются различные понимания самого экономического. Это тоже в целом известно. Например, В.В. Радаев отмечает: «Попробуйте определить, что такое экономика... и чем “экономическое” отличается от “неэкономического”. Сразу выяснится, что границы объектов исследования разных дисциплин крайне условны и размыты...» [5, 4]. Действительно, «экономическое», как оказывается, можно рассматривать с разных позиций и с учетом разных положений. Более того, даже значение слова «экономический» неоднозначно: с одной стороны, «экономика» и «хозяйство», «экономическое» и «хозяйственное» многими манифестируются как синонимы, означающие все, что имеет отношение к производству и его организации, но при этом этим «все» само экономическое не определяется, даже размывается. С другой стороны, многим кажутся эквивалентными понятия «производство» и «экономика», тем более что это позволяет хотя бы какой-то предмет более или менее однозначно очертить. И т. д. Иными словами, опять же, четкого однозначного представления об экономике нет.

Поэтому в целом можно сделать вывод о том, что общепринятый подход, который был единственным на заре наук — сначала об-

щее и потом более детализированное описание предмета, которое часто выдавалось и за его понятие, — в настоящее время зачастую является неактуальным и даже губительным в том смысле, что отвлекает внимание от существа предмета, размывает его, акцентирует лишь отдельные свойства, что создает почву для разнотолков, а это крайне негативно сказывается и на ходе познания и на получении выводов, особенно учитывая многочисленные методологические проблемы, причем не только понятия и определения, но и осуществления суждения и выводов, о чем мы тоже писали в ряде наших работ.

И, исходя из сказанного, можно сделать такие выводы в части экономической науки.

Во-первых, определение экономики в экономической науке не может быть дано без наличия ее понятия.

Во-вторых, понятие экономики не может быть дано в экономической науке, так как даже мнения о ней у экономистов расходятся, так что нельзя однозначно даже указать на то, или выделить то, понятие чего следует получить.

В-третьих, в силу отсутствия понятия экономики возникает вопрос по поводу самой экономической науки. Можно, конечно же, довольствоваться таким известным ее определением, как науки об извлечении максимальной прибыли в условиях ограниченных ресурсов. Но ведь в силу акцентирования прибыли и отсутствия даже мимолетного упоминания о заботе о стране, населении, малоимущих, инвалидах и других нуждающихся в помощи и заботе людей, это будет обозначение не экономической науки, а указанной Аристотелем хрематистики. Тогда — не экономическая наука, а хрематистика? Кстати, положительный ответ на этот вопрос существенно изменил бы положение дел, включая понимание необходимости изучения абсолютного закона капиталистического способа производства — наживы, указанного К. Марксом [3, т. 3, 632]. Правда, тогда возникают другие, более серьезные вопросы...

Таким образом, можно сделать вывод о том, что многие общеизвестные подходы, принципы, понимания, методы и т. д. стали неэффективными в современных условиях или даже качественно устарели; это является четвертым важным положением статьи. Это не значит, что они исчерпали себя или стали неверными. Они устарели, стали неактуальными, хотя некоторые из них действительно оказываются ошибочными. В частности, существующая экономическая наука, как мы уже писали в ряде наших работ и докладывали на ряде международных научных конференций в МГУ имени М.В. Ломоносова, во многом ошибочна и не может развить из себя новых представлений,

поэтому нужны качественно новые гносеологические подходы, принципы, методы и формы исследований. И, на наш взгляд, пришла пора качественно обновлять познавательный арсенал наук вообще и экономической науки в частности. Для этого необходима новая волна осмыслений, новые подходы и представления, новый поток исследований. Но, главное, для экономической теории нужна новая, актуальная основа исследований, и это утверждение является основным предметным выводом настоящей статьи¹⁴.

Литература

1. *Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке. СПб., 1998.
2. *Войтов А.Г.* Экономика. Общий курс (Фундаментальная теория экономики). М., 2003.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3.
4. *Молчанов К.В.* Политико-экономические начала неэкономической идеи: диалектическое осмысление современной экономики как другой капиталистической экономики (некоторые положения, обусловленные продолжением труда Гегеля «Феноменология духа») // *Философия хозяйства*. 2017. № 1.
5. *Радаев В.В.* Еще раз о предмете экономической социологии // *Социологические исследования*. 2002. № 7.
6. *Экономическая теория. Экспресс-курс: учебное пособие* / Под ред. А.Г. Грязновой, Н.Н. Думной, А.Ю. Юданова. 5-е изд. стер. М., 2010.

References

1. *Avtonomov V.S.* Model' cheloveka v jekonomicheskoy nauke. SPb., 1998.
2. *Vojtov A.G.* Jekonomika. Obshhij kurs (Fundamental'naja teorija jekonomiki). M., 2003.

¹⁴В современной диалектике была предложена новая основа исследований в области общественных наук: на основе осуществленного в ней развития и продолжения труда Гегеля «Феноменология духа» — на основе *феноменологии-духа-продолжения* — был создан качественно новый подход для изучения общества и экономики и было получено качественно новое понимание экономики — феноменальное понимание экономики, положения чего мы изложили в нашем докладе на международной научной конференции «Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм» (МГУ имени М. В. Ломоносова 7—9 декабря 2016 г.) и в некоторых наших статьях по ее итогам (см., напр., [4]).

3. *Marks K., Jengel's F.* Soch. 2-e izd.
4. *Molchanov K.V.* Politiko-jekonomicheskie nachala neo-jekonomicheskoj idei: dialekticheskoe osmyslenie sovremennoj jekonomiki kak drugoj kapitalisticheskoy jekonomiki (nekotorye polozhenija, obuslovlennye prodolzheniem truda Gegelja «Fenomenologija duha») // *Filosofija hozjajstva.* 2017, № 1.
5. *Radaev V.V.* Eshhe raz o predmete jekonomicheskoj sociologii // *Sociologicheskie issledovanija.* — 2002. № 7.
6. *Jekonomicheskaja teorija. Jekspress-kurs: uchebnoe posobie / kol. avtorov; pod red. A.G. Grjaznoj, N.N. Dumnoj, A.Ju. Judanova.* 5-e izd. ster. M., 2010.

А.А. ГУЛИЕВА

Значение социальных инвестиций для развития национальной экономики

Аннотация. В статье говорится о роли, которую обретают в современной инновационной экономике отрасли социальной сферы, в частности, наука и образование. В этих условиях инвестиции в науку и образование выполняют роль не просто экономического, но стабилизирующего все общественное развитие фактора. Схожую роль выполняют инвестиции в здравоохранение.

Ключевые слова: инвестиции, национальная экономика, социальная сфера, наука, научно-исследовательская деятельность, образование, здравоохранение.

Abstract. In the article the author shows the role of the branches of social sphere in modern innovation economy, particularly the role of science and education. In these conditions investments, first of all, to the branches of science and education play the role of not only economic but crucial factor stabilizing all the social development. Similar role is given to investments to public health sphere.

Key words: investments, national economy, social sphere, science, scientific & research activities, education, public health.

УДК 330.322.5:330.341
ББК 65.5

В XXI в. отрасли социальной сферы все больше рассматриваются не просто как важная часть национальной экономики, а как неотъ-

емлемый элемент существования и развития общества в целом, движения его по пути прогресса. Недаром концепция и идеи «социального государства» постепенно становятся доминирующими в политической и экономической системах все большего числа стран и приобретают характер императива успешного развития в глобальном масштабе.

Особенно следует сказать о таких отраслях социальной сферы, как образование и наука. В условиях, когда современная экономика становится инновационной и приобретает характер «экономики знаний», образование и наука получают новый импульс развития; в частности, многократно возрастает значение образования и науки не только в создании конкурентоспособной экономики, но и в процессе формирования высококвалифицированной, интеллектуально развитой личности. Поэтому правомерно утверждать, что состояние образования и науки в значительной степени определяет уровень духовного развития социума, его интеллектуального потенциала, культуры, гражданского общества.

Эти две отрасли, входящие в социальную сферу, настолько взаимосвязаны, что зачастую о них говорят, как о некоем едином комплексе. Например, понятно, что для развития любой отрасли экономики нужны специалисты, обладающие необходимыми знаниями; в свою очередь, для их подготовки нужна соответствующая развитая инфраструктура. В то же время для качественного образования, отвечающего вызовам времени, бесспорно, нужна высокоразвитая наука. С развитием образования непосредственно связан прогресс научной мысли, поэтому нельзя отделять образование от науки, это как бы две стороны одной медали, и только в единстве можно обеспечить их успешное развитие.

Далее, именно с развитием образования и науки в значительной степени связан положительный результат социально-экономической модернизации, которая, в частности, проходит в Азербайджане. В свою очередь, опыт показывает, что образование и наука выступают главными факторами общественного и экономического прогресса развитых стран; основным капиталом этих стран во все большей мере становится *интеллект*. Интеллектуализация экономики сопровождается проникновением знаний во все сферы человеческой деятельности, в производство практически любого продукта.

Следует отметить, что роль знаний в экономическом развитии выделялась теоретиками и ранее. Так, по мнению одного из основоположников неоклассического направления в экономической науке, А. Маршалла, «знание — это наш самый мощный двигатель производ-

ства. Оно позволяет подчинить себе природу и заставлять ее силы удовлетворять наши потребности» [5, 280].

Позднее видный экономист-теоретик XX в. Дж. Гэлбрейт отмечал: «Доллар, вложенный в интеллект человека, часто приносит больший прирост национального дохода, чем доллар, вложенный в железные дороги, плотины, машины и другие капитальные блага. Образование становится высокопроизводительной формой капитальных вложений» [3, 406]. Он же, подчеркивая значение качественного образования для определения социальной позиции современного человека, заметил: «В наше время людей разделяет образование» [4, 350].

По мнению японского экономиста Т. Сакайи, «...мы вступаем в новый этап цивилизации, на котором движущей силой являются ценности, создаваемые знаниями» [6, 440].

В наши дни, когда роль знаний многократно усиливается, современные специалисты отмечают, что экономику, основанную на знаниях, отличают следующие основные признаки:

- знание становится одним из основных факторов производства и одновременно одним из ее основных продуктов;
- информация превращается в ключевой ресурс, а электронные информационные технологии формируют основу ее технологического уклада;
- интеллектуальные и творческие способности человека становятся основой богатства как для индивидуумов, так и для организаций и стран;
- в национальной экономике увеличивается удельный вес занятых интеллектуальным трудом;
- увеличивается количество занятых в третичном секторе и, соответственно, уменьшается относительное количество занятых в первичном и вторичном секторах;
- в рамках организаций вся деятельность реорганизуется таким образом, что происходит постоянный обмен знаниями между работниками [2].

Знания в сочетании с духовно-нравственными и культурными ценностями играют ключевую роль в развитии личности. Образовательная деятельность представляет собой единство процесса обучения и воспитания людей. Знания обладают важным свойством — быть достоянием всего человечества, они по своей природе интернациональны, трансграничны. При этом в условиях современной глобализации образовательная деятельность сталкивается с действием двух противоположностей: единства и разнообразия. На практике это означает, что национальным государствам следует не допускать тотальной унифи-

кации и стандартизации программ обучения и учитывать при их разработке национальную культурную составляющую.

Принципиально важно, что знания также обладают такими свойствами, как неисключаемость и неконкурентность в их потреблении, перспективность и вариативность их применения, многоаспектность эффекта их воздействия. Именно эти сущностные признаки придают образованию свойства не просто коммерческой услуги, но именно общественного блага (см.: [7, 8—9; 228—231]. С такой же позиции мы можем оценить общественную роль и самой науки, а также здравоохранения.

Отечественный и зарубежный опыт показывает, что только диверсифицированная структурная, институциональная и содержательная модернизация образования может дать системный эффект инновационного развития страны. Огромное значение необходимо уделять качественному образованию, подготовке высококвалифицированных кадров, перспективным научным исследованиям, производству наукоемкой продукции и высоких технологий, экспорту интеллектуальных разработок.

Что касается Азербайджана, то следует отметить, что для дальнейшего инновационного, отвечающего требованиям глобальной конкурентоспособности развития страны потребуются достижение уже не количественных, а качественных показателей общей образованности населения. (В этой связи важно напомнить, что Азербайджан уже в советский период отличался высоким уровнем образования населения.) В настоящее время в независимом Азербайджане достигнутый уровень образования вполне может рассматриваться на уровне стандартов развитых государств. Так, количество граждан республики, имеющих высшее и общее среднее образование, на 1000 человек составило в 2006 г. 946, в 2014 и 2015 гг. — 971 [9, 211]. Можно сказать, что фактически в стране достигнута полная грамотность, отвечающая современным требованиям устойчивого развития.

Поэтому в настоящее время, по нашему мнению, перед республикой стоит задача обеспечения некоего качественного роста сферы образования. Он неизбежно должен быть сопряжен с изменениями самой этой сферы, а также созданием гибких механизмов, отвечающих потребностям ускоренной — при необходимости — переподготовки высококвалифицированных кадров в технических и гуманитарных областях деятельности. Здесь, в свою очередь, при всем желании не обойтись без значительного количественного увеличения объемов капиталовложений, поскольку внедрение в меняющуюся сферу образования новейших технологий, самых современных программ и методик

подготовки и переподготовки высококвалифицированных специалистов представляется делом весьма затратным.

Таким образом, мы видим, что все отмеченные направления требуют осуществления долгосрочных вложений, поэтому понятно, что повышение роли образования и научных исследований должно сопровождаться значительными инвестициями в эти отрасли. Практика выявила целый ряд основных способов эффективного инвестирования в эти ведущие отрасли социальной сферы.

Так, одним из мировых трендов развития науки и технологий является усиление поддержки научных исследований, проводимых в вузах, являющихся, как мы уже выяснили, базой для подготовки кадров для технологической сферы. В развитых странах исследовательские университеты являются ядром интегрированного научно-образовательного комплекса, который обеспечивает выполнение значительной доли фундаментальных и прикладных исследований. Разрабатывается целый комплекс мер со стороны как государства, так и негосударственных институтов, направленных на поддержку и постепенную концентрацию научных исследований в вузах (усиление кадровой составляющей вузовской науки, обновление оборудования, участие вузов в технологических платформах, в создании малых предприятий, поддержка их кооперации с предприятиями и другие меры).

В целом можно говорить о тенденции сближения механизма финансирования государственных и негосударственных вузов, об использовании разнообразных источников финансовых средств для устойчивого функционирования и развития высших учебных заведений.

Хотелось бы обратить внимание на одну важную мировую тенденцию. Так, в рамках мирового рынка высшего образования осуществляется региональная интеграция университетов, приводящая к созданию региональных образовательных объединений и центров. Ярким примером является Азия, университеты которой в настоящее время активно конкурируют на мировом рынке с традиционными западными лидерами. В данном регионе создан целый ряд организаций, способствующих развитию внутри-регионального сотрудничества в сфере высшего образования. В их числе — Ассоциация учреждений высшего образования Юго-Восточной Азии, Азиатский и Тихоокеанский центр по развитию и инновациям в образовании, Юго-Восточный Азиатский региональный центр высшего образования и развития, Ассоциация университетов Азии и Тихоокеанского региона, институты, стимулирующие университетскую мобильность в Азии, Тихоокеанском регионе и в регионе Индийского океана. К подобным организа-

циям в других регионах мира относятся Ассоциация университетов содружества наций, Европейская ассоциация университетов, Евразийская ассоциация университетов и др. [1, 194].

И в качестве дополнения еще раз обратимся к здравоохранению как совершенно уникальной сфере, обеспечивающей практически каждодневное физическое существование современного человека. Именно исходя из такой его роли, конечные цели здравоохранения в современном социальном государстве должны рассматриваться никоим образом не с точки зрения материальных показателей, а исходя из фундаментальной потребности человека быть здоровым, которая, собственно говоря, количественно не нормируется. Кстати, и потребности человека в культурном и образовательном уровне не могут быть сведены к желанию только увеличения возможностей карьерного роста и, соответственно, повышения материальных доходов. Следовательно, и эти потребности не выражаются явным вещным образом подобно потребностям в пище, одежде, жилище и пр.

С учетом вышесказанного еще раз обратимся к материально-вещественной составляющей инвестиций в отрасли социальной сферы. Прежде всего, отметим: *средства, инвестируемые в социальную сферу, окупаются в долгосрочном периоде в виде повышения уровня и качества жизни основного субъекта экономических отношений — человека, что в конечном счете отражается на качестве этих отношений и увеличении количественных параметров национальной экономики в целом.*

Поэтому инвестирование в социальную сферу является особой заботой национального государства, поскольку уровень развития данной сферы непосредственно отражает и степень развитости всего общества, а также его устойчивости. Это, в свою очередь, непосредственно влияет на возможности обеспечения устойчивого экономического роста.

Разумеется, в конкретных условиях непреодоленных до сих пор последствий общемирового финансово-экономического кризиса, оказывающих значительное воздействие на национальную экономику, подчас приходится экономить и на социальных инвестициях в отдельные отрасли. Такое влияние испытывают даже наиболее развитые и богатые в экономическом отношении страны; тем более это относится к развивающимся странам, в том числе к Азербайджанской Республике.

Тем не менее в целом в период с 2000 по 2014 г. расходы на научно-исследовательскую деятельность в Азербайджанской Республике увеличились в 8 раз — с 15,9 до 128,6 млн манат. Правда, по ито-

гам 2015 г. произошло некоторое их снижение в абсолютных цифрах — до 123,2 манат [8, 351].

При этом ведущая роль в финансировании науки и научно-технических исследований в Азербайджане принадлежит государству. Так, доля финансирования научной сферы из государственного бюджета в общем объеме финансирования возросла с 60% в 2000 г. до 96,5% в 2014 г. В 2015 г. это соотношение несколько снизилось — до 92% [8, 351].

Сказанное свидетельствует, что, во-первых, влияние последствий мирового финансово-экономического кризиса, которые не могли не затронуть азербайджанскую экономику, привело к некоторому (пусть и незначительному) снижению расходов на научную сферу в целом и, в частности, государственного участия в них как в абсолютных цифрах, так и в долевом отношении. В то же самое время — и это во-вторых, — за последние годы указанное долевое участие государства в финансировании науки и научно-технических мероприятий увеличилось настолько, что стало практически всеобъемлющим. Соответственно участие негосударственных источников — и, в первую очередь, частного капитала — в финансировании научной сферы свелось к минимальным размерам.

Данный факт свидетельствует, во-первых, о сохранении и даже об увеличении организующей роли государства в регулировании экономических процессов, во-вторых, о наличии значительных неиспользованных финансовых резервов, сосредоточенных в негосударственном секторе, которые при наличии привлекательных условий могли бы быть инвестированы в сферы науки и образования, включая негосударственные образовательные учреждения.

В этой связи следует обратить внимание на проблему расширения оказания населению платных услуг, прежде всего — в области того же образования. Здесь же необходимо упомянуть о возможностях расширения платного здравоохранения — при неперемных условиях не только сохранения, но и расширения области социальных гарантий со стороны государства. А значит, необходимости увеличения государственных расходов в эту отрасль, которые выполняли бы роль социального гаранта на длительную перспективу. Кроме того, необходим постоянный социально-экономический мониторинг соотношения бесплатных и платных услуг населению в отраслях социальной сферы.

Столь же необходимо, по нашему мнению, подумать о дальнейшем увеличении государственных инвестиций в научную область, в том числе (и, может быть, в первую очередь) в фундаментальную науку. Любые прорывные достижения в промышленности и любых других сферах национальной экономики завтрашнего дня невозможны

без должного финансирования научных исследований уже сегодня, каким бы сложным не казалось изыскание необходимых средств.

Литература

1. *Айдрус И.А., Филиппов В.М.* Мировой рынок образовательных услуг. М.: РУДН, 2008.
2. *Гапоненко А.Л.* Управление знаниями / А.Л. Гапоненко, Т.М. Орлова. Как превратить знания в капитал. М.: Эксмо, 2008.
3. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. Пер. с англ. М., 2004.
4. *Гэлбрейт Дж.К.* Экономические теории и цели общества / Под ред. Н.Н. Иноземцева. М.: Прогресс, 1979.
5. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. М.: Изд., группа «Прогресс» «Универс», 1993.
6. *Сакайя, Т.* Стоимость, создаваемая знаниями, или История будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
7. Экономика и управление социальной сферой / Под ред. Е.Н. Жильцова, Е.В. Егорова. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2015.
8. Education, science and culture in Azerbaijan. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. Baku, 2016.
9. Statistical Yearbook of Azerbaijan. 2015. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. Baku, 2015.

References

1. *Ajdrus I.A., Filippov V.M.* Mirovoj rynek obrazovatel'nyh uslug. M.: RUDN. 2008.
2. *Gaponenko A.L.* Upravlenie znaniyami / A.L. Gaponenko, T.M. Orlova. Kak prevratit' znaniya v kapital. M.: EHksmo. 2008.
3. *Gehlbrejt Dzh.K.* Novoe industrial'noe obshchestvo. Per. s angl. M., 2004.
4. *Gehlbrejt Dzh.K.* EHkonomicheskie teorii i celi obshchestva / Pod red. N.N. Inozemceva. M.: Progress, 1979.
5. *Marshall A.* Principy ehkonomicheskoy nauki. M.: Izd., grup-pa «Progress» «Univers», 1993.
6. *Sakajya T.* Stoimost', sozdavaemaya znaniyami, ili Istoriya budushchego // Novaya postindustrial'naya volna na Zapade: Antologiya / Pod red. V.L. Inozemceva. M.: Academia, 1999.
7. Ehkonomika i upravlenie social'noj sferoj / Pod red. E.N. ZHil'cova, E.V. Egorova. M.: Izdatel'sko-torgovaya korporaciya «Dashkov i Ko», 2015.

III

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

В.А. КУТЫРЁВ

Прощальные песни

Аннотация. В жанре художественного мышления рассматривается состояние духовной жизни людей в условиях информационного этапа современной цивилизации. Показываются происходящие под ее влиянием глобальные изменения в языке, умаление смысла и способности чувствовать окружающий мир, давать ему эмоциональную оценку. Особое внимание уделяется показу деградации песенных форм народной культуры. Пропагандируются идеи антропоконсерватизма и сохранения человеческого в человеке.

Ключевые слова: человек, глобализация, язык, песни, информация, духовность, технология, ругательства, антропоконсерватизм, экология.

Abstract: In the genre of artistic thinking is considered state of the spiritual life of people in the information stage of modern civilization. Showing occurring under its influence global changes in the language, impairing the ability to feel and sense the world around us, because to give him emotional evaluation. Particular attention is given to show the degradation of song forms of popular culture. Promote ideas of antropokonservatism and save the human in man.

Key words: Man, globalization, language, songs, information, spirituality, technology, obscenities, antropokonservatism ecology.

УДК 001.18+130.

ББК 87.2

Спасти Деда Мороза

Глобализация. Конец истории. Общечеловеческие ценности. В сущности, все это направлено против национальной = (на)родной = традиционной формы бытия. Любой. «Отказ от себя», от своей культуры характерен для всего «незападного», отстающего от высших достижений технической революции мира. И внутри самого «Запада». В том числе в быту. Но прежде всего от этнических, родных языков этих культур как «дома их бытия». Может быть, кроме Америки, язык которой волею судеб стал языком прогресса. Засилье иностранных слов

вообще. Потому что нет собственных для появляющихся чужих новшеств, если сами «отставшие страны» их не выдумывают, в том числе Россия. Что делать, приходится соглашаться.

А расстраивает прямой сервизм, то бишь холуйство (чтобы не употреблять иностранного слова). Когда и собственное слово есть, и осмысленное оно, а заменяется пустым, бессодержательным. Например, доброволец, добровольцы. Но кругом и сплошь — волонтеры (вместо доброй воли — неизвестно что). Переезд теперь — трансфер. Вместо выполнения договора — имплементация, громоздкое трудно выговариваемое и более длинное слово. Значит, дело не в преимуществах произношения. Главное — чтобы было заимствованное, чтобы в нем не было смысловых признаков своей жизни. Вместо слов: высокий результат (вертикаль, простор, движение вверх) теперь скажут — «топовый» итог (область рейтингов и таблиц). По-видимому, последние годы доживает Дед Мороз — славянский, языческий, природный, сказочный персонаж, символ Нового года. В России он холодный, зимний, морозный. В каком-то смысле символ России вообще. Укоренен в климате и истории. Даже дохристианской. Колониально-зависимая публика стала предпочитать, однако, Санта Клауса. В символическом универсуме развернулась нешуточная борьба между Дедом Морозом и Санта Клаусом, этим каким-то прозаическо-католическим святым Николаем, что ли. (В «блогосфере» он, кажется, уже победил.) Ведь у патентованных любителей свободы главное, чтобы все было заемное, вторичное. А на самом деле — они любители стандарта. «Креаклы» — на самом деле посткреативная публика. Творчество как стремление к оригинальности, сохранению различий (рас, наций, культур, полов, языков) и свободе их покинуло. И только к глобальному про(транс)грессу (техники и капитала) — нет/да.

Также с продуктами, многими товарами, не говоря о вывесках и рекламе. Реклама — двигатель торговли, чем угодно. Так, не различая добра и зла, она делает свое черное дело. Химический суррогат и продукты генной инженерии покупают, едят, главное — чтобы модные, рекламируемые. Условие модности — чтобы заимствованное, чужое, искусственное. Качество — дело второе. Лучше, когда вторичное. Из всего этого и формируется реальное мировоззрение. А если англоязычные хозяева еще бросают со своего стола кости, гранты, то тут и говорить не о чем. Ксенофилия, комплекс неполноценности и мазохизма. А бороться велят с ксенофобией. Не отдадим Дедушку!

Без песен и души, с «мультиваркой, управляемой со смартфона»

Петь — это было естественное, привычное состояние человека. Веками. У всех народов. Пели не только в праздники, а в повседневно-

сти, в труде и быту. Изливали то, что переполняло душу. Которая и когда она была.

Даже в мрачные годы, какой была, считается, эпоха крепостного права в России, правление Николая I. Забитые, неграмотные, радикально бедные в сравнении с нынешним состоянием люди. В общем, несчастные. Так мы их представляем. Но вот Гоголь в «Петербургских записках» в 1836 г. откликается на постановку первой русской оперы Глинки «Жизнь за царя»: «Какую оперу можно составить из наших национальных мотивов. Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, над всей вереницей влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и как грибы вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек. Все дорожное дворянство и недворянство летит под песни ямщиков. У Черного моря безбородый, смуглый со смолянистыми усами казак, заряжая пищаль свою, поет старинную песню; а там, на другом конце, верхом на плывущей льдине, русский промышленник бьет острой кита, затягивая песню. У нас ли не из чего составить своей оперы». Забитые, несчастные, а «звонят песнями».

В те же годы времяпрепровождение разночинного и мелкого дворянского сословия. Критик В.В. Стасов в биографическом очерке о композиторе Цезаре Кюи пишет: «...но Кюи поступил в военный корпус, где музыки намного меньше. Это ведь не то, что, например, в училище правоведения, где в наше время, в 30-х — 40-х годах музыка так широко и роскошно процветала и где в антрактах между классами во время рекреаций весь дом училища так и звучал, от низу до верху по всем этажам. Фортепьянами, виолончелями, скрипками, волторнами, флейтами и контрабасами, словно настоящая консерватория. Нет, куда военному училищу, это совсем другая история». Или язвительный Салтыков-Щедрин о публике на Невском проспекте: «Выйдет пьяница из портерной и сейчас же начнет песни петь». Или ближе к нам, начало XX в., Горький жалуется знакомому на жизнь в Нижнем Новгороде, что шумно, мешают писать, так как рядом с домом работают маляры. «И что за привычка у маляров. Красят и поют». В ночлежку, с которой Горький писал пьесу «На дне», пускали, не спрашивая паспорта. Нельзя было делать только три вещи: «пить вино, курить табак и горланить песни». Унтер Пришибеев у Чехова ходит по деревне и запрещает: «песен не петь, огня не зажигать». Требование «не петь» осмеивалось как выражение тупости.

И вот теперь, в светлые годы прогресса, унтер был бы совершенно спокоен. По первому пункту его идеал осуществился полно-

стью. Унтеры победили. Не поют даже пьяные. Ни в городе, ни в деревне. Приехав в Нижний Новгород в 1980-е гг., я еще застал время, когда в нашем микрорайоне из окон иногда слышалась песня, видна веселая компания, раздавалась музыка, хотя уже «не своя», пластинки, а где-то можно было услышать игру гармоники. Теперь — ничего. Тщетно хожу по району даже под Новый год: песен нет, но стреляют петарды. А если случайно какая-то компания, группировка молодежи запоет на улице, то хочется позвать полицию самому. Как-то неловко. Да и поют ужасно. Голоса все замкнутые, зажатые. «Песня — душа народа. Перестанут петь — не будет души». Ну, вот и перестали. Вместо грустных песен — депрессии. И человек — undead. (Не думаю, что кто-то решится считать песнями разнообразно однообразные компьютерные композиции шоу-бизнеса.)

В советскую эпоху трудовые песни народ пел больше в деревне, особенно в колхозах, до войны. В войну и сразу после как будто было не до песен, хотя и тогда пели. Постепенно произошло их полное восстановление, правда, в новой форме, перерастая в бурный рост самодеятельности. В школах, вузах, кружки, мелкие театральные постановки, непрерывные «смотри художественной самодеятельности». Я иногда возмущался, когда же учиться, то «картошка», то «смотри». В нашем колхозном клубе лет пять было два (семейная пара) художественных руководителя, одного не хватало. (Зачем советскому поколению слушать рассказы идеологов олигархии, как ужасно жили в колхозах; пусть дурят молодых.) До конца XX в. создавалось много и прекрасных авторских песен. Их, однако, пели в основном с эстрады и по радио, а «просто люди» только подпевали, не повседневно, не в труде, больше по праздникам. А ведь люди еще и плясали. Я немного застал это в деревне. Но мы уже не плясали, а «ходили на танцы», которые, говорят, еще есть в ночных клубах.

И вот, наконец: недавно я был на свадьбе, на которой (даже на свадьбе!) не пели, не подпевали, не танцевали и не плясали. «Сидели». Кто-то играл, но не «на гармонии», а на смартфоне. Теперь вообще все больше «сидят». Если хотя бы слушают, то «ретро». Пока. Пока не потеряли не только способность, но и потребность уже не петь, а хотя бы слушать пение. Нужна (бы) экология песни.

Если бы человеку в XIX — начале XX в., когда жили Толстой, Чехов, сказали, что люди перестанут петь и плясать, они вряд ли поверили бы. Посчитали бы невероятным. Так мы сейчас не верим, что к концу XXI в люди перестанут разговаривать живыми словами. Хотя к этому все идет, к этому стремятся — к электронным коммуникациям, а потом к коммутации: «от мозга к мозгу». Над ней «работают ученые». Нейро-нет, ИКМ (интерфейс компьютер-мозг). Лет на 30 раньше, по

мере растворения человека в океане информации, перестали петь в передовых странах Запада. Для них это «фольклор». Теперь цивилизуемся и мы. Разумеется, если не учитывать эстрадно-телевизионного шоу-бизнес-(не)пения. Да и там — вместо песен «компьютерные композиции» или какие-то вопли в вакханалии спецэффектов. Теперь все чаще на английском, чтобы совсем не было своего жизненного смысла, чтобы как можно меньше что-то понимать и чувствовать. Да и петь нечего. Композиторы перестали писать песни не по злой воле, а «не получается». Духа в людях нет. Значит, у композиторов тоже. Все у всех теперь сводится к говорению и еде. Это единственное, что делаем сами, без аппаратов (хотя тоже неправда, говорим все больше по телефону). Если бы бедные, несчастные, ходившие в лаптях и евшие мясо по двенадцатым праздникам певцы прежних или советских лет это увидели, они бы тоже замолчали. По(с)раженные материальным богатством и чувственным оскудением людей. Тем, что собственное веселье заменилось присутствием на чужом или внешними фейерверками, а вместо грустных песен у них «депрессии», которые лечат таблетками.

Почему многие с ностальгией вспоминают революцию, советскую эпоху, идеалы социализма вообще? Ведь жили хуже, чем сейчас, чего там спорить, потому что, в конце концов, техника с тех пор развивалась чудовищно. Но главное не в этом. А в том, что хорошо объясняет известная притча.

Путешественник подходит к стройке и спрашивает рабочего: что делаете? Не видишь, таскаю кирпичи. Спрашивает второго — зарабатываю на хлеб, для семьи. Третьего: я строю Кельнский собор. Хотя все делали одно и то же. Так вот: тогда строили Лучшее общество — Собор. Верили в это. Была мечта, социальная религия. А теперь таскаем кирпичи. Эгоизм и рационализм. У некоторых — даже золотые. Но все равно — не Собор. Потерян Большой Смысл, нет духовной ауры. А не все могут и хотят быть мелкими.

По оценкам некоего агентства, в 2015 г. из 50 стран наиболее депрессивными были Исландия (на 1000 человек 118 постоянно принимали антидепрессивные препараты), потом Австралия (96 из 1000), далее Португалия, Канада, Швеция. Постоянно! А сколько периодически! (Россия пока в этот список не попала, все еще не цивилизовалась.) Депрессия — это когда человек не чувствует себя живым, он ходячележа(ч)щий труп. Ему ничего не хочется. Ему тяжело, страшно быть на этом свете. Нет энергии, экзистенции. Он — Undead, немертвый (появился такой термин). Жалуются на потерю смысла жизни. Но за потерей смысла жизни стоит потеря ее чувства. Как видим, в ранге бесчувственности лидируют богатые, передовые страны. Они — самые мертвые (не очень понятно, почему Португалия). А что абсурдно —

это и есть цель остального человечества, достичь которую оно стремится. «Депрессизация». Чтобы все свое, живое, естественное было отдано «вовне», комфорту, эгоизму, компьютеру, виртуализму. Смерть как идеал. Технофилия! «Управляй мультимедиа со смартфона». Радуйтесь. Не могут. Забыли «как». Вот оно — вещное (и невещное) отчуждение от самих себя. Становимся мертвыми при жизни, вернее «немертвые», но уже неживые. Проникло в родовую сущность — уже дети рождаются бесчувственные, духовно полуживые — аутизм. Потому что душу отдали. Отдаем и Слово. Пока науке и технике. А может, уже и Богу, только механизм этого события — дьявольский. Прогрессивно(е,) глупое, слепое, несчастное человечество занято вялотекущим самоотрицанием.

Регресс языка как язык прогресса

Филология — любовь к слову, как философия — любовь к мудрости. К слову живому, логосу, языку чувств и смыслов, метафор, образов, понятий. Сфера литературы, художественной культуры в целом. В вузах до сих пор в основном «филологические факультеты». Однако постепенно филология стала превращаться в науку, и в этом качестве — в лингвистику. Научное учение о языке. Учение о языке как рациональном, теоретическом, а не живом, художественном общении между людьми. Институты и университеты уже не филологические, а лингвистические.

Хотя лингвистика сразу претендовала на научность, первоначально она была эмпирической, гносеологической, рассматривала язык как отражение жизни и деятельности людей, искала его бытийные корни, выявляла связь с эпохой, показывала зависимость от нее. Это было «преднаучное», метафизически-диалектическое представление о языке. XIX в.: «гумбольдтовская», историческая лингвистика, утверждавшая, что истинное определение языка может быть только генетическим и что это есть постоянно возобновляющаяся работа человеческого духа, говоря прозаичнее, сознания. Своего рода философия языка.

В XX в. возникла «структурная лингвистика», где язык рассматривался как система чистых отношений, существующих независимо от исторических процессов. Без вещей и людей, которые рассматривались как «пересечение отношений». Это эпистемологическое учение о языке в качестве самостоятельной реальности. Словесная рациональная коммуникация. Структурализм стал общенаучным подходом, познание языка рассматривалось как синоним гуманитаристики вообще. На воспевании языка как носителя бессознательной и сознательной структуры мышления лингвисты да и философы-методологи истерли все свои

языки. Великие языки. Язык заменил собой чувственно-эмпирическую реальность. Он стал объектом и субъектом познания. Но все-таки это была реальность слов как носителей смысла.

И вот, к концу XX — началу XXI в. возникла когнитивная лингвистика, которую теперь считают высшей, самой передовой формой учения о языке. Она превзошла не только историческую (архаика), но и структурную (консерватизм) лингвистику. Так думают когнитивисты. Я считаю, однако, что она превзошла язык вообще. Чего не замечают ее авторитеты и последователи.

Само выражение «когнитивная лингвистика» — оксюморон. Жареный снег. Самоотрицание языка. Понятие «когнитивный» — условно-гуманитарное название дигитального описания и представления реальности. Когда вместо слов — число и цифры. Их математическая модель. Которая не есть язык. Это не-язык. Слова есть видимые формы чисел, пророчествовал Велимир Хлебников. А если язык — то искусственный. «Искусственные языки» — такие как Фортран, Паскаль и т. п. — это машинно-программная коммуникация без слов. Считать ее языком — самообман, метафора. Последняя метафора как отзвук — «проклятое наследие» живого языка. Или, как принято говорить с легкой руки Дерриды, вместо структурализма возникла грамматология. Когнитивная лингвистика — это грамматология, чередование *trase and differance*, следов и пробелов. Реально — бит-о-логия. Язык, (не)язык машин. Компьютерная коммуникация. Конец Языку и Слову, которое было у Бога. И Человека. Отныне человек как бессловесное (не)животное. Примитивный предробот. Недоробот. Постчеловек.

Но мы, кто живые, кто антропоконсерваторы и даже прогрессисты, если положим руку на сердце, кто на самом деле понимает, что происходит, все еще жалеем и отстаиваем не только «человеческий язык», но его родные, исторические, национальные, культурные формы. Потому что у нас, людей, Судьба с ним(и) — одна. Будем жить и умирать вместе. Если будем. А пока — хранить наш жизненный мир, пока он не стал прошлым. С верой во множественность возможных миров, неоднозначность исторического развития и молитвой: «Спаси, Господи, люди твоя».

Нельзя (не) ругаться!

Первым культурным человеком, говорил, кажется, З. Фрейд, был тот, кто вместо того, чтобы бросить в соплеменника камень или ком грязи — выругался. Очевидно, матом. Если два идущих по улице мужика матерятся, это просто наиболее древние культурные люди. Они перестали драться, как варвары, и не бросают перчатки, приглашая к смертельному поединку, как феодалы. Кидаются низкими, жест-

кими и грязными словами. Но смысл ругательств, если всерьез, а не как выражение дружбы и взаимного опрощения — всё равно вызов. Другому, Обществу. Это слова для обозначения вещей и действий, которые не должны быть публично обозначаемы. Их, эти действия, знают все, но только по отдельности, про себя, как тайну. В ругани индивид нарушает установленные законы, норму, табу, называя вслух священный тотем, или акт. В ней выражается состояние души, когда человек провозглашает свое право на абсолютную свободу. Самые страшные ругательства — в самые священные и почитаемые вещи — в Бога, Душу, Мать. Это вызов индивида судьбе, обществу, всему свету, бросаемый им в минуту гнева и отчаяния, когда отбрасывается всякая условность в борьбе с неподдающимся окружением. Ах, так, гори все синим пламенем — и избиение божков, святотатство, богохульство, послать нах... Начальника. Это про(за)клятия. «Выход из себя». Момент экзистенции.

Такое состояние не может быть повседневным. Не должно и не является нормой поведения. Либералы-прогрессисты требуют права на ругань в культуре. В кино и театре. Пока добились «запикивания», т. е. обозначения ругательства, а содержательно зритель может домыслить/произвести его сам. Как приправу, соль и перец, по вкусу. Гляди того добьются прямого произнесения мата, чтобы соль и перец подавать как самостоятельное блюдо. А слова: «мать» и «отец», наоборот, — запретят, объявят нецензурными, заменив на «родитель № 1» и «родитель № 2», как того требуют европейские ценности. (Бедный Римский Папа и мать-Богородица.) Не понимают, как всегда, недалекие, что их требования это не «за», а «против» ругательств. Рубят сук, на котором сидят. Узаконенное ругательство перестает быть таковым. Теряет силу вызова обществу, становится не-ругательством. И тогда нечем будет ругаться. Как жить-то будем? Или останется одно страшное китайское ругательство: «Ты не умеешь жить». Оно будет самым актуальным.

Притом что национальные ругательства и так вытесняются. Поражение терпит даже русский мат. На стенах и аудиторных столах в университете я вижу надписи: «fuck», «I fuck you». Их все больше и больше. Вытеснение, увы, идет и на заборах. А факи, в сущности, не-ругательство. Их можно где угодно произносить. Поэтому своих студентов, аспирантов всегда убеждаю, что если ругаться — то матом. Хотя не часто, не чаще, чем как-то признался, что «иногда приходится», наш нынешний президент. Ведь это главное народное слово, настоящий духовный стержень национального самосознания, его высше-низшего состояния. Но только в гнев и неофициально, выкрикивать, чтобы оно оставалось нецензурным. Голосом чувства, разрядкой

души, когда ударили молотком по пальцу или получили несправедливую оценку. Для живого, незамороженного человека это естественно. Необходимо. Иначе, умаляется проявление жизни, что потом ведет к потере ее смысла. «Для связки слов» тоже можно, но это уже некультурно, пошло. Студентам не советую.

Власть(и)мушие мудрецы в Думе собираются, или собирались, принять или уже приняли чуть ли не уголовный закон о запрете ругательств (больше им нечего принимать). Юридический запрет живых ругательств — глупость. Осуждать и запрещать их морально — обязательно. А кто и как мораль нарушает, зависит от ситуации: если на свете мужество, каждый решает сам. Народ, потерявший свои ругательства, обречен. Это критерий его этнической катастрофы (властьмушие просветители этого не понимают). И если весь мир (не)поет, (не)молится и (не)ругается на одном языке, то конец истории как победа техногенно-рыночной цивилизации неизбежен. Конец русского матерного слова будет «концом истории по-русски». Вот что значит рубить под корень. Конец культуры и духовности. Настоящий патриот должен материться. Это наше национальное достояние. И никаких фик(т)ов. Нужна экология мата. Особенно в отчаянии от глобализации, суть которой — технологизация всего и вся, когда даже блины пекут, печатая на 3D-принтере, но видя при этом, кто не оглупел окончательно, как истощается жизнь, умаляются родные языки, песни и душа народов. У(вы)мирает сам человек. Нужна экология Человеческого!

Ф.И. ГИРЕНОК

**Россия: что делать, когда мы не понимаем,
что нужно делать?**

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам современного состояния России. Текст состоит из двух частей. В первой части автор анализирует особенности устройства России и делает вывод о том, что лучше ничего не делать, чем что-либо делать наобум. Во второй части автор рассуждает об истории и приходит к выводу о том, что история все-таки закончилась и началась эпоха принципиальной неопределенности. По мнению автора статьи, в ситуации неопределенности, в первую очередь, необходимо обратить внимание на образование и воспитание детей. Важную роль в этом воспитании должна играть философия, ибо она учит говорить от своего имени и уклоняться от пустых разговоров на языке другого. Автор подчеркивает,

что не менее важно решить вопрос о собственности, о структурировании общества и о понимании того, что есть экономика.

Ключевые слова: устройство России, российское общество, российская элита, конец истории, образование, философские журналы в России, кризис гуманизма, русское сознание, русский космизм, современная Украина

Abstract. Article is devoted to actual problems of a current state of Russia. The text consists of two parts. In the first part the author analyzes features of the device of Russia and draws a conclusion that it is better to do nothing, than to do something at random. In the second part the author argues on history and comes to a conclusion that the history after all ended and began an era of basic uncertainty. According to the author of article, in an uncertainty situation, first of all, it is necessary to pay attention to education of children. In this education the philosophy has to play an important role because it learns to speak on own behalf and to evade from insignificant talks in language of another. The author emphasizes that it isn't less important to resolve an issue of property, of structuring society and of understanding of that there is an economy.

Key words: the device of Russia, the Russian society, the Russian elite, the end of history, education, philosophical magazines in Russia, crisis of humanity, Russian consciousness, the Russian cosmism, modern Ukraine.

УДК 111
ББК 65в

Первая часть

1. Когда мы не знаем, что делать, а делать что-то надо, нужно обратить внимание на детей и на тех, кто с ними работает. Почему? Потому что дети могут научиться говорить, не научившись думать. Приведу два примера.

Один из истории Гражданской войны в России. Мой дед, георгиевский кавалер, Иван Жердев во время Гражданской войны три раза сам со своими детьми смог построить дом, потому что их три раза сжигали то белые, то красные. Он научил детей быть самостоятельными.

Другой пример из истории гражданской войны на Украине. У меня в Киеве живет одна знакомая семья. В ней есть отец, мать и сын. У папы и мамы университетское образование. Мама закончила

МГУ. У их сына украинское образование. Сейчас ему далеко за 30. Он поклонник Бандеры. Борец за независимость Украины от России. Сын терроризирует отца и мать. Отец сбежал от сына в Крым и принял гражданство России. Сын называет отца сепаратистом. Мать осталась с сыном в Киеве. Она мало-помалу начала принимать его взгляды. Приехав однажды в Москву, она удивилась, что мы не умираем с голоду. И позвонила сыну. Сын пообещал посадить ее на карантин за то, что она поверила русской пропаганде.

На Украине сформировано целое поколение молодых людей, которые не имеют с нами ничего общего. У них другой Ярослав и другой Владимир. Они не читали Булгакова и не поют военные песни. Мы ментально не похожи. Они могут уверять нас, что при немцах украинским крестьянам было спокойно работать и наслаждаться плодами своего труда. Для нас это безумие. Возможно, они создадут национальное государство. Они, видимо, знают, что надо делать. Но вряд ли они понимают сделанное.

2. Для того чтобы наши дети не сажали нас на карантин, нам нужно научить их строить вокруг себя барьеры. Зачем? Затем, чтобы быть умными. Чтобы ничто не смогло проникнуть в наших детей, не спрашивая на то их разрешения. Как строить эти барьеры? Очень просто. Нужно приучить детей к чтению русских сказок, а затем приобщить их к русской литературе и просмотру фильмов, в том числе мультимедийных, из классического репертуара. И слушать радио «Орфей». В завершении приобщить детей к философии. Давно уже нужно выкинуть из системы образования не любимый мною предмет под названием «обществознание». И немедленно ввести в образование философию. Начинать можно с сочинений Г.П. Федотова, а заканчивать — А. Камю или Ортега-и-Гассетом. Философия научит наших детей говорить от своего имени и уклоняться от пустых разговоров на языке другого.

3. Если мы не понимаем, что делать, то значит у нас проблемы с культурой. Что такое культура? Это то, что в нас понимает за нас. Если она есть, то мы не спрашиваем каждый день, просыпаясь, что нам делать. Есть вещи, которые за нас уже решила наша культура, и нам не надо всякий раз заново что-то придумывать. Например, мы православные. Но это значит, что, как говорит Н. Ростова, религия не личное дело каждого [2, 181—190].

4. Если мы не понимаем, что делать, то это значит, что у нас проблемы с элитой. Вернее, это знак того, что ее нет. У нас нет политиков и депутатов, у нас есть, как говорил Данилевский, шуты гороховые. У нас нет министров. Ведь министр в России — это империалист.

А не тот, кто однажды прочитал журнал «Финансы и кредит» и стал магистром. Нельзя быть членом правительства, не проштудировав «Россию и Европу» Данилевского, не читая Стебута и Чайнова с Кондратьевым. Депутат не тот, кто выгодно примкнул к партии и съездил в командировку в Америку. А тот, кто изучал «Письма о русской культуре» Федотова и наладил свое дело. Мы смотрим на наше правительство, и нам не до смеха. Мы смотрим на бизнесменов и говорим про себя: воры.

Для того чтобы у нас появилась элита, нам нужно решить вопрос о собственности. Пока мы верим Прудону, который сказал, что собственность — это кража, никто нас не убедит, что у нас есть элита. Нам не сможет помочь ни пятый, ни шестой технологический уклад, если мы точно будем знать, что политика — всегда ложь и демагогия. Элиту выбирают не на выборах. Ее растят. Наша нынешняя элита абсолютно не легитимна. Пока мы думаем, что все из правящего класса должны отвечать за содеянное, за разорение России, элита не может быть элитой.

5. Если мы не понимаем, что нам нужно делать, то это значит, что у нас проблемы с учеными и особенно с философами. Вы думаете, что в журнале «Вопросы философии» кипят страсти, бушуют дискуссии? Нет, вы ошибаетесь. Там болото, тина и лягушки квакают. Там заняты историей мысли, там все еще читают и перечитывают Маркса и Спинозу с Гегелем. Наши философские журналы не знают, что им делать. Они нас все еще просвещают в делах континентальной и аналитической философии. Хотя решение вопроса о просвещении давно уже решено в мифе Платона о пещере и, конечно, в рассуждениях Канта. Эти журналы не учат думать, они учат говорить на языке другого и предназначены исключительно для расширения кругозора посредственных преподавателей. Им нужны фактура и объективность. Нам нужны концепты.

6. Если мы не понимаем, что делать, то это значит у нас проблемы с обществом. Это значит, что у нас его нет. Для того чтобы было общество, нужен самообман, разрыв между тем, что мы чувствуем, и тем, что мы говорим. Никто из нас не хочет себя обманывать. Поэтому у нас нет социальных групп с ясно выраженной позицией, с четкими взглядами. У нас нет социальных институтов, на которые мы могли бы полагаться. У нас есть аморфное общество, множество непониманных других. Для того чтобы у нас возникло общество, нам нужно не объединяться под какими-то выдуманными титулами, а нужно структурироваться. «Россиянин» нас не структурирует. Это всего

лишь пустышка для чиновников. Я — русский и никогда не буду россиянином. Но я знаю обрусевших немцев и люблю их.

Что значит структурировать общество? Это значит отделить человека от места, которое он занимает. Структура — это место, а не человек, который его занимает. И связь между местами, а не антропология их качеств. Где есть структуры, там есть и социальные машины. Но там уже не будет ручного управления.

7. Если мы не понимаем, что экономика — это не финансы, то это значит, что у нас нет ни того, ни другого. Экономика нам нужна не для того, чтобы продавать нефть за границу, а для того чтобы у нас были рабочие места. А финансы нам нужны не для того, чтобы считать, кто и сколько украл из бюджета, и не для того, чтобы обменивать рубли на доллары, а для того, чтобы у нас в стране были условия для обмена, чтобы вообще был возможен обмен между людьми. Конечно, придет время, когда производство не будет нуждаться в людях, а люди — в производстве. И тогда мы займемся практиками дословного. Сегодня наши финансы — это согласованная с Западом галлюцинация. А наша экономика — это бред, согласованный производителями сырья с его потребителями.

Пояснения к первой части

История

Исторический взгляд на вещи предполагает, что все мы находимся внутри того, что когда-то началось и когда-то должно закончиться. Нам казалось, что все имеет свое время. Все конечно. И мы конечны. И поэтому слово «понимать» означало для нас одно — идти в ногу со временем. Но иногда нужно идти не в ногу со временем. И нужно понимать, когда это следует делать.

До недавних пор в России понимали, что нужно делать. В результате мы стали очень большими с богатыми природными ресурсами.

Однако вечное возвращение к одному и тому же заставило нас отказаться от времени. Вернее, заставило нас признать в нем плодотворную иллюзию. И теперь, когда мы говорим о времени, всем нам нужно иметь в виду, что мы говорим об искривленном пространстве.

История все-таки закончилась. И теперь то, что мы можем начать делать, не будет иметь шансов на успех, не сможет завершиться, закончиться. То, что не может завершиться, не может иметь начала.

Особенность существования нас, русских, состоит в том, что мы научились переживать развязку конца, не испытав радости завязывающего начала. Мы никогда не были при рождении смысла, но мы все-

гда были на похоронах события. Мы и сейчас хороним Европу, хороним Россию 1917 г., как похоронили до этого Ренессанс, гуманизм и социализм. И вот теперь мы хороним похороны, т. е. самих себя. Что же нам делать, когда мы не понимаем, что нужно делать? Видимо, полагаться на авось.

Авось

Европейского человека воспитала агора. Местом же мысли и чувств русского человека была не агора, а церковь. Наша философия — это не когитальная философия. Наша философия — философия «авось». Что это значит? Это значит, как удачно разъяснил в свое время В. Ключевский, что мы мыслим так же, как ходим. А ходим мы не по прямой, а окольными путями, по тропинкам и проселкам. Поэтому у нас не гнозис, не знание, а фронтисис. То, что способно направлять человека вне связи с его рассуждениями. Так складывались наши практики дословного, наше авось.

Мудрость души

Дословность требует не метафизики, а контакта, прикосновения к вещи самой по себе. Мы не любим посредников. Нам нужно то, что греки называли мудростью души. По словам Ксенофонта, Сократ вселил в своих последователей прежде всего мудрость, а лишь затем умение говорить и действовать. Ибо те, кто умеет говорить, не имея мудрости, наиболее несправедливы и наиболее способны творить зло. Особенно опасны сегодня политики, философы и финансисты, ибо их ум редко связан с душой. Они умеют анализировать, но, как правило, не умеют синтезировать.

России не нужна интеллигенция, не нужна развязность ее ума. Ибо она и погубила всех нас. И продолжает губить. России нужна новая элита. Нужен ум, связанный с душой. Нам нужны практики дословного [1].

Конец истории

Россия своей кентаврической природой забросила нас на «концы» истории. Конец истории — это не часть истории, а разрыв с нею. И вот на этих «концах» прямая истории пророка Даниила вновь свернулась в кольцо. Она взвешена и найдена очень легкой, ибо в ней не оказалось точек, называемых раем и адом. Без них история исчезает, и вместо нее проступает не знающий истории космос.

Космос

Христиане когда-то освободили нас от объятий мира, вынув человека из космоса и отдав его Богу. Человек был поднят над миром. Мир опустел и стал называться природой. Вернуть человека на место попытался русский космизм. Но в природе уже не было места для че-

ловека и его души. И тогда русские философы стали сооружать особую сферу, в которой должна была разместиться наша душа. Флоренский назвал ее пневмосферой. Вернадский — ноосферой. Европейские философы и, прежде всего, Ницше решили вернуть человека природе, дав ему новое имя — «сверхчеловек». Нам не нужны сверхлюди. Нам нужны святые, гении и порядочные люди.

Не от мира сего

Пустой природой мы заплатили за возможность существования человека не от мира сего, за наше несовпадение с явлениями природы. Когда-то греки подчинили человека и его богов идее целого, космоса. Мы не греки. Мы христиане. Мы покинули этот космос, оставили нашу землю и пошли за Спасителем. Конечно, христианская культура погасила в нас чувство радости от земной жизни. Мы потеряли интерес к миру фактического. Наука, пользуясь случаем, превратила пустую природу в бесконечную плоскость, сделав человека одномерным.

Гуманизм

Пока у нас была мысль о Боге, мы могли поднять себя над собой и удержать себя на этой высоте. Но что человек может сделать, если у него нет Бога? Если мы сами его убили, если он не родился в наших душах? Только падать в низость низкого и обсуждать проблемы секса с роботами. Гуманизм убил в нас человека. Чем лучше создавали мы общество, тем хуже становились сами. Теперь машины могут думать вместо нас. Но пока мы грезим и у нас есть сознание, мы будем делать то, что никакие машины никогда не смогут сделать: воображать и вообразаемое соединять с реальностью.

Литература

1. *Гиренок Ф.И.* Археография наивности // *Философия наивности* / Сост. А.С. Мигунов. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 23—28.
2. *Ростова Н.Н.* Не-личное дело религия // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.

References

1. *Girenok F.I.* Arheografiya naivnosti // *Filosofiya naivnosti*. M.: MGU. 2001.
2. *Rostova N.N.* Ne-lichnoe delo religiya // *Filosofiya hozyajstva*. 2012., № 5.

Т.И. ПОРОХОВСКАЯ

**Современный ценностно-нормативный кризис:
симптомы и следствия**

Аннотация. Оценка западного и отечественного общественного сознания как находящегося в глубоком кризисе разделяется многими философами и политологами. Аберрации общественного сознания — результат идеологической зашоренности, слишком узкого или предвзятого взгляда на мир и современное общественное устройство, а то и результат сознательных манипуляций, имеющих политические цели. Отход от поисков более совершенного и более справедливого общественного устройства обернулся для западного общественного сознания доминированием ценностей более низкого ранга, прежде всего политических, прагматических ориентаций. Мировоззренческий кризис в нашей стране обусловлен трансформациями общественного сознания в 1990-е гг., инверсией ценностей, неопределенностью в формулировке цели общественного движения, социально-политическими условиями.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, инверсия ценностей, мораль, справедливость, права человека, толерантность.

Abstract. Evaluation of Western and domestic public consciousness as being in deep crisis is shared by many philosophers and political scientists. Aberrations of public consciousness — the result of ideological blinders, too narrow or biased view of the world and the modern social order, and then the result of conscious manipulation with political objectives. Departure from the search for better and more equitable social structure turned to the Western public consciousness with domination of the values of lower rank, especially of political, pragmatic orientation. Ideological crisis in our country due to the transformation of public consciousness in the 1990 s., the inversion of values, the uncertainty in the formulation of the goal of social movement, social and political conditions.

Key words: moral values, the inversion of values, morality, justice, human rights, tolerance.

УДК 172, 17.022.1, 17.023.3
ББК 65

Современный ценностно-нормативный кризис — часть общесистемного мирового кризиса. Однако мировоззренческий кризис не всегда совпадает с кризисом в других общественных сферах. Эпохи, которые лишают людей общих целей, снижают тонус общественной жизни, порождают массовое убеждение в бессмысленности и пустоте существования, — это не всегда эпохи экономического упадка. У мировоззрения существуют собственные опоры — ценности, идеи, поэтому о мировоззренческом кризисе в строгом смысле следует говорить лишь тогда, когда рушатся эти опоры, а о выходе из него — тогда, когда эти опоры вновь появляются. Для того чтобы выйти из кризиса, необходимо правильно поставить диагноз. Инструменты диагностики ценностного сознания сложились в результате осмысления предыдущего ценностно-нормативного кризиса, который возник под влиянием идей, прежде всего, К. Маркса и Ф. Ницше (и, по мнению многих философов, растянулся на весь XX в.). После них, писал К. Ясперс, философия не могла оставаться прежней: «Они высказывали мысли, которым суждено было прийти к власти, они снабдили двадцатый век символами веры и лозунгами дня» [12, 108]. Маркс системно и критически осмыслил жизнь общества и, прежде всего, экономические основы буржуазного общества. Ницше же подверг критике всю систему ценностей европейской культуры, в первую очередь ценности христианства, которые лежали в основе этой культуры последние два тысячелетия. Он обозначил и две главных линии в понимании ценностного бытия человека — софистически-скептическую и платоническую. Эти линии — скептическое отношение к ценностям и вера в ценности-абсолюты — с возникновения философии и до сих пор резко противостоят друг другу.

Появление относительно самостоятельной метафизической дисциплины — философской теории ценностей (аксиологии), связанное, прежде всего, с именами Г. Риккерта, В. Виндельбанда, Н. Гартмана и М. Шелера, стало философским ответом на мощную критику ценностных основ общества¹. По Шелеру, существуют базовые ценностные модальности или аксиологические (ценностные) категории (см.: [9]). Ценностные модальности бинарны, как бы зеркально противоположны друг другу. Они задают ценностный «верх» и ценностный «низ», ценностное «дно». Высший полюс — это полюс святости, низший — полюс абсолютного зла, сознательного злодейства. В рамках ценностной

¹Э. Агацци определил ценности как «некоторое совершенство, идеальную модель, некое «как должно быть», то, что направляет любое человеческое действие» [1, 27].

пирамиды в самом общем виде можно выделить три соподчиненных уровня позитивных модальностей: материальные, или витальные, ценности, социальные и духовные ценности. Если основание материальных ценностей коренится в потребностях человеческого организма (жажда, голод, ощущение холода и др.), то подобной основы у социальных ценностей нет. Выбор в сфере социальных ценностей определяется высшими, духовными ценностями — представлениями о святости² (нравственном долге и благородстве, о высшей справедливости и т. д.).

Шелер считал высшие ценности духовными опорами, определяющими индивидуальный выбор человека и освещающими направление социального развития, — тем, что выстраивает основную конфигурацию индивидуального и надиндивидуально-социального *ordo amoris* (порядка любви). Жизнь духа, полагал М. Шелер, имеет свой строгий порядок предпочтений и отталкиваний. «У сердца в его *собственной* сфере, — пишет он, ссылаясь на Паскаля, — имеется строгий аналог логики, отнюдь не заимствуемый им из логики рассудка. ... У сердца свои доводы: “свои”, о которых рассудок ничего не знает, и никогда ничего знать не способен; у него есть “доводы”, т. е. реальное и очевидное понимание фактов, к которым слеп всякий рассудок — так же “слеп”, как слепой — к цвету, как глухой — к звуку» [10, 359]. Шелер сформулировал также запрет на инверсию ценностных полюсов: иерархия социальных норм и ценностей, писал он, не произвольна. Любая культура всячески препятствует ценностным инверсиям, и это сопротивление тем выше, чем выше место ценности в верхней части пирамиды ценностей и чем ниже ее антипод в пирамиде антиценностей. Если к предпочтению тех или иных видов пищи, отдыха, цвета и т. д. культура в целом и отдельные люди относятся равнодушно, то к произвольному оборачиванию полюсов добра и зла, прекрасного и безобразного, героизма и предательства и т. д., общество относится резко негативно. Предательству как ценностному «дну» противостоит верность как ценностная вершина — верность слову, верность взятым на себя обязательствам, верность долгу, верность Родине и т. д., — все то, что характеризует нравственную надежность человека, — то, что, по выражению В. Янкелевича, «отличает нас от устриц и медуз» [11, 239].

²Под святостью М. Шелер понимал неопределимое единство абсолютных ценностных качеств, П. Флоренский определял святость как совокупность онтологических и нравственных совершенств.

Современный ценностный кризис на Западе явился, по словам А. Бадью, следствием отката от тех идей, которые были предложены в 1960-е гг. «Так, — пишет Ю. Хабермас, — в контексте рабочего движения и христианско-социальной традиции сложился солидаристский *этнос борьбы за “большую социальную справедливость”* против индивидуалистического этноса справедливости успеха и достижений, этноса примирения с грубым социальным неравенством» [8, 47]. Отход от этих ценностей, поисков более совершенного и более справедливого общества обернулся для западного общественного сознания, по Бадью, доминированием ценностей более низкого ранга, прежде всего политических, прагматических ориентаций. Запад не отказывается от нравственно-духовных ценностей, он по-прежнему декларирует приверженность им, но следует различать, то, что декларируется, и то, что защищается и реализуется. А защищается не социальная справедливость, а права человека, да и то с оговорками. И если идеи социальной справедливости — в форме ли христианской справедливости, социалистической идеи или в форме общества всеобщего благосостояния — освещали путь усовершенствования общественной жизни, то посредством концепции прав человека консервируется уже существующий социальный порядок.

После подписания большинством стран Всеобщей декларации прав человека (1948) и Конвенции о правах человека (1966) концепция прав человека стала выполнять роль общечеловеческой морали: чтобы стать правами в узком и точном смысле слова — гражданскими и политическими правами — моральные права должны быть еще закреплены в законах государств. Права человека, пишет Ален Бадью, и социальная справедливость — это не совсем одно и то же. Права человека — это, прежде всего, права на не-Зло: право человека не подвергаться притеснению и агрессии (убийствам, казням, пыткам, репрессиям), не испытывать голод, не подвергаться унижениям и т. д. [2, 24]. «Нельзя отделаться от подозрения, — справедливо замечает в связи с этим Е.Л. Дубко, — что риторика прав человека служит некоторым образом для того, чтобы не видеть другого зла, кроме зла нарушения прав человека» [3, 688]. Добром объявляется соблюдение прав человека, а злом — его нарушения. Однако, возражает Бадью, это добро должно устанавливаться относительно зла, а не наоборот. Сначала следует выявить *все* виды зла, а не только те, которые очевидны и бросаются в глаза, затем установить каузальные связи между ними, чтобы выяснить их конечный источник, то звено, с которого и следует начинать, — только так можно эффективно бороться со злом.

Поверхностный подход к проблеме зла приводит к столь же поверхностным выводам относительно современного общественного устройства. Если рассматривать его через призму прав человека, то одни выступают в нем в качестве жертв, которых необходимо защищать, а другие — в роли их благодетелей, причем исполнители этих ролей, на что специально обращает внимание А. Бадью, — одни и те же: роль защитника, совершающего цивилизующие вмешательства, неизменно исполняет хороший белый Человек, Запад. «Когда-то, — пишет Ю. Хабермас, — либеральный национализм был убежден в своем праве распространять на весь мир универсальные ценности собственного либерального порядка, — в случае необходимости даже и военными средствами. Такое самоуправство не стало легче переносить вследствие того, что от национального государства оно перешло к гегемониальной державе. Именно универсалистская сущность демократии и прав человека запрещает насаждать их огнем и мечом» [8, 37]. Однако на деле мы видим, что ради защиты благопристойных «прав человека» в мирное время развязываются войны, ставятся на колени государства, убивают и калечат людей. Это зло — уже и не зло вовсе, а добро — защита прав человека. Гуманитарные экспедиции, вмешательства, благотворительные высадки легионеров, — это, пишет Бадью, не что иное, как варварство в терминах «прав человека» [2, 29]. Идея прав человека, таким образом, превращается в инструмент навязывания Западом своей воли и наказания строптивых. И не только к различным видам зла подходят избирательно, акцентируя внимание на одних видах зла, и закрывая глаза на другие, но и к объектам своей защиты. Трудно не заметить, например, что у нас «правозащитники» защищают права не самых обиженных властью, а «обиженных» властью проводников интересов Запада.

Концепт прав человека выполняет еще одну роль: подчиняет мировосприятие людей других культур меркам западной рациональности, западной картины мира, что имеет не только культурные (см.: [7]), но и далеко идущие политические последствия: «Когда международное право распространяется с взаимоотношений между государствами на права граждан, это бросает вызов традиционной и политической концепции государства-нации. С точки зрения закона о защите прав человека, мир представляет собой совокупность деполитизированных индивидов, т. е. таких индивидов, чья идентичность и права стоят выше государственной идентичности» (цит. по: [13, 5; 8, 179]). А за этим, пишет Ю. Хабермас, уже стоят экономические интересы: «Тема “борьба культур” (“Kampf der Kulturen”) часто оказывается покрывалом, за которым скрываются веские материальные интересы Запада

(например, приоритетно распоряжаться нефтяными месторождениями и обеспечивать энергетические потоки)» [8, 22].

Инструментом манипулирования сознанием, цензуры и подрыва общественной морали служит и агрессивно навязываемый принцип толерантности, который вполне правомерен как политический принцип, что было показано еще Дж. Локком, обосновавшим необходимость введения этого принципа в политический оборот. Однако распространение принципа толерантности на моральные явления и оценки деформирует личность: человека вынуждают не реагировать на аморальные явления, скрывать свою позицию, поскольку он лишен возможности защищать ее в споре, он лукавит, он неискренен, притворяется, он принужден к постоянным компромиссам. То, что могло бы быть отвергнуто с моральной точки зрения, фактически нередко санкционируется, охраняется, защищается доктриной толерантности. Тем самым снижается ценностный статус нравственно должного и, соответственно, повышается — нравственно неприемлемого.

Идеологема толерантности, по мнению Ю. Хабермаса, С. Жижека и др., — это не случайный конструкт либеральной идеологии, это — тоже один из методов сохранения статус-кво для власти. Суть этого метода заключается в том, что изменяется предмет общественного внимания: оно переключается на субъективные формы насилия, тогда как формы системного насилия, которые открывались взгляду в системе Маркса, убираются из поля зрения. Тактика толерантности воплощается, в частности, в политкорректности, которую С. Жижек называет политикой страха, возведением символических стен вежливости, поддерживающих социальную дистанцию, отчуждение. Он приводит в связи с этим комментарий философа Алена Финкелькраута к волнениям во французских пригородах: «Если араб поджигает школу, это восстание. Если это делает белый, то это — фашизм» [4, 91]. Говорить о том, что преступления совершаются этническими группировками, не политкорректно. Такая «политкорректность», пишет С. Жижек, парализует «стремлением не задеть другого, независимо от того, насколько жестоким и суеверным является этот другой» [4, 102]. Однако политкорректность только кажется умиряющей силой, на самом же деле втайне она способствует разжиганию насилия: «Мой долг быть терпимым к другому ...означает, что я не должен приближаться к нему слишком близко, вторгаться в его пространство. Иными словами, я должен уважать его *нетерпимость* к моей чрезмерной близости. Главным правом в позднекапиталистическом обществе все чаще становится право *не подвергаться домога-*

тельствам, то есть держаться на безопасной дистанции от других» [4, 37].

Моральные оценки, в которых находит выражение отношение людей к разным сторонам своей жизни, служат основанием для сохранения и укрепления одних отношений и отрицания, переустройства других. Толерантность же ориентирует на беспристрастность, воздержание от оценок, что часто оказывается попустительством злу и открывает путь к произволу. Попустительство злу, таким образом, из предмета осуждения превращается в санкционируемую властями повседневную практику. Помнится, в эпоху Просвещения журналисты гордо декларировали миру свою миссию: объективно информировать читателя о происходящем, выражать мнение всех групп населения, помогать обществу контролировать свое правительство. Пресса, провозглашали они, — «сторожевой пес демократии». Сейчас же многие журналисты, — скорее, цепные псы политиканов и стоящих за ними транснациональных корпораций, готовые разорвать кого угодно, если на то будет воля хозяина, и молчать сколь угодно долго, если получат команду молчать. Они хорошо усвоили науку двойных, а то и тройных стандартов своих хозяев. Из-под нравственной оценки выводятся многие политические действия, достойные возмущения, — СМИ их просто не замечают. Недавняя избирательная президентская кампания в США дает много пищи для размышлений, нужна ли нам такая «демократия», которая в свое время предлагалась нам в качестве образца. «Давайте признаем, — пишет Ю. Хабермас, — что Запад предстает как социум, фактически утративший собственное нормативное ядро» [8, 18].

Не менее глубоким является ценностно-нормативный кризис в нашей стране. Во многом этот кризис рукотворный, а не только обусловленный тектоническими сдвигами в экономике и политике нашей страны. Опасаясь реванша коммунистической идеологии, российское политическое руководство наложило запрет на любую государственную идеологию³. Под флагом деидеологизации в 1990-е гг. насаждались ценности нелиберальной идеологии, прежние ценностные ориентации заменялись зеркально противоположными: коллективистские ориентации — индивидуалистическими, социалистическая идеология — пещерным антикоммунизмом, советский патриотизм — культом Запада и космополитизмом; культ духовно-нравственных ценностей —

³Конституция РФ, ст. 13: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

культом ценностей материальных. И это — не просто замена одних ценностей на другие, но инверсия ценностных полюсов, к которой дезориентированное общественное сознание оказалось очень нечувствительным. Раскованность, независимость от общественного мнения стали оцениваться выше, чем следование моральным требованиям. Так, о человеке, поведение которого прежде оценивалось бы как «бессовестное» (т. е. без совести), теперь нередко — и с одобрением — стали говорить: человек «без комплексов». Такого агрессивного навязывания индивидуализма, пожалуй, не знал даже индивидуалистический Запад. Там все же были озабочены тем, как обуздать экспансию агрессивного эгоизма. Эту же функцию в СССР выполнял идеологический коллективизм.

Казалось бы, в итоге усилий по перестройке общественного сознания должна была бы восторжествовать неолиберальная идеология (которую, впрочем, Ю. Хабермас называл колониальным дискурсом для развивающихся стран [8, 175, 179—181 и др.], поскольку она способствует миграции всех ресурсов — природных, финансовых, интеллектуальных — из экономически менее развитых стран в «метрополию», как при колониализме). Но нет же, и этого не произошло. А произошло то, что Ю. Хабермас назвал «идиотским отождествлением демократического строя и либерального строя с диким капитализмом» [8, 101]: панэкономизм, наивное упование на то, что рынок сам все расставит по своим местам. Рынок стал новой государственной религией, т. е. и здесь мы имеем дело с инверсией. Зато удалась другая цель — формирование прагматически-гедонистического сознания. Вместо воспитания патриотов, на плечи которых в ближайшее время ляжет основное бремя забот о стране, под видом деидеологизации внедрялись индивидуалистические, потребительские ценности — ценности материального благополучия, телесных удовольствий, комфорта. «Бери от жизни все», призывали реклама и СМИ. Но если удовольствия и комфорт — главное в жизни, то, по логике вещей, человек должен выбирать Запад, а не свою Родину: там сытнее. И выбирают. Когда известного режиссера Ю. Любимова, имевшего несколько гражданств, спросили, где же его Родина, он ответил: «Где хорошо, там и Родина». Так же рассуждают и многие молодые люди нашей страны, для которых жизненной целью стал не труд на благо собственной страны, а обустройство, будь в каком качестве, но на Западе. Такую мораль В. Зомбарт называл торгашеской [5, 21]. Между тем еще Платон писал о том, что государство, ради которого никто не готов хоть чем-то пожертвовать, нежизнеспособно.

Идейный вакуум и ценностная неразбериха в сознании — очень удобная почва для манипулирования. В 1990-е гг. было сделано все, чтобы создать такую почву. Из образовательных программ средней школы и вузов вымывалась та его гуманитарная составляющая, которая способствовала формированию «ценностного ядра» мировоззрения. Дисциплины, формирующие осмысленный, системный взгляд на мир, заменялись практически ориентирующими. Вместо философии, политэкономии, этики, социологии и др. — экономикс, учебники истории по Дж. Соросу, этика семейной жизни, этика деловых отношений и т. п. Трудно поверить, что в такой идеологизированной стране, как наша, это происходило случайно. Тем более что подобное в отечественной истории уже случалось, и не единожды. Так, в 1850 г. министр народного просвещения князь П.А. Ширинский-Шихматов в докладной записке императору Николаю I написал: «Польза от философии весьма сомнительна, а вред очевиден». В том же году указом императора был ликвидирован философский факультет и запрещено преподавание философии.

Современное российское общество крайне разобщено и дезориентировано, а духовно разобщенное общество конфликтно и экономически неэффективно. Высокая степень экономической дифференциации населения, этническая и идейная поляризация подрывают общенациональную солидарность, тормозят социально-экономические преобразования в стране. Созданию общегражданской идеологии препятствует и непатриотичное, стяжательское поведение многих представителей политической и экономической элиты страны. Такое поведение провоцирует, скорее, революционные настроения, чем патриотические и государственнические. Однако никакое государство длительный период времени не может жить без идеологии или с официальной идеологией, не разделяемой большинством граждан. Хаос в ценностно-нормативной сфере, невнятность в формулировке цели движения нашего общества — серьезное препятствие для решения проблем во всех остальных его сферах. Необходимо адекватно оценить исходное социально-политическое состояние страны, состояние общественного сознания ее граждан, использовать весь арсенал обществоведческих идей, весь интеллектуальный потенциал страны для поиска оптимального пути развития нашего общества. Более конкретное содержание общегражданской идеологии — предмет обсуждения этого вопроса профессионалами и общественного договора. «Интеллект, — писал Х. Ортега-и-Гассет, — это самое доступное человеку орудие. Он всегда под рукой. Пока человек верит, он не склонен им пользоваться, потому что интеллектуальное усилие тягостно. Но, впав в сомнения,

человек хватается за интеллект, как за спасательный круг. Прорехи в наших верованиях — вот те бреши, куда вторгаются идеи. Ведь назначение идей состоит в том, чтобы заменить нестабильный, двусмысленный мир на мир, в котором нет двусмысленности. ...Каждому человеку приходится на свой страх и риск управляться с сомнительным, со всем тем, что стоит под вопросом. С этой целью он выстраивает воображаемые миры и проектирует свое в них поведение. Среди этих миров один кажется ему *в идее* наиболее прочным и устойчивым, и человек называет этот мир истиной или правдой» [6, 475—476].

Литература

1. Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. № 2.
2. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла. СПб.: Machina, 2006.
3. Дубко Е.Л. Политическая этика. М.: Академический проект; Трикста, 2005.
4. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010.
5. Зомбарт В. Торгаши и герои: раздумья патриота // Зомбарт В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2005.
6. Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991.
7. Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
8. Хабермас Ю. Расколотивший Запад. М.: Весь мир, 2008.
9. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.
10. Шелер М. Ordo amoris // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.
11. Янкевич В. Прощение // Янкевич В. Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004.
12. Ясперс К. Ницше и христианство. М.: Моск. филос. фонд; «Медиум», 1994.

References

1. Agacci Eh. Chelovek kak predmet filosofii // Voprosy filo-sofii. 1989. № 2.
2. Bad'yu A. Ehtika: Ocherk o soznanii Zla. SPb.: Machina, 2006.
3. Dubko E.L. Politicheskaya ehtika. M.: Akademicheskij proekt; Triksta, 2005.
4. Ziizhek S. O nasilii. M.: Evropa, 2010.

5. *Zombart V. Torgashi i geroi: razdum'ya patriota // Zombart V. Sobr. soch.: V 3 t. T. 2. SPb.: Vladimir Dal', 2005.*
6. *Ortega-i-Gasset H. Idei i verovaniya // Ortega-i-Gasset H. Ehstetika. Filosofiya kul'tura. M.: Iskusstvo, 1991.*
7. *Sen A. Razvitie kak svoboda. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004.*
8. *Habermas Yu. Raskolotyj Zapad. M.: Ves' mir, 2008.*
9. *Sheler M. Formalizm v ehtike i material'naya ehtika cenno-stej // SHeler M. Izbrannye proizvedeniya. M.: Gnozis, 1994.*
10. *Sheler M. Ordo amoris // SHeler M. Izbrannye proizvedeniya. M.: Gnozis, 1994.*
11. *YAnkelevich V. Proshchenie // YAnkelevich V. Ironiya. Proshchenie. M.: Respublika, 2004.*
12. *Yaspers K. Nicshe i hristianstvo. M.: Mosk. filos. fond; «Medium», 1994.*

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

Смысл жизни

Тезисы

Аннотация. Смысл жизни достигается в процессе отношений и структурируется по биологическому, социальному и духовному параметрам. Высший смысл жизни дифференцирован на мужской — познание — и женский — любовь.

Ключевые слова: смысл жизни, познание, любовь, власть, продолжение рода, отношения, деятельность, счастье, горе, стагнация, бессмертие.

Abstract. The meaning of life is achieved in the course of relationship and is structured in accordance with biological, social and spiritual parameters. The ultimate purpose of life is subdivided into male — knowledge and female — love.

Key words: meaning of life, cognition, love, power, procreation, relationships, activity, happiness, sorrow, stagnation, immortality.

УДК 111
ББК 65в

1. Смысл жизни универсален, потому что он представляет собой сущность бытия универсального существа — человека, точнее, философа (носителя сознания, представителя сознательно-психикотелесного (духовно-социально-биологического) антропологического типа, ментального мужчины).

2. В любом мировоззренческом комплексе (философии либо идеологии) категория смысла жизни занимает методологически ключевое место. Даже уклонение от ответа на вопрос о смысле жизни оказывается ответом на него, а именно трансцендентализацией смысла жизни, т. е. актом мистицизма.

3. Человек как единство телесности, вербализованной психики и сознания реализует себя (осуществляет свою деятельность) на трех автономных и иерархически соподчиненных уровнях, от низшего к высшему: биологическом, социальном и духовном.

4. Соответственно этому иерархируются смыслы жизни человека: а) биологический — продолжение рода; б) социальный — власть; в) духовный (высший) — познание (мужской) и любовь (женский).

5. Высший смысл жизни есть счастье, социальный и биологический — необходимые условия его актуализации.

6. Актуализация высшего смысла человеческого существования возможна не за счет низших смыслов, а при условии их полноценной актуализации и вхождения на этом основании в инфраструктуру высшего смысла. Проще говоря, духовное (мужское — познание — и женское — любовь) актуализируется на основе социального и биологического, но не вместо них.

7. Высший смысл жизни обладает максимальной витальной емкостью. Его актуализация представляет собой соблюдение меры соотношения между противоположностями — духовным (познанием и любовью) и его витальной (социально-биологической) инфраструктурой, точнее, поддержание асимптотического доминирования первого над второй.

8. Смысл жизни достигается персонально, и только через персональное освоение смысла жизни он становится общечеловеческим феноменом.

9. Сущность эволюции заключается в эволюции идеального (отражения: движения, изменения, развития, взаимодействия) — высшего компонента универсума. Следовательно, в конечном итоге эволюция есть эволюция идеального. Высшей формой идеального являются отношения, предельной — познание (мышление). Поэтому оно составляет высший смысл жизни высшего существа — человека, точнее, философа.

10. Любовь — высшая (и, как максимум, подвластная женщине) форма психического отражения, а также духовный залог конструктивности отношений и продолжения человеческого рода, поэтому она представляет собой высший смысл жизни женщины. Кроме того, любовь служит необходимым условием осуществления познания — высшего смысла жизни мужчины.

11. Познание есть высшая (и, как максимум, подвластная мужчине, причем исключительно философу) форма отражения, духовный залог выживания (жизнеспособности) людей и поэтому — высший смысл жизни мужчины, а также высший смысл существования человечества.

12. Невозможно познавать (мыслить), не имея непосредственной основы познания — любви. Ведь без нее придется переживать более простые эмоциональные состояния и вступать в более простые отношения, т. е. иметь не самую глубокую насыщенность жизни событиями. Здесь важнее именно глубина, а не многообразие насыщенности человеческой жизни событиями. Без этой глубины не может быть познания. А она обеспечивается любовью.

13. Но и без познания любви не бывает. Для любви познание выступает главным условием ее осуществления.

14. Смысл жизни на всех его стадиях не достигается вне отношений. А высший смысл жизни (счастье) не достигается вне отношений в их типологической полноте и иерархической соотнесенности.

15. Структура отношений (уровни и типы отношений, от высших к низшим): а) высший уровень — отношение к себе, в пределе — самопознание; б) средний уровень — межличностные отношения, их типы: любовь, родственные отношения и дружба; в) низший уровень — общественные отношения, их типы: сословные (классовые, профессиональные и т. п.) и этнические (расовые, национальные и т. п.) отношения.

16. Подавляющее большинство людей являются обывателями (представителями психико-телесного (социально-биологического) антропологического типа, ментальными женщинами) — носителями коллективного бессознательного, а не сознания. Поэтому они не достигают высшего смысла жизни (счастья), а, как максимум, ограничиваются средним и низшим уровнями смысла жизни, т. е. властью и продолжением рода. Но и эти смыслы жизни вследствие отсутствия их вершины оказываются деформированными.

17. Обыватели рассчитывают на разрешение проблемы смысла жизни в автоматическом режиме, в согласии с принципом самоценно-

сти бытия (жизни ради жизни), и, следовательно, за счет мистической инстанции.

18. В рамках самоценного (замкнутого на себе) бытия, или существования ради существования, вопрос о смысле жизни не решается в принципе и переадресовывается мистической инстанции.

19. Самоценное бытие представляет собой существование с целью удовлетворения витальных (психико-телесных) потребностей, в конечном итоге — с целью обретения власти, в пределе — финансово-го могущества.

20. Самоценное бытие актуализируется в формах, находящихся между полюсами гедонизма и аскетизма.

21. Аскетизм — опосредованная форма гедонизма, потому что аскетизм, как и гедонизм, является методом получения удовольствия (наслаждения). Аскетизм предполагает получение удовольствия косвенным путем: через отказ от одних удовольствий ради других, с точки зрения субъекта аскетизма более важных. Косвенное удовольствие обеспечивается верой в отсроченное, естественное либо сверхъестественное, воздаяние.

22. Поскольку полюсами самоценного бытия являются гедонизм и аскетизм и поскольку сущность аскетизма гедонистична, гедонистична также сущность самоценного бытия.

23. Поскольку самоценное бытие не несет в себе смысла жизни, на его отсутствие человеческая психика реагирует страхом смерти, который сублимируется в гедонизм и аскетизм. Тем самым гедонизм и аскетизм оказываются типологическими формами психической защиты от страха смерти, или собственно психической защиты.

24. Экстремальные формы гедонизма и аскетизма жизнеразрушительны. Поэтому обыватели используют гедонизм как ограничитель аскетизма и аскетизм как ограничитель гедонизма. Хотя этот подход не приносит счастья, с его помощью возможно замедлить наступление коллапса антропосферы и существовать в типичном для обывателей стагнационном режиме.

25. Стагнирующее человеческое существование есть существование в режиме горя. Не умея быть счастливыми (достигать смысла жизни), обыватели научились виртуозно терпеть горе.

26. Горе является реакцией человеческой психики на отсутствие смысла жизни, в пределе — на отсутствие высшего смысла жизни (счастья): познания и любви. Горе представляет собой атрибутивную форму проявления страха смерти — самого сильного негативного переживания.

27. Терпеть горе, а не преодолевать его, преобразовывая в счастье, человек способен лишь при условии наличия у него иллюзорной картины действительности. Ее средоточием выступает трансцендентализация смысла жизни, т. е. виртуальное перенесение смысла жизни в якобы существующий потусторонний (загробный) мир.

28. Это отношение к смыслу жизни, к проблеме счастья оборачивается представлением о жизни как о существующей в двух вариантах: временном (посюстороннем) и вечном (потустороннем). Но жизнь у каждого из нас одна, и прожить ее со смыслом означает уметь квалифицированно строить отношения.

29. В рамках мистицизма поднимается проблема бессмертия, или проблема наличия смысла у смысла жизни. Ведь если бы бессмертия не было, хотя бы потенциально, строить смысл жизни (достигать счастья) и даже стремиться к нему не имело бы смысла.

30. Желание бессмертия у человека порождается страхом смерти — реакцией на отсутствие смысла жизни.

31. Бессмертие существует, но не в мистическом, а в реальном варианте. Оно представляет собой бесконечно затухающее изменение, любая стадия которого может быть восстановлена.

32. Бессмертие есть асимптотическое исчезновение, в котором снята (преодолена) бессмысленность мимолетности и вечности.

33. Бессмертие неосуществимо без его материальных носителей. После своей смерти человек: а) физически (вещественно) бесконечно распадается на все более мелкие составляющие; б) биологически (телесно) существует в виде асимптотически исчезающей пищевой базы для других живых существ; в) социально (психически) существует в виде информации о нем в памяти живущих людей, в конечном счете — на нейронах их головного мозга; г) духовно (гносеологически) существует в виде информации о нем в памяти живущих философов, в конечном счете — на нейронах их головного мозга.

34. Чем сложнее уровень бессмертия, тем менее он устойчив. Максимальной (безграничной) устойчивостью обладает физическое (вещественное) бессмертие, минимальной — духовное (гносеологическое). Биологическое (телесное) и социальное (психическое) бессмертия находятся, соответственно, на средневысоком и средненизком уровнях устойчивости.

35. Базисом индивидуального человеческого бессмертия служат те общности, к которым человек принадлежит при жизни: а) материя; б) жизнь; в) человечество; г) философы.

36. Таким образом, залог физического (вещественного) бессмертия — существование материи; залог биологического (телесного) бес-

смертия — существование жизни; залог социального (психического) бессмертия — существование человечества; залог духовного (гносеологического) бессмертия — существование философов.

37. В широком смысле слова физическим бессмертием обладают материальные объекты, биологическим — живые существа, социальным — люди, духовным — философы. В узком, более корректном, смысле слова бессмертием обладают только люди: обыватели и философы.

38. О типах человеческого бессмертия, от низшего к высшему: а) физически (вещественно) человек не исчезает полностью до тех пор, пока существует материя, т. е. никогда; б) биологически (телесно) человек не исчезает полностью до тех пор, пока существует жизнь; в) социально (психически) человек не исчезает полностью до тех пор, пока существует человечество; г) духовно (гносеологически) человек не исчезает полностью до тех пор, пока существуют философы.

А.А. КОЗЛАЧКОВ

О софийной троичности субъекта мышления

Аннотация. Статья представляет опыт целостного познания мышления в софийном контексте С.Н. Булгакова о человеке как идеальной ипостаси мира, с использованием в этом контексте идей термодинамики русского ученого Н.И. Кобозева. Сопоставление этих двух подходов показывает, что феномен мышления не возникает, а лишь проявляется на физическом уровне, а сам по себе суть идеальная субстанция, автономная от человека. Субъект мышления описывается как софийное триединство автономных начал — разума, человека и материи. Структурно-творческое взаимодействие этих трех начал в единой субстанции мышления названо греческим словом — симметохия. Делается вывод о том, что мышление есть субстанция-субъект, определяемая Софией, которая устанавливает телеологию мышлению, Логосу, разуму — поиск целостного человека и справедливого социума, чтобы достойно встретить великую неизвестность самой вездесущей неизвестности..

Ключевые слова: субъект мышления, ипостась мира, грехопадение, сознание.

Abstract. The article presents the experience of integral knowledge of the sophian thinking in the context of S.N. Bulgakov about the person as a perfect hypostasis of the world, using in this context the ideas of thermodynamics of the Russian scientist N.I. Kobozev. The comparison of these two approaches shows that the phenomenon of thinking does not originate, but only manifests itself on a physical level, being by itself the essence of the perfect substance, independent of human control. The subject of thought is described as a sophian trinity of autonomous beginnings such as mind, man and matter. Structural and creative interaction of these three beginnings into a single substance of thinking is called the greek word of simmetohiya. It is concluded that thinking is a substance — subject, defined by the Sophia, which establishes a teleology of thinking, the Logos, mind — the search for the complete human and fair society in order to face the great unknown of the most ubiquitous unknown.

Key words: subject of thought, hypostasis of the world, the fall, consciousness.

УДК 165
ББК 87.223

1. Нематериальность мышления у Кобозева. В 1971 г. вышла книга профессора МГУ имени М.В. Ломоносова, Н.И. Кобозева: «Исследования в области термодинамики процессов информации и мышления». В ней он сделал вывод о том, что суть и организм мышления не могут находиться на атомно-молекулярном уровне, осуществляемом известными науке частицами. Логическая продукция операций мозга полностью лишена энтропии, она неизменна и неистребима, в то время как производящая ее биологическая основа обладает физической энтропией. Мышление основано на соблюдении закона тождества ($A=A$), который предполагает, что в ходе мышления любое понятие должно быть тождественным самому себе, т. е. неизменно, ведь, начав мыслить об одном, закончишь совсем о другом (сойдешь с ума). Открытие Кобозева состояло в том, что он доказал невозможность сохранения в материальной системе результатов мышления, поскольку биохимический аппарат мозга не способен обеспечить их фиксацию, находясь в состоянии постоянного изменения атомов и молекул. Для мышления необходим «подвод отрицательной энтропии», силы, которая нейтрализовывала бы энтропию материальной системы [6, 99, 114—115, 188]. Получалось, что *антиэнтропийное начало, обеспечивающее процесс мышления, является внешним по отношению не только к человеку, но и материи вообще.*

Так, сквозь узоры математических формул ученый увидел Бога. При этом вопрос о природе мышления он зажег заново. Мало того, что мышление оказывалось отдельной онтологической реальностью, совершенно (!) независимой от человека, это еще и обосновывалось не нагромождением умозаключений, что само по себе оспоримо, а естественнонаучно, с чем спорить никак невозможно. С другой же стороны, радикальное отъединение мышления от материи привело к необратимому исчезновению человека как субъекта мышления. И этот факт беспокоил Кобозева: он искал связь между мышлением и материей, элементарную частицу с низкой энтропией («психон»), которая могла обеспечить течение хотя бы до-логических процессов (информационного обмена). Будь она обнаружена, можно было бы говорить об участии в мышлении материальной части человека, но усилия оказались тщетны.

Извечный философский вопрос о мышлении разворачивался совершенно неожиданным образом. Раньше мыслителей преимущественно волновал вопрос: как мыслит человек? а после исследований Кобозева впору было городить частокор других проблем: а связано ли вообще мышление с человеком? кто является субъектом мышления? как осуществляется сам акт мышления? Тогда, в 1970-х гг., научной общественностью эти вопросы поставлены не были, и философское недоумение осталось в наследство нынешнему поколению. Страна активно строила коммунизм, где человек признавался пиковой точкой эволюции материи, а у Кобозева он не дотягивал даже до субъекта мышления. В целом, получалось как-то неловко с партийностью мысли самих классиков ...

2. *Ипостасность человека у Булгакова.* Между тем незадолго (по историческим меркам) до выхода книги Кобозева о. Сергей закончил свое новое целостное богословие, в котором наметил, помимо прочего, учение об ипостасности человека, имеющее к теме потерянного субъекта мышления непосредственное отношение. Его опорные точки таковы.

Премудрость Софии есть природа божества, содержание всех его смыслов, троичное самосознание всех его ипостасей. Однако, так как при определении ипостасей София пользуется Логосом, то незаметно сам Логос стал выступать как божественная мудрость, закрывая собой первичное смысловое содержание Софии [2, 131]⁴.

⁴Момент совпадения Софии и Логоса осмыслил еще Булгаков, а его современные последователи плодотворно развили этот аспект [3, 68—69; 2, 14—19].

Тварная София в материальном бытии отражает смыслы божественной мудрости, упорядочивающей хаос становления, и представляет собой душу мира или идеальную основу творения как средоточие всех смыслов бытия.

Чтобы душа мира могла действовать в творении, ей нужен *действователь*, субъект со свойством сакральной ипостасности. Эта возможность становится действительностью в человеке, которому присущи ипостасные свойства божества и *мира* [3, 91—92]. Мир ипостазирован (субъективирован) для того, чтобы продолжилось его созидание, но уже человеком, а не Всевышним. Идеальные элементы мира, как и косная материя, способны к действию только будучи соединенными в субъекте.

И здесь появляется место для первого тезиса. Дело в том, что отождествление Логоса (логики) и Софии (смыслов) предопределяет вывод о том, что не только мир идей является автономным по отношению к человеку, но и его операционный механизм — *мышление* — *осуществляется независимо от него и является внешними по отношению к нему*. В этом пункте данные Булгакова и Кобозева сошлись. В контексте настоящей статьи единство мышления и смыслов уместно именовать *Софиологосом*.

3. *Два субъекта, подлинный и падший*. Сотворенный мир, по Булгакову, состоит из трех частей: 1) идеальной основы (Софии); 2) материи (праха земного); 3) человека как ипостаси, воплощающей идеальную и материальную составляющие [3, 74—75]. Эта трехчастная топология бытия представляет собой одновременно и топологию субъекта, поскольку человек у Булгакова мыслится, прежде всего, как существо, соответствующее в своем метафизическом достоинстве Софии. Но такой субъект является *отсутствующей реальностью*, существовавшей до грехопадения. Реальные качества субъекта мышления следует искать в падшем мире, а здесь все пропорции субъекта оказываются искаженными.

Грехопадение стало, прежде всего, потерей материей своего божественного ядра, вследствие чего она оказалась обреченной на внебожественное бытие. Материя обрела свою душу вне человека как некий ложный центр, как лже- и анти-София. Булгаков указывает, что, в отрыве от человека природа омрачила свой лик, став пронцаемой для энергий бездны [2, 176—177]. В конечном итоге, анти-София предстает как *внутренняя закономерность материи*, действующая своим произволом.

Человек падший полностью не потерял свой образ Божий, но затемнил его. Душа его стала ареной столкновения, софийных и при-

родных качеств, утратив и софийное, и природное единовластие. София, оставаясь идеальной основой мира, потеряла связь с человеком, оставаясь для него идеалом, удерживая в себе целостность мира.

По внешности человек вроде тот же субъект, что и до падения, но внутреннее его единство распалось на три автономных существования. Впрочем, связи частей «ветхого» субъекта полностью не разрываются, а «почти» закрываются, иначе мы бы не знали о субъектном единстве.

Отсюда вытекает и второй тезис: *реальный субъект мышления представляет собой онтологически разнесенную, онтологически ретро-енную структуру*. Особые связи ее частей обеспечивают процесс мышления.

4. *Основной гносеологический принцип*. Взаимодействие между человеком и Софиологом должно базироваться на каком-то центральном принципе, который определяет смысл и содержание процесса «думания». В «Философии имени» Булгаков выразил его применительно к имяславским спорам, указав, что слово произносит человек, но то, что он говорит, ему *открывается* [4, 186]. Здесь выражен основной гносеологический принцип имяславия (и софиологии), который состоит в том, что человек *обращается* к высшей по отношению к нему инстанции, где хранятся смыслы и законы, и получает ответ на запрос, что и составляет само мышление.

В этом положении легко узнается один из основных догматов Константинопольского собора 1351 г. против варлаамитов, в котором говорится, что в сущности Божией тварь не может участвовать, а в энергиях может [9, 896]. С.Н. Булгаков последовательно применяет в изучении мышления традиции исихазма. Святитель Марк Эфесский писал: «Если этот божественный свет участвует сверх природы и созерцается ...то таким же образом и божественная мудрость, и знание от Него ...и, все благодатные дары находят на достойных сверх природы...» [5, 470]. Обретение знания и мудрости человеком есть процесс сверхприродный (физик Кобозев говорит о нематериальности процесса). Булгаков, кстати, прямо отождествлял Божественную энергию и Софию [1, 141].

Здесь подоспел и третий тезис: *процесс мышления представляет собой обращение онтологически низшей субстанции (человека) к онтологически высшей (Софиологосу) и получение ответа на него*.

5. *Природа связи человека и Софиологоса*. В обыденном плане мышление есть сумма логических операций по обработке знаков, слов, чисел, фигур, букв. Но эти операции, скорее, копируют мышления, которое заявляет о себе лишь при работе со смыслами (Логос плюс

София). Целостное понимание мышления охватывает взаимодействия в нем онтологически разнородных деятелей (Человек плюс София).

В текстах Константинопольского собора (1351) взаимодействия человека с Софиологосом определяется глаголом «участвовать» (συμμετέχουσι) или существительным «участие» (συμμετοχή)⁵. В этом словарном гнезде присутствует также значение «присоединение», которое может быть понято как инициирование мыслительного акта непосредственно человеком. Тут же лежит такой смысл, как «взаимодействие», подчеркивающее возможность двустороннего общения человека и Софиологоса. Наконец, есть у греческого понятия «участие» еще и значение — «вовлечение», понимаемое как погружение человека в стихию актов мышления Софиологоса. Смысл здесь такой: мышление иницирует человек, но только мудрость Софиологоса решает, состоится ли оно.

Таким образом, четвертый тезис говорит, что мышление следует понимать в двух ясно различимых смыслах: 1) как субстанцию логических операций, существующую независимо от человека (Софиологос); 2) как процесс онтологического взаимодействия человека и Софиологоса (симметохию). Именно участие человека посредством мышления в смысловом творчестве Софии (симметохия) делает его полноценным субъектом, носителем ипостасных (сакральных качеств) мира.

б. Точка подобия человека и Софиологоса. Чтобы участие (симметохия) человека в Софии было возможным, они должны быть одной природы, ведь подобное может взаимодействовать только с подобным. Одноприродность не может быть подарена ему самой Софией, поскольку тогда он стал бы ее особой частью (как у Гегеля человек есть часть логики). Булгаков же настойчиво указывает, что сотворение человека и мира есть параллельные процессы. С одной стороны, творится природный мир и человек «из праха земного», а, с другой стороны, Бог «...вдунул в лицо его дыхание жизни» [3, 92—93]. Вот это Божественное — «вдунул» и есть животворение Души человека и создание того органа, который способен на равных взаимодействовать с Софией (Быт. 2:7). Традиционный взгляд православия на человеческую Душу состоит в том, что она тварна, хотя и способна вмещать в себя нетварную Божественную энергию [8, 103]. Получается, что в составе человека есть точка онтологического подобия с Софией, которая и обеспечивает процесс симметохии. (Точку, которую в физическом плане искал, но не нашел физик Кобозев.)

⁵В русской транслитерации — симметехун и симметехи.

Но точкой является не просто Душа человеческая, а ее конкретное проявление, называемое — сознание, которое способно одновременно отражать и внешнюю для человека логику, и данные его собственного опыта, ставя их перед своим внутренним взором, что и обеспечивает с онтологической стороны процесс мышления. Вот философ пишет: гносеологически сознание есть смысловой оригинал, по которому человек отражает мир, самого себя в формах знания [12, 41]. Отсюда вытекает пятая максима: *сознание есть онтологическая точка подобия человека Софиологосу, в которой совмещаются внешняя логика и данные внутреннего опыта, обеспечивая тем самым механизм мышления.*

7. И тут возникает вопрос о *смысле, телеологии мышления.* Если сознание есть особый организм, разменивающий идеальное на реальное, то у этой работы должна быть прикладная цель. А. Лосев отмечает, что материя несет в себе не предусмотренную никаким проектом (эйдосом) случайность его осуществления [10, 310]. В самой материи, вещественности заложена *случайность*, который дает прибавку к замыслу идеи. Посредством случайности падший мир приобретает особое качество, извращающее идеальные замыслы Софиологоса.

По этой причине мир после грехопадения является *непрозрачным* для Софии, из чего вытекает шестой тезис: *в акте мышления Софиологос посредством человека познает непонятную для него периферию мира, устанавливая различие между идеальным замыслом и падшим миром.*

Гегелевское положение о том, что цель абсолютной идеи, реализующейся в историческом процессе, состоит в познании самой себя, надо тактично откорректировать, ибо если абсолют нуждается в самопознании, то он никакой не абсолют. Все встает на свои места, если исходить из того, что цель абсолюта и его представителя по доверенности — Софиологоса, состоит в познании мутировавшего не по его вине бытия.

8. *Новизна в Софии.* Но если в реальности производятся новые смыслы, которых не было в замысле Божьем, то тогда Бог не является всеведущим, всемогущим существом. Он может изменяться, а значит, — не совсем быть Богом. Булгаков, посвятивший этому вопросу немало времени, пришел к выводу, что конечная цель движения предзадана и необходима — преображение мира и обожение человека, но вот пути к этой цели человек волен выбирать, создавать сам, в историческом творчестве [3, 258]. Поэтому познание Софиологосом новизны мира не противоречит идее Бога как всесовершенного и всезнающего существа, а, напротив, примиряет ее со свободной волей чело-

века. Как показал Кантор⁶, один и тот же объект (множество) имеет бесконечное содержание. И вот за это содержание исторического процесса, а значит — грядущего Преображения, и борется София. Ну, малость и человек, конечно...

9. *Роль человека в мышлении.* У процесса ипостазирования (субъективирования) мира человеком есть и процессуальный аспект. Теоретические основы перекачивания материального в идеальное определил Кобозев, указав, что информация как особого рода явление лежит между двумя законами: в виде физического сигнала она примыкает к закону энтропии, а как точно кодируемое сообщение подчиняется логическому закону тождества [6, 4]. Это означает, что информация представляет собой то общее, что присуще одновременно и мышлению, и материи, т. е. она играет *роль онтологического посредника между мышлением и его объектом, который позволяет сознанию переводить в акте мышления материальные формы в идеальные.*

Теперь становится понятным функционирование механизма идеализации (оцифровки) мышлением материи. Человек посредством чувств фиксирует информацию и усваивает ее. Но информация не просто отражает осуществленную идею, но и фиксирует ту прибавку, которая возникает благодаря действию случайности. В сознании формируется образ предмета.

Предмет, существующий в форме информации, становится доступным Софиологосу, поскольку пребывает с ним в одной онтологической форме идеального. Таким образом, результат сознательной деятельности человека всегда (!) принадлежит Софии, а не только людям.

10. *Роль теневой Софии в мышлении.* По мнению Булгакова, основной чертой, которую приобрела падшая материя, стала ее «проницаемость для энергий ничто», а там, где появляется ничто, надо призывать специалиста по энтропии. Кобозев пришел к выводу, что если брать материю изолированно от деятельности человека (без подвода отрицательной энтропии), то мысль в материальной системе в каждый последующий момент будет неравной самой себе в силу действия энтропии. Материя стремится к уничтожению, пределом ее развития является абсолютное ничто, т. е. возврат к до-онтологическому, до-творному состоянию. В этом и состоит логика материи, она есть автомат, запрограммированный на самоуничтожение.

В отличие от подлинной Софии, для связи с которой необходимо волевое усилие человека, теневая София действует инициативно.

⁶Георг Кантор — немецкий математик, создатель теории множеств.

Архетип отношения между душой и телом заключен в библейском мифе о змие-искусителе. Агрессия змия к целостному человеку заканчивается его победой и торжеством материи над духом. Это и есть принцип участия теневой Софии в мышлении, который можно назвать *соматическая экспансия (атака)*. Механизм этого явления состоит, по-видимому, в искажении информации, через воздействие на физический сигнал, посредством которого она передается. В сознании возникают трудности с обработкой образов, поисками связей между ними, и, в конечном итоге, с погружением их в мыслительный конвейер Софии. Соматическая атака укрепляет границу между миром идеальным и материальным, заставляя сознание в мерцающем режиме «пробиваться» к Софиологосу.

Восьмой тезис в связи с этим будет выглядеть так: *сознание человека, непрерывно подвергается соматической атаке, которая всегда оказывает влияние на результат мышления.*

11. Роль Софиологоса в мышлении. Процесс, происходящий внутри мыслительного комбайна, Кобозев видел так: «...отрицательная энтропия компенсирует положительно-энтропийные действия мозга и, таким образом, позволяет совершать сознанию вполне упорядоченные действия» [6, 188]. Это означает, что София дает человеку ресурсы логики и смыслов.

Индивидуум мыслит в форме решения логической задачи, две разновидности которой и были описаны ученым: 1) задача, для решения которой хватает отобранного материала; 2) задача, для решения которой материала недостаточно. В первом случае сознание, действуя ресурс безэнтропийной логики, формирует ответ на поставленный вопрос. А вот во втором все происходит сложнее и интереснее.

Кобозев назвал этот класс задач — формально логически нерешаемые задачи. Типичный пример — открытие Д. Менделеевым периодической системы элементов на основе гипотезы об универсальности соответствия между атомным весом и химическими свойствами элементов. Идея не вытекала из наличных сведений, собранных для решения задачи, она возникла «сама собой» и «неизвестно откуда» и только после опытной проверки превратилась в однозначное знание. Ученый приводит ряд выдающихся имен известных тем, что они «получили ответы»: М. Планк, Л. де-Бройль, В. Нернст, Н. Бор, А. Эйнштейн (и другие), указывая при этом, что не случайно в естествознании обычно говорят не о решении научной задачи, а о сделанном открытии, подчеркивая момент получения знания «из ниоткуда» [6, 140—141].

Отсюда следует восьмой тезис: *Софиологос осуществляет логические операции по заданию человека, а также предоставляет ему знание непосредственно, минуя логику.*

Вместе с тем не редки ситуации, когда причинно-следственная связь между «запросом» человека и «ответом» Софиологоса разрывается. Например, ответа может не быть вовсе, тогда в учебниках указывают: «...наука до сих пор не знает ответа». Или, полученный ответ никак не приспособливается к научному направлению, из которого вырос, тогда в справочниках пишут: «...идея, далеко опередившая свое время».

Говоря строго, причинная связь сохраняется, но известна она только Софии, только она понимает смысл мутации, которую добывает человек из падшего мира, и то, как ее использовать. Индивидуум в акте мышления разыгрывается Софией «в темную», что и отметил Гегель в понятии «хитрость разума».

12. Результат мышления как линия фронта. Итак, мышление представляет собой не линейный разворот логической программы, а результат взаимодействия трех факторов: 1) Софии; 2) индивидуального сознания; 3) теневой Софии. Вопросание человека к Софии, как и ответ на него, всегда оказывается под ударом материи (сомы) и, следовательно, результат мышления оказывается опороченным. Это и есть девятый тезис: *результат мышления не есть ответ на логическую задачу, а линия фронта, сформировавшаяся в результате ожесточенных боев в сознании человека, между Софией и ее тенью.* В этом бою противники не смогли выполнить собственные планы, а только помешали друг другу в их исполнении. Эта борьба обосновывает ход истории как процесс одновременно поляризации и сил добра и сил зла, на который без подробностей несколько раз указывал Булгаков⁷.

13. Топология субъекта и его природа. Итак, единого субъекта мышления не существует, все три субстанции, участвующие в процессе мышления, могут существовать независимо друг от друга, но акт мышления полного цикла от изъятия информации из материи до возврата нового знания обратно человеку может быть только их совместным действием. Здесь возникает десятый тезис: *чтобы акт мышления состоялся, все три части, его обеспечивающие, должны действовать неслиянно, но и нераздельно.*

⁷Автору уже приходилось обсуждать эту тему в настоящем журнале [7, 81].

И сразу, чтобы сознание, изучающее мышление, не успело опомниться, одиннадцатый тезис: *субъект мышления возникает непосредственно в акте мышления и оказывается, прежде всего, процессуальным, а не онтологическим единством.*

14. Цели Софиологоса. Софиологос сам по себе является независимой ни от кого субстанцией мышления, следовательно, и цель он должен иметь автономную. Мир был сотворен для того, чтобы силою любви привести всякую тварь к Богу. После грехопадения он потерпел ущерб, прежде всего, в своей человеческой ипостаси, человек как родовое существо лишился онтологического единства и разбился на миллиарды зеркальных отражений, т. е. *грешное человечество утратило единство сознания.*

Части процессуального субъекта находятся в неравноправных условиях с точки зрения логической иерархии. Софиологос выступает как единое целое, но ему противостоят тьмы индивидуальных сознаний, через которых он вынужден налаживать мыслительное взаимодействие. Масса человеческих индивидуальностей компенсирует отсутствие единства сознания способностью тысячелетиями накапливать знания, делая их общим достоянием, т. е. воссоздавая утраченную целостность.

Поэтому двенадцатый тезис говорит: *главной целью Софиологоса является воссоздание единства мира, где основным инструментом выступает собирание целостного моносознания, которое порождает целостного человека.* Процесс мышления Софии, понятий таким образом, и есть *цель истории.*

В акте мышления, разворачивающемся в истории, София не только определяет способы удержания мира от распада, но и пути восстановления единства мира и воссоздания его наново. Поэтому новизна знаний о мире, добываемая человеком, есть поиск форм и методов строительства Дома Софии. Человек — деятельный участник этого процесса, поскольку формы, воссоздания Софией целостного человека (единой ипостаси) суть *социальные формы организации общества.*

15. Заключение. Таким образом, подводя итог, следует указать, что человек способен стать субъектом, достичь ипостасного достоинства, о котором говорил Булгаков, только как воссозданное целостное существо. Этот момент в христианстве называется преображением мира и связан как с торжеством зла, так и с триумфом добра. С учетом процесса поляризации мира это произойдет одновременно, Новый Иерусалим созиждется одновременно с Новым Вавилоном, который вновь может повторить вселенскую катастрофу. Выход — искать мир Иной в Премудрости Софии, преодолевающей тиранию монолектики,

военную диктатуру диалектики, жертвенную триалектику и открывающей живое пространство полилектики.

Литература

1. Братство Святой Софии. Материалы и документы. 1923—1939. М.; Париж: Русский путь; YMCA PRESS, 2000.
2. Булгаков С.Н. Агнец Божий. Париж: YMCA PRESS, 1933.
3. Булгаков С.Н. Невеста Агнца. М., 2005.
4. Булгаков С.Н. Философия имени. Париж: YMCA PRESS, 1953.
5. Византийские исихастские тексты. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012.
6. Кобозев Н.И. Исследования в области термодинамики процессов информации и мышления. М.: Изд-во МГУ, 1971.
7. Козлачков А.А. «Гретье общение» в софиологии С.Н. Булгакова // Философия хозяйства. 2015. № 2.
8. Коржевский В. Отблеск сущего. Православное учение о человеке. Тюмень: Русская неделя, 2013.
9. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993.
10. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия, 1993.
11. Шулевский Н.Б. Логос, София, Россия // Философия хозяйства. 2014. № 6.
12. Шулевский Н.Б. Сознание — смысловое оружие вечности. // Философия хозяйства. 2015. № 5.
13. Шулевский Н.Б. Софиасофия — современное бытие спасения // Философия хозяйства. 2015. № 6.

References

1. Bratstvo Svjatoj Sofii. Materialy i dokumenty. 1923—1939. M.; Parizh: Russkij put'. YMCA PRESS, 2000.
2. Bulgakov S.N. Agnec Bozhij. Paris: YMCA PRESS, 1933.
3. Bulgakov S.N. Nevesta Agnca. M., 2005.
4. Bulgakov S.N. Filosofija imeni. Paris: YMCA PRESS, 1953.
5. Vizantijskie isihastskie teksty. M., Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2012.
6. Kobozev N.I. Issledovanija v oblasti termodinamiki processov informacii i myshlenija. M.: Izd-vo MGU, 1971.

7. *Kozlachkov A.A.* «Tret'e obshhenie» v sofiologii S.N. Bulgakova // *Filosofija hozjajstva*. 2015. № 2.
8. *Korzhevskij V.* Otblesk sushhego. Pravoslavnoe uchenie o che-loveke. Tjumen'. Russkaja nedelja, 2013.
9. *Losev A.F.* Oчерки antichnogo simvolizma i mifologii. M., Mys-l', 1993.
10. *Losev A.F., Taho-Godi A.A.* Platon. Aristotel'. M.: Mol. Gvardija, 1993.
11. *Shulevskij N.B.* Logos, Sofija, Rossija // *Filosofija hozjajstva*. 2014. № 6.
12. *Shulevskij N.B.* Soznanie — smyslovoe oruzhie vechnosti. // *Filosofija hozjajstva*. 2015. № 5.
13. *Shulevskij N.B.* Sofiasofija — sovremennoe bytie spasenija // *Filosofija hozjajstva*. 2015. № 6.

М.Е. БОЙКО

**Проблема оправдания боли (алгодицеи)
в интерпретациях П. Слотердайка и С.Л. Франка**

Аннотация. Анализируется тезис П. Слотердайка о том, что проблема оправдания боли (алгодицеи) заступает на место традиционной проблемы оправдания Бога (теодицеи). Проводится параллель с воззрениями С.Л. Франка, предложившего оригинальную алгодицею и доказательство принципиальной невозможности теодицеи. Оценивается значение идей С.Л. Франка для философии боли и понимания актуальных трансформаций современного общества.

Ключевые слова: боль, гедонизм, модальность, страдание, теодицея, философия боли.

Abstract. It is an analysis of P. Sloterdijk's thesis that the problem of vindication of pain (algodicy) takes the place of the traditional problem of vindication of God (theodicy). A parallel is drawn with the views of S. L. Frank who suggested the original algodicy and a proof of the principal improbability of theodicy. The significance of Frank's ideas for philosophy of suffering and for understanding of the topical transformations of modern society is given.

Key words: pain, hedonism, modality, suffering, theodicy, philosophy of pain.

УДК 130.2
ББК 87.6

Исторически проблема оправдания боли (алгодицеи) возникает в контексте христианского богословия как подзадача более масштабной задачи — теодицеи, а именно рационального согласования догмата о всемогущем и благом Творце с констатацией существования в мире ужасающего количества зла. Поскольку словом «зло» обозначается довольно широкий и неоднородный объем явлений, то всякая теодицея подразумевает решения ряда частных подзадач — «оправдание» Творца за существование отдельных разновидностей зла. Таким образом, всякая теодицея подразумевает более или менее детализированную типологию зла.

Произведенный нами анализ конкретных теодицей показывает, что большинство авторов опирается на типологию зла, имплицитно присутствующую в европейских языках. Эту лингвистическую типологию зла можно формализовать с помощью концепции четырех основных модальностей (см., напр., [3] и другие сочинения А.-Ж. Грей-маса). Тогда можно выделить четыре разновидности зла и четыре соответствующие им подзадачи: а) аксиологическое зло, или физическое зло (боль, страдание); б) деонтическое зло, или моральное зло (грех); в) эпистемическое зло (ложь, заблуждение); г) алетическое зло (рок, фатум).

Наиболее просто в христианском богословии разрешается подзадача г). Согласно догмату о свободной воле человека, алетическое зло не существует (иная ситуация была в античной философии, в которой проблема рока/фатума была одной из центральных). Деонтическое и эпистемическое зло, согласно большинству теодицей, искупаются покаянием и смирением. Настоящую проблему для христианского богословия представляет подзадача а) — «оправдание» физического зла, т. е. боли и страдания. Как таковая она заслуживает отдельного наименования, которое можно образовать с помощью греческого корня «алго-» (от гр. *άλγος* — боль) по аналогии с термином «теодицея» — *алгодицея*.

Заметим, что слова с корнем «алго-» встречаются довольно часто: аллогенез, алголагния, алгология, альгоменорея, анальгин, баралгин, гастралгия, гипералгезия, гипоалгезия, каузалгия, невралгия, ностальгия и др. Недостаток этого ряда — нерегулярность в употреблении мягкого знака.

В русском языке термин «алгодицея» встречается также в написании с мягким знаком — в переводе трактата П. Слотердайка «Кри-

тика цинического разума» [10] и в работах отечественного разработчика «экзистенциальной алгодицеи» В.Л. Лехциера [5; 6]. Нам мягкий знак кажется излишним и неудобным по двум соображениям. Во-первых, в медицине есть устоявшийся термин для обозначения исследований в области боли и механизмов ноцицепции — алгология (без мягкого знака). Во-вторых, в биологии есть термин «альгология» (от лат. *alga* — морская трава, водоросль) для обозначения раздела, изучающего водоросли. Унификация терминологии требует написания термина «алгодицея» без мягкого знака (иначе можно подумать, что речь идет об «оправдании» существования на Земле водорослей), и именно такого написания мы будем придерживаться (см. также [1, 91—97]).

Термин «алгодицея» (в любом из вариантов написания) пока не вошел в широкое употребление, хотя сочинений в этом поджанре достаточно, и, пожалуй, самое известное из них — «Pain» К.С. Льюиса [7, 125—184] (название трактата в русскоязычном издании переведено как «Страдание», хотя правильнее было бы «Боль»).

В вышедшем в 1983 г. трактате «Критика цинического разума» (русский перевод — [10]) П. Слотердаик определяет алгодицею (альгодицею) как «смыслозадающую, метафизическую интерпретацию боли» и выдвигает примечательный тезис: «В эпоху модерна она заступает на место теодицеи — как ее оборотная сторона. Главный вопрос теодицеи был таким: “Как соединимы с существованием Бога зло, боль, страдание и несправедливость?” Теперь вопрос звучит следующим образом: “Если нет никакого Бога и никакой высшей смысловой связи, то как мы вообще еще способны выносить боль?” Тотчас же обнаруживается, что политика выступает в качестве эрзац-теологии» [10, 575]. По его мнению, одна из самых сильных сторон радикальных политических учений — это предлагаемые ими простые, хотя и цинические в своей основе, алгодицеи. Эти вырвавшиеся из богословского контекста, получившие светскую интерпретацию алгодицеи превратились в мощный инструмент манипулирования массами, одну из идеологических опор тоталитарных режимов настоящего и прошлого (П. Слотердаик анализирует в этой связи Третий рейх).

П. Слотердаик настаивает на светской интерпретации алгодицеи, но интересно, что задолго до него к тезису о невозможности теодицеи и ключевом значении алгодицеи в контексте христианского богословия пришел русский мыслитель С.Л. Франк, причем в некоторых аспектах его интерпретация отличается большей глубиной.

Во-первых, Франк доказывает, что проблема существования в мире зла логически независима от вопроса о существовании Творца

[12, 755]. Мы опустим это доказательство, тем более что позднее в рамках аналитической философии А. Плантингой было предложено более детализированное и проделанное с меньшим количеством допущений доказательство того же тезиса [9, 74—112].

Во-вторых, а это необычно для религиозного мыслителя, Франк утверждает, что «<...> проблема теодицеи рационально безусловно неразрешима. И притом эта неразрешимость не есть только фактическая неразрешимость, т. е. не обусловлена слабостью нашей познавательной способности, а есть принципиальная, сущностно-необходимая неразрешимость, могущая быть с очевидностью доказанной или усмотренной, — вроде того, как математически доказана невозможность, напр., квадратуры круга» [12, 756].

Вот это доказательство вполне оригинально, и, учитывая особенности стиля Франка, — почти полное отсутствие избыточности и риторических изысков, мы позволим себе привести соответствующий фрагмент целиком:

«Согласно известной французской поговорке, “все понять — значит все простить”. Следовало бы сказать еще сильнее: “все понять” — значило бы *все оправдать*. Всякое “решение” проблемы теодицеи есть, таким образом, сознательно или бессознательно *отрицание* зла как зла — неосуществимая и неправомерная попытка воспринять или понять зло как “добро”, мнимо увидеть “*смысл*” того, самое существо чего есть *бессмысленность*. Зло именно в качестве того, что *неправомерно*, тем самым по своему существу, напротив, *лишено основания*; в качестве недолжного оно есть реальность, которой *нет места* во всеединстве бытия, — некая реальность, не входящая в состав *истинно сущего*. Единственно правомерная установка в отношении зла есть — *отвергать, устранять* его, а никак не “объяснять” и тем самым узаконять и “*оправдывать*” его (в буквальном смысле этого слова, т. е. “выводить из правды” или “облекать в правду”). Поэтому не может быть вообще речи о “*разрешении*” проблемы теодицеи, т. е. *об устранении проблематичности зла*» [12, 757—758]. Таким образом, самая попытка построения теодицеи «не только логически, но и морально и духовно недопустима» [12, 769].

Мы полагаем, что Франк неспроста вспоминает о математических доказательствах невозможности, например, квадратуры круга — предложенное им доказательство напоминает теорему Гёделя о неполноте. Цитированный нами трактат Франка «Непостижимое» был опубликован в 1939 г., когда уже широко обсуждалось опубликованное в 1931 г. доказательство К. Гёделя. Как известно, теорема Гёделя гласит, что «в любой формальной системе, которая непротиворечива и

достаточно богата для использования в математических целях, можно конструктивно найти элементарное утверждение, которое является ни доказуемым, ни формально опровержимым» [4, 149]. Гёдель конструирует недоказуемое, но истинное утверждение с помощью языка, присутствующего некоторой формальной системе, — этот язык именуется *язык-объект*. А само доказательство строится в рамках логически более сильной формальной системы с помощью более богатого языка, называемого *метаязыком* [4, 61]. Оказывается, можно сконструировать утверждение, истинность которого легко доказывается средствами метаязыка, но которое принципиально недоказуемо средствами языка-объекта.

Эпистемология, развиваемая Франком, является двухуровневой. Первый уровень называется «рациональным» и рассмотрение на нем ведется средствами обычной классической логики. А второй уровень, который Франк называет «трансрациональным», подразумевает некоторую непостижимую для человека «транслогику». Эти два уровня в эпистемологии Франка играют такую же роль как язык-объект и метаязык в доказательстве Гёделя. Истинность тезиса, что Бог не несет никакой ответственности за зло и не нуждается в «оправдании», легко усматривается на трансрациональном уровне, но средствами обычного рационального мышления этот тезис не может быть ни доказан, ни опровергнут. Теодицея принципиально невозможна, но возможно усмотрение «трансрационального основания ее рациональной неразрешимости» [12, 783].

Третий важный для нас момент учения Франка созвучен более позднему тезису П. Слотердайка: хотя задача теодицеи принципиально неразрешима, иначе обстоит дело с ее подзадачей — алгодицей: «Если страдание не имеет никакого *смысла*, никакого *оправдания* — а в отличие от морального зла страдание *допускает по крайней мере возможность искать его смысла*, — то все наше бытие все же остается бессмысленным, даже несмотря на самоочевидность его божественной первоосновы» [12, 783]. И вновь Франк совершенно оригинален — он отвергает все традиционные христианские алгодицеи (в рамках теодицеи), включая самые известные — августиновскую и иринеевскую (см. их обзор, например, в [15]):

«Правда, обычный простой способ “объяснить” возникновение зла из человеческой “свободы”, из данной человеку способности “выбирать” между добром и злом есть объяснение совершенно мнимое. Прежде всего, само бытие зла как такового, которое должно быть этим “объяснено”, при этом молчаливо уже предполагается. Далее, этим объяснением искажается фактический состав опыта “впадения во зло”:

зло никогда не “выбирается” свободно, — напротив, нас непроизвольно тянет, влечет или гонит к нему; поскольку зло нас “привлекает”, в этом самом акте влечения ко злу мы уже теряем нашу свободу; подлинно “свободно” мы стремимся только к добру, ибо оно одно, совпадая в глубине реальности с бытием, образует подлинную внутреннюю основу нашего бытия» [12, 771].

Почему алгодицея возможна? Потому что боль и страдания (физическое зло) не есть чистое зло, а имеют (в отличие от греха, т. е. морального зла) некоторое положительное содержание:

«Но уже тот факт, что страдание — вопреки всем столь явно софистическим и неубедительным попыткам описать его как чистое “умаление” — есть нечто, имеющее *положительное содержание*, — что боль есть не “малое удовольствие”, а большая реальная *мука* — уже этот факт должен был бы заставить нас призадуматься. Страдание не есть, подобно моральному злу, призрак, сущая иллюзия, реальность как обман — страдание есть подлинная, хотя и тягостная, *реальность*» [12, 784].

И далее: «страдание, возникая из зла, разделяет со злом его безосновность и неосмысленность и в этом смысле само есть зло, которое никогда не может быть так “объяснено”, чтобы этим быть оправдано. Но, содержа в самом себе стремление преодолеть себя, страдание есть вместе с тем *движение возврата к реальности* и в этом смысле уже есть подлинная реальность или благо, а не зло. Момент безнадежной, бессмысленной мучительности — мучительности, доводящей до отчаяния, — лежит не в самом страдании как таковом, а в том волнении, отвращении, противоборстве, с которым мы его испытываем, — т. е. в стремлении избавиться от него как бы внешним механическим способом, просто *уничтожить* его — предать его чистому, абсолютно разделяющему и уничтожающему “*не*” или “*нет*”. Чистое же существо страдания открывается нам в той форме его преодоления, которая заключается в духовном *приятии* или *претерпевании* страдания — в нашей способности *выстрадать* и *перестрадать* страдание» [12, 785] (обратим внимание также на параллельное место из более раннего трактата Франка «Реальность и человек» [11, 429]).

Итак, согласно вышесказанному, П. Слотердаик позднее был прав, отбрасывая проблему теодицеи и выдвигая на первый план проблему алгодицеи, но к такому же выводу можно было прийти и без «критики цинического разума» — в контексте христианской мысли.

Несмотря на различия в интерпретациях, оба — и русский и немецкий мыслители — правы в том, что проблема алгодицеи приобретает ключевое значение для современного периода, но оба, мы пола-

гаем, обошли самую главную причину этого. Мы усматриваем ее в том, что определяющей чертой сначала западной, а теперь и мировой цивилизации (глубоко «вестернизированной») является ориентация на гедонистические ценности. Неслучайно Э. Фромм определил важнейший психологический принцип, лежащий в основе современной цивилизации, как «радикальный гедонизм»: «Высшей целью жизни является счастье (то есть максимум радостных эмоций), счастье определяется формулой: удовлетворение всех желаний и субъективных потребностей (это и есть *радикальный гедонизм*)» [13, 217]. Сегодня этот принцип играет доминирующую роль, является, по сути, основным отличительным признаком мировой («глобальной») цивилизации. Радикальный гедонизм — это не просто тренд, это, если использовать термин Д. Нейсбита [8], «мегатренд», пронизывающий насквозь всю современную жизнь. Он имплицитно коренится в основании почти всех мотивов современного человека и проявляется в безудержном стремлении к комфорту, эйфории потребления, доминировании непосредственно ощутимых, «неопосредованных» чувственных удовольствий как главной ценности.

Именно поэтому боль выдвигается на первый план как фундаментальный экзистенциал человеческого существования, принципиально не ассимилируемый, не «приручаемый», не «усваиваемый» радикальным гедонизмом. Примечательно, что чем больше утверждается радикальный гедонизм и чем сильнее его гегемония, тем большее значение приобретает единственный феномен, в корне с ним не совместимый, — боль и страдание, а параллельно и противостоящие мегатренду микротренды (это пока микротренды, а в перспективе их значение может резко вырасти). Примером может служить субкультура BDSM, взлет популярности и своеобразная «реабилитация» которой как субститута аскетической практики наблюдаются в современной культуре. Мы видим, как перенесенные страдания, боль и психологические травмы тщательно фиксируются, сохраняются, аккумулируются в исторической памяти, проявляют себя в комплексах «исторической вины» и «исторической вражды», выливаются в социальные и национальные конфликты по всему миру [2]. На примере конфликта в Сирии мы лишним раз убеждаемся, что тенденциозные алгодицеи являются мощнейшим инструментом воздействия на массовое сознание.

Боль невозможно полностью вытеснить из человеческой жизни, как бы не «анестезировалась» последняя, — это несовместимо с фундаментальным значением боли для формирования человеком образа внешнего мира и собственной личности. Чем больше «изгоняется» боль из человеческого существования, тем яростнее, концентрирован-

нее, подспудное и неуправляемое становятся ее вспышки и вторжения в жизнь гедонистических «потребителей жизни». Доминирование чувственного удовольствия как высшей ценности превращает боль в основную конкурирующую, альтернативную ценность, а это связано с распространением садомазохистских практик и патологических эксцессов, ростом насилия, назреванием социальных конфликтов, угрозой нравственному здоровью отдельных личностей и общества в целом.

Несомненно, что для профилактики всех этих угроз необходимы философское переосмысление роли боли в жизни человека и общества, глубокое и всестороннее изучение психологической и социальной роли боли. Поэтому важно противопоставить радикальным спекуляциям на тему болеоправдания взвешенные философские алгодицеи, особое место среди которых занимает наиболее оригинальная и актуальная из них, разработанная С.Л. Франком. Не следует путать ее с расхожим поверхностным мифом о «русском мазохизме» (хотя в этом мифе есть глубинное ядро, ускользающее от западных исследователей). Впрочем, и здесь есть положительные изменения, и вот уже видный интерпретатор философии Франка признает: «Рассуждая в духе Франка, следует заметить, что “свободное” принятие страдания не имеет ничего общего с желанием страдать. Также свободное переживание страдания мало похоже на пассивное примирение с ним. Не подлежит сомнению, что претерпевающее принятие собственного страдания сопряжено с борьбой против боли и страдания» [14, 255]. Возможно, что Россия и русская культура — это не просто непоколебимый заповедник архаичной философии боли, но своеобразный форпост для противостояния мегатренду радикального гедонизма.

Литература

1. *Бойко М.Е.* Боль: Введение в алгософию. Tractatus algosophicus: Монография. М.: Летний сад, 2016.
2. *Бойко М.Е.* Алгоэкономика и субстанциальная теория боли в XX в. // *Философия хозяйства*. 2016. № 3.
3. *Греймас А.-Ж., Фонтань Ж.* Семиотика страстей. М.: ЛКИ, 2010.
4. *Карри Х.* Основания математической логики. М.: Мир, 1969.
5. *Лехциер В.Л.* Боль и переходность: набросок экзистенциальной алгодицеи // *Мир философии — мир человека: приложение к журналу «Философские науки»: сб. ст.* М.: Гуманитарий, 2007.

6. *Лехциер В.Л.* Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. Самара: Самарский университет, 2007.
7. *Льюис К.С.* Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты. М.: Республика, 1992.
8. *Нейсбит Д.* Мегатренды. М.: АСТ; Ермак, 2003.
9. *Плантинга А.* Аналитический теист. М.: Языки славянской культуры, 2014.
10. *Слотердаjk П.* Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ, 2009.
11. *Франк С.Л.* Реальность и человек. М.: Республика, 1997.
12. *Франк С.Л.* Сочинения. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.
13. *Фромм Э.* Забытый язык. Иметь или быть? М.: АСТ, 2009.
14. *Элен П.* Франк: Философ христианского гуманизма. М.: Идея-Пресс, 2012.
15. *Hick J.* Evil and the God of Love. 2nd edition. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2010.

References

1. *Bojko M.E.* Bol': Vvedenie v algosofiju. Tractatus algosophicus: Monografija. M.: Letnij sad, 2016.
2. *Bojko M.E.* Algojekonomija i substancial'naja teorija boli v XX v. // *Filosofija hozjajstva*. 2016. № 3.
3. *Grejmas A.-Zh., Fontanij Zh.* Semiotika strastej. M.: LKI, 2010.
4. *Karri H.* Osnovanija matematicheskoj logiki. M.: Mir, 1969.
5. *Lehcier V.L.* Bol' i perehodnost': nabrosok jekzistencial'noj al'godicej // *Mir filosofii — mir cheloveka: prilozhenie k zhurnalu «Filosofskie nauki»*: sb. st. M.: Gumanitarij, 2007.
6. *Lehcier V.L.* Fenomenologija «pere»: vvedenie v jekzistencial'nuju analitiku perehodnosti. Samara: Samarskij universitet, 2007.
7. *Nejsbit D.* Megatrendy. M.: AST; Ermak, 2003.
8. *Plantinga A.* Analiticheskij teist. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014.
9. *Sloterdajk P.* Kritika cinicheskogo razuma. Ekaterinburg: U-Faktorija, M.: AST, 2009.
10. *Frank S.L.* Real'nost' i chelovek. M.: Respublika, 1997.
11. *Frank S.L.* Sochinenija. Mn.: Harvest, M.: AST, 2000.
12. *Fromm Je.* Zabytyj jazyk. Imet' ili byt'? M.: AST, 2009.
13. *Jelen P.* Frank: Filosof hristianskogo gumanizma. M.: Ideja-Press, 2012.

А.Р. ГЕВОРКЯН

Нацеленность метафизики на проблему Абсолюта

Аннотация. Статья показывает неизбежность возрождения метафизики как философской дисциплины. Отказ от метафизики ведет к упадку философии, превращению ее в абстрактные спекулятивные построения. Это не позволяет современной философии стать действенной силой по преобразованию мира. Поскольку предметом метафизики является Абсолют, между метафизикой и религией существует неразрывная связь. Возрождение метафизики в настоящее время возможно на основе гегелевского идеализма и русской религиозной философии. Новая метафизика должна быть проективным мышлением, так как в проекте объединяются идеальное и реальное. Основными задачами развития метафизической мысли является преодоление разрыва между теорией и практикой и трансформация идей в преобразовательную силу.

Ключевые слова: метафизика, проективное мышление, Абсолют, идеализм, религиозная философия, гегельянство, марксизм.

Abstract. The article shows the inevitable rebirth of metaphysics as a philosophical discipline. Rejection of metaphysics leads to the decline of philosophy, its transformation into abstract speculative discourse. Therefore, modern philosophy can not become a driving force for the transformation of the world. Since the subject of metaphysics is the Absolute, there is an intrinsic relationship between metaphysics and religion. The rebirth of metaphysics is now possible on the basis of Hegel's idealism and Russian religious philosophy. The new metaphysics must be a projective thought since the project connects the ideal and reality. The main task of the development of metaphysical thought is bridging the gap between theory and practice and the conversion of ideas into transformative power.

Key words: metaphysics, projective thought, Absolute, idealism, religious philosophy, hegelianism, marxism

УДК 111
ББК 65в

Заданность проблемы метафизики в природе духа, ее неразрывная связь с Абсолютом делают метафизику в своей глубинной основе недоступной для воинствующих поползновений позитивизма и мате-

риализма, включая сюда и самую глубокую в теоретическом отношении разновидность материализма — марксизм. Нельзя не согласиться с А.А. Доброхотовым, что «среди культурных итогов XX века можно обнаружить и такой, как реабилитация метафизики в качестве способа мышления, совместимого с аксиологией современной науки и вполне respectable в контексте “высокой” культуры. Это произошло после нескольких веков сосредоточенных попыток Просвещения и его союзников вытеснить метафизику из рационалистического “истеблишмента” и поместить ее в один ряд с такими плодами старорежимного мракобесия, как “схоластика”, “мистика”, “бесплодные абстракции”, “софистика” и т. п. Сегодня даже аналитическая традиция философии XX века, которая во многом сформировалась именно в бескомпромиссных боях с метафизикой, признала ее более или менее легитимным методом решения ряда семантических задач высокого уровня обобщения. Таким образом, нас ожидает возвращение метафизики в современную интеллектуальную культуру. И это грядущее событие интересно не только профессионалам, ведь метафизика претендует — *par droit de naissance* — на прояснение основ и ведущих ориентиров всего универсума человеческой культуры» [5, 199].

Даже в своих секуляризованных формах метафизика не в состоянии до конца порвать отношения с религией, ибо они имеют сакральный характер. В этом смысле связь метафизики с Абсолютом объективна и действительно нерасторжима. Как замечательно говорит об этом В.И. Несмелов, «религия является формой самосознания и самоопределения человека, метафизика же является познанием истинного определения человека на основании познания действительной истины о нем. Следовательно, предметом метафизики является непосредственное основание и выражение религии, и потому метафизика необходимо является критическим исследованием религии только в интересах познания ее истинности» [6, 317].

Необходимо отметить, что из всех форм секуляризованного мышления марксизм, как никто другой, понял всю глубину взаимодействия метафизики и Абсолюта. Из этого понимания и берет начало непримиримая настроенность марксизма по отношению к метафизике, его желание во что бы то ни стало похоронить ее, превратить в пережиток прошлого, когда любая попытка реанимации метафизики объявляется следствием происков тех сил, которые тащат философию в прошлое и знаменуют собой наступление реакции. Отсюда и единственно возможное определение, которое может дать марксизм метафизике при таких духовных установках. Метафизика оказывается противоположным диалектике методом, исходящим из количественного

понимания развития, отрицающего саморазвитие. И как прямое следствие метафизика полностью отождествляется с механицизмом, в результате чего она становится прямой противоположностью диалектике как неадекватный в силу своей «метафизичности» метод мышления.

Однако отделение философии от метафизических оснований не только не приводит к усилению позиции философии, но и сводит на нет ее потенциальные возможности преобразования мира, к чему призывает марксизм. Оторванная от метафизической базы, оказавшись «снятой» формой научного знания, философия реально сходит на нет с точки зрения тех задач мирового значения, которые перед ней ставит естественный ход развития истории. Если где и происходит реальное «снятие» философии марксизмом, так только в идеологии. Однако данное обстоятельство к преобразовательной деятельности философии отношения не имеет.

Таким образом, появляется историческая необходимость понимания сущности философии как преобразовательной силы, а не только как учения, направленного на познание предельных оснований бытия и сущего. Только такая форма цельного знания, рассматривающая не только человека, но и все мироздание через принцип духоматерии, а его самого в качестве связующего звена между духовным и материальным мирами, когда он восстанавливается в своем изначальном статусе «тварного бога» и садовника Бога, раскрывает безграничные познавательные возможности, которые на сей раз уже в реально снятом виде и являются единственно возможной преобразовательной деятельностью, нацеленной на весь космос, всю Вселенную. Такая постановка вопроса с необходимостью должна привести к метафизике. И здесь особую роль играют идеи К. Маркса и Н.Ф. Федорова, направленные на реализацию тотальности философии. Однако если в отношении преобразовательной деятельности философии Маркс и Федоров были совершенно едины, то они радикально расходятся как только дело касается метафизики. Для Федорова до тех пор, пока слепая умерщвляющая сила не превратилась в управляемую разумом, чувством и волею, в силу оживляющую, никоим образом нельзя полагать, чтобы природа или космос, перестав быть слепыми, стали рациональными. По этому поводу весьма резонно Федоров замечает, что невозможна никакая метафизика до тех пор, пока разум не стал выше физики.

Далее в своих рассуждениях о метафизике Федоров приходит к важным выводам, теоретическая значимость которых, пожалуй, до сих пор все еще не осмыслена: «Кант, этот мнимый разрушитель метафизики, потому и был разрушителем мнимым, что не знал иного опыта, как опыты только единичные, отдельные и друг от друга отделенные,

искусственные, не знал опыта единого, всеобщего, имеющего быть производимым всеми, естественного опыта превращения слепой силы природы в управляемую разумом, опыта, коего проект или план кроется в метафизике, которая поэтому именно и неразрушима» [7, т. 2, 101].

Здесь дано совершенно иное видение метафизики, настолько уникальное, что оно не вписывается ни в какие, даже самые радикальные попытки ее реконструкции. Более того, можно однозначно полагать, что такое понимание метафизики намного опережало федоровское время, и в своей востребованности становится понятным не ранее начала XXI в. Нацеленность на радикальное изменение картины мира через его преобразование предполагало учение о нем, данное именно в его предельности с выходом к самому Абсолюту. По Федорову, проблема трансцендентности и имманентности Божества в своей антагонистической данности будет снята, когда для людей наконец-то Слово Божие станет делом Божиим. Тем самым, Федоров восстанавливает сакральный характер метафизики в ее неразрывном единстве с проблемой Абсолюта, причем это единство сохраняется как в области умозрительных спекулятивных конструкций, так и в том случае, когда она направляется в проективное русло преобразовательного характера.

Если до Федорова всякие варианты метафизики рассматривались в качестве умозрительных систем, то после него она приобретает качественно новое состояние. Практическая деятельность людей, по определению, не может объять необъятное, и в своей всеохватности дойти до состояния тотальности. Тем самым метафизические построения не выходят за пределы умопостигаемых идей и никак не влияют на реальный ход событий. Отсюда следует раздвоение сознания между «грубой действительностью» и «возвышенными идеями».

В сложившейся исторической ситуации философия никак не могла стать действенной силой по преобразованию мира. Необходимо было заново осмыслить проблему метафизики в ее неразрывной связи с Абсолютом. Федоров решение этой задачи видит через восстановление принципа духоматерии, как единственно адекватного онтологического статуса человека. Отсюда следует его убеждение, что только через регуляцию материи дух одержит полную победу над плотью, победу общую и окончательную. Дальнейшее восходящее одухотворение человека, рано или поздно, на новом онтологическом уровне приведет к окончанию антагонизма между человеческим и Божественным. Тем самым, речь идет о совершенно ином метафизическом уровне существования мира и человека, или, выражаясь в духе Федорова, мирочеловека. По Федорову, идея вообще не субъективна и не объективна,

но проективна. В этой проективности изначально дана предельность знания, неразрывно связанного с действием как с преобразовательной силой. Именно здесь, в федоровском определении проективности, выражаясь словами Хайдеггера, происходит то самое «переворачивание» метафизики, когда она, собственно говоря, возвращается к своим сакральным истокам. А такое, по Федорову, становится возможным после достижения религиозного совершенства для того, чтобы стать орудием воли Божией. Но таким орудием воли Божией, по разумению Федорова, можно стать только в совокупности, вместе со всеми.

Таким образом, Федоров восстанавливает сакральную связь метафизики с Абсолютом. Только после федоровского переворачивания метафизики становится возможным сам Проект Воскрешения: «Воскрешение не мысль только, но и не факт, оно проект; и как слово, или заповедь, как Божественное веление, оно есть факт совершившийся, а как дело, исполнение, оно акт еще неоконченный; как Божественное оно уже решено, как человеческое — еще не произведено» [7, т. 1, 142].

Во многом благодаря федоровским идеям становится доступным понимание метафизики как учения, явно выходящего за пределы эмпирической действительности и затрагивающего проблемы трансцендентного характера: «метафизика есть система познаний, которые умствующий разум, чрез разрешение идеи бесконечного и чрез применение к ней наблюдений опыта внешнего и внутреннего, необходимо собирает о Существо Бесконечном и Его свойствах, равно как и о том, какое сходство или сообразность с ним существенно принадлежит существам конечным, как материальным, так и духовным» [4, 106].

Здесь важно подчеркнуть, что метафизика как способ познания Абсолюта присуща всем тварным существам и поэтому нацелена на ту самую предельность, которая включает в себя запредельность или же сама переходит в нее. В связи с необходимостью выяснения сущности метафизики, ее, так сказать, трансцендентных корней, важно привести теоретические положения С.Н. Булгакова: «Явление Христа в парусии вообще выводит нас за пределы этого мира, как метафизическое или метакосмическое. Это “мета” метá, есть устранение порога между двумя состояниями бытия мира» [3, 419].

Данное положение Булгакова имеет чрезвычайную ценность, поскольку в нем заложена идея о том, что метафизика есть не что иное, как устранение порога между двумя состояниями бытия. На основании этого становится возможным понимание метафизики, которое выходит за пределы эмпирического и имманентного мира: «Конец мира есть не физический, но метафизический. Мир и не кончается, но

лишь преобразается в новое бытие, в новое небо и новую землю... При сохранении всей физической природы мира, нерушимо положенного к бытию в шестодневе, в преобразении изменяется или, вернее, раскрывается метафизическая его структура» [3, 424, 426].

Таким образом, метафизика, данная только в своей неразрывной связи с Абсолютом, может рассматриваться как учение о предельных основаниях бытия и сущего, с выходом на другой онтологический уровень. Переход философии от абстрактно спекулятивных построений к новому содержанию, определяемому необходимостью преобразовательной деятельности, означает возврат философии к метафизике как историческому снятию метафизикой умозрительной философии. И в этом смысле становление метафизики в качестве преобразующей мир силы невозможно в отрыве от религиозных истоков, в особенности от идеи Абсолюта. Только с возвращением сакрального характера знания метафизика вновь обретает самую себя. И в этом случае проективная составляющая метафизики объективно должна разворачиваться во многом в русле федоровских идей. Здесь с метафизической точки зрения наиболее важным является то, что идея как таковая должна быть не субъективной и не объективной, а проективной. Нацеленность метафизики на предельные основания переходит в русло действительного преобразования благодаря постановке вопроса о проективности.

Но самой главной для направления философии в проективное русло и замены философии метафизикой является та идея, что в природе нет целесообразности, и ее должен внести сам человек, и в этом именно и заключается высшая целесообразность. Здесь даны предельные основания как для мысли, так и для дела, более того, в этой точке отсчета уже не может быть ни отдельно взятого дела, ни умозрительных конструкций, существующих как бы для себя. Философия благодаря этому выступает действенной силой, направленной на преобразование всего мира. Именно в этом месте она переходит в метафизику, и такая пертурбация философии обусловлена тем, что создаваемая человеком высшая целесообразность возможна только потому, что Бог делает все для человека его же собственными руками. Здесь замыкается круг метафизики, знание о мире превращается в силу самого мира, силу, не только преобразующую мир, но и творящую миры.

На этой ступени развития человека реально становится тварным Богом и садовником Бога во Вселенной, когда безграничные возможности оказываются единственно адекватной формой его существования. Можно ли в связи с этим сказать, что тем самым происходит диалектическое снятие метафизики, когда, дойдя до предельного состояния своих возможностей, она отменяет себя? На такую постановку

вопроса можно ответить следующим образом. Человек «обречен» на бесконечное познание Бога и мира, и в этом дан смысл его существования. Безграничные возможности не только Бога, но и сотворенного им мира принципиально неисчерпаемы, поэтому познавательные способности человека никогда не дойдут до предельной точки отсчета. И мы должны говорить не о снятии метафизики, а о новых метафизических условиях существования, новых метафизических возможностях познания и о новом метафизическом миротворении совместными усилиями Бога и человека.

С точки зрения становления новой картины мира, раскрытия новых познавательных способностей и становления принципиально нового метафизического знания как снятия всей предыдущей философии, идеи Федорова о метафизике имеют важное значение. Однако в истории философии они оказались, можно сказать, незамеченными. И, что самое главное, до сих пор в теоретическом плане все еще не востребованы. Как такое возможно? Скорее всего учение Федорова о воскрешении заслонило собой его метафизику. И поскольку идея воскрешения, предложенная федоровской философией общего дела, была чем-то совершенно новым и застала врасплох одновременно и религиозное сознание, и научную мысль, то что-либо другое в наследии Федорова не могло быть замеченным. И это имело объективный характер. Однако на сегодня однозначно можно сказать, что и идея всеобщего воскрешения в своем основании есть метафизический проект. Речь идет о совершенно новых метафизических условиях, где возможен такой сценарий, когда Бог предоставляет человеку право самому преодолеть именно физическую составляющую смерти как природного естества. (Что касается смерти как следствия греха, эта проблема принципиально неразрешима для ее самостоятельного решения человеком).

В случае реализации задачи преодоления физического естества смерти человек дойдет до такого предельного совершенства своей свободы, когда произойдет ее снятие самой собой. Тем самым модальный характер свободы завершит исторический цикл своего развития, когда на этом онтологическом уровне раскрытие бесконечных возможностей свободы будет одновременно означать ее отмену. И это диалектическое снятие свободы откроет перед человечеством совершенно невысказанные для современного сознания метафизические горизонты.

Попытка осмысления федоровского наследия и его идеи воскрешения в метафизическом аспекте актуализируют его творчество для современного сознания в духе реалий XXI столетия. И здесь не является определяющим то, что имманентное воскрешение (преодоле-

ние физического состояния смерти), скорее всего, не может быть отнесено к нашему эону, более того, именно такое положение вещей в ином эоне не должно быть рассматриваемо как нечто предопределенное. Скорее всего, речь идет о гипотетических возможностях имманентного воскрешения наряду с другими, которые сегодня отделены от современного человека непроницаемой стеной. Интерес в этой связи сосредоточивается на тех предельных основаниях философии, которые через идею воскрешения раскрывают совершенно новые дали для метафизики, в результате чего она вновь оказывается неразрывно связанной с идеей Абсолюта, т. е. возвращается к своим сакральным корням. По сути федоровский проект и есть метафизический проект, и в этом своем качестве он представляет интерес в теоретическом отношении. И этот интерес и прочтение Федорова сквозь призму метафизически понятого проекта становятся необходимостью XXI в.

Чем же это обусловлено? В начале XXI в. такие проблемы, как неразрывная связь предельных оснований с Абсолютом и понимание тотальности философии как преобразовывающей мир силы, становятся единым целым. Именно такое понимание метафизики приходит на смену не только неклассическим формам философствования, но и тем направлениям мысли, которые продуцируют бессознательную метафизику или же пытаются по крайней мере полностью выхолостить идею Абсолюта из метафизики и свести последнюю к абстрактно-спекулятивным рассуждениям, выдержанным в духе рассудочных теоретических установок. Но востребованность мысли, ставившей перед собой задачу радикального изменения картины мира, определяет и вопрос о дальнейшей судьбе метафизики как судьбе всего исторического процесса жизнедеятельности человека.

Вместе с тем возвращение метафизики, в той или иной степени, оказывается неразрывно связанным с проблемой Абсолюта, и данное обстоятельство имеет прямое отношение к высокой классике. Как отмечает А. А. Доброхотов, «на основе кантовских идей (в частности, его учения о творческой роли субъекта в познании) Фихте и ранний Шеллинг построили новый вариант метафизики. Его наиболее специфичной чертой было понимание абсолюта не как неизменной сверхреальности (такова была традиционная установка), а как сверхэмпирической истории, в которой совпадают процесс и результат. Связав на основе принципа историзма мышление и бытие, метафизику и науку, разум и природу, они истолковали диалектику разума не как теоретический тупик, а как движущую силу развития познания: диалектика, которая у Канта была лишь сигналом антиномии, становится у них неотъемле-

мым свойством истинного мышления и способом существования самой реальности» [5, 428].

Однако сказанное связано с именами не только Фихте и Шеллинга, но и Гегеля. О том, насколько тесно даны у Гегеля понятия Бога и философии, метафизики и Абсолюта, прекрасно показано в фундаментальном труде К.С. Бакрадзе: «Абсолютное, которое есть истина, а истина существует как целое, как субъект, есть бог. Гегель определенно стоит на этой точке зрения. Понятие бога выступает в системе Гегеля под разными именами — субъект, понятие, идея, абсолютный дух и т. д. Эти понятия, конечно, не всегда покрывают друг друга, каждое из них почти всегда подчеркивает особую, своеобразную сторону, аспект, иногда ступень развития, так же как и понятие бога представляет собой один аспект абсолюта. Но под каким бы именем ни выступал абсолют, он всегда характеризуется как вся действительность, как сущность всяческой реальности. Он — единственная действительность; он — субъект как творческая сила и “творит” не только самого себя, но и природу и конечный дух, правильнее — осуществляя самого себя, он “создает” природу и конечный дух; вся действительность — это он и его проявление, его образ... Гегель отвергает, не метафизику, а рассудочный подход к ее проблемам» [2, 196, 263].

Такая постановка вопроса о понимании Абсолюта как сверхэмпирической истории, в которой совпадают процесс и результат, а, с другой стороны, когда Он всегда характеризуется как вся действительность, как сущность всяческой реальности, уже в системе Гегеля приводит к реанимации сакрального характера метафизики, поскольку метафизика является учением об этой действительности, о сущности самой действительности.

Метафизическое значение сущности Абсолюта в религиозной философии в содержательном смысле тождественно его пониманию в классическом идеализме. Именно данное обстоятельство свидетельствует о том, что реанимируемая метафизика на стыке двух этих эпох, что совпадает со сменой XX столетия XXI-м, направляет метафизическую мысль в русло философского осмысления проблемы Абсолюта. И такое положение вещей отнюдь не является очередной гипотетической установкой, а апробирует себя уже сегодня, тем самым возвращаясь к сакральным истокам философского знания. «Там, где философия искала изначальное единство всего сущего в первом основании или причине, она всегда в рамках европейского мышления оставалась метафизикой. Но она оставалась мышлением и там, где предпринимала попытку не только не быть метафизикой, но иногда и самой философией. Упразднение метафизики в эмпирических и материалистических

теориях вплоть до попытки перевести философию как “теорию” в “практику” революционной, преобразующей мир деятельности обязательно вопросу об *arche*, но только другого рода метафизики. К сущности этой науки принадлежит, и это уже заметил Аристотель, то, что “издревле и ныне, и постоянно ставится и доставляет затруднение”. А это значит: где уделяется должное внимание критике метафизики, там кажется, что она черпает свои проблемы в конечном счете не из данного мира» [8, 134].

Реанимация Абсолюта в новейшей философии происходит во многом в духе гегелевских спекулятивных построений, направленных именно на преодоление непроходимой пропасти между трансцендентностью как таковой и имманентной данностью мира. Хотя на этот счет, конечно, существуют разные мнения. Так, по утверждению Г.-Д. Кляйна, необходимо все же сохранить трансцендентность Абсолюта: «Антиномическая базовая структура (*antinomische Grundstruktur*), несмотря на все усилия, которые поэтому не напрасны, в конечном счете не элиминируются. Я пытаюсь разрешить эту проблемную ситуацию посредством диалектической монадологии, которая выводит самопротиворечивость и (дурную) бесконечность из интерналистских (*internalistischen*) структур всех конечных монад. Абсолют, по моему мнению, возможно постулировать, но не так, что мы вместе с Гегелем можем отождествить сущность нашего мыслящего себя мышления (*Kern unseres Denkens des Denkens*) с Абсолютом. Поэтому нужно, с моей точки зрения, все же оставить постулируемый Абсолют трансцендентным... Конец метафизики немислим» [10, 22]. Здесь Г.-Д. Кляйн в большей степени проблему Абсолюта рассматривает в духе шеллинговской философии и склонен в противовес Гегелю постулировать трансцендентность Сущего.

Напротив, согласно Э.Г. Аветяну, «рефлексия, внутреннее созерцание, или чистое мышление, приходит к безусловному, к тому, из чего все начинается, но чему ничто не предшествует. Эту безусловную позицию удобно обозначить термином Абсолют. С этого пункта начинается метафизика: Абсолют — ее начало, ее принцип, ее универсальный предмет. Здесь в прямом восхождении кончается мир физический, но здесь же располагается первосубстанция, из которой мир физический должен возникнуть... Метафизический узел обнаруживается посредством планомерного снятия границ преднайденого мира, перехода от данности, условно именуемой посюсторонней, к состоянию, также условно именуемому потусторонним» [1, 90 — 91, 92].

Важно заметить, что проблема метафизических возможностей как снятия данностей условно именуемых посюсторонним и потусто-

ронным, становится достоянием спекулятивной мысли наших дней. По мнению К. Глой, «как всегда, принимая во внимание тот факт, что во всех исследованиях речь идет о знании и обосновании знания, вопрос разрешается в пользу того, что познание сущего должно быть в самом общем смысле связано с высшим сущим (höchsten Seienden). Божественное, таким образом, является доступным познанию» [12, 28].

Таким образом, на стыке XX и XXI вв. важно, что реанимируется потенция гегелевской философии, но на совершенно новом уровне исторического развития метафизической мысли. Объективности ради надо сказать, что уже в Гегелевой постановке вопроса о снятии противоположности трансцендентного и имманентного миров были заложены федоровские идеи необходимости завершения антагонизма между человеческим и Божественным. В гегелевском же духе должно быть понято главное кредо федоровской метафизики о том, что в природе нет целесообразности, ее должен внести сам человек, и в этом дан принцип высшей целесообразности. Именно поэтому метафизация философского знания должна с необходимостью протекать в проективном русле. И здесь проявляется особый интерес к творческому наследию Федорова, где метафизика уже в явственном виде есть проект действенного преобразования мира, ибо только через достижение религиозного совершенства можно стать орудием воли Божией. И только это делает возможным понимание воскрешения как проекта, а не только мысли или факта.

Как Божественное веление воскрешение есть факт свершившийся, но как дело, исполнение которого дано Богом человеку, оно еще не произведено. В этом месте мы сталкиваемся с ситуацией, когда метафизика реально имеет отношение к предельным основаниям бытия и становится той проективной силой, которой суждено одухотворить все мироздание. И именно поэтому можно утверждать, что становление новой метафизической картины, имевшей в своем основании гегелевские духовные импульсы, не может полностью пройти мимо федоровской философии. Очень важно также отметить, что трансформация идей в преобразовательную силу более соответствует метафизическим принципам, чем философским началам. А это означает историческое раскрытие потенций гегельянства, в своих духовных установках оказавшихся неразрывно связанными с религиозными и идеалистическими интенциями мысли.

Литература

1. *Аветян Э.Г.* Кольцо возвращения. Ереван: Издательство Тигран Мец, 1998.
2. *Бакрадзе К.С.* Система и метод философии Гегеля. Тбилиси: Издательство Тбилисского государственного университета имени Сталина, 1958.
3. *Булгаков С.Н.* Невеста Агнца. М.: Общедоступный Православный университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2005.
4. *Голубинский Ф.А.* Лекции по философии и психологии. СПб.: Академия Самопознания «Тропа Троянова», 2006.
5. *Доброхотов А.А.* Избранное. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008.
6. *Несмелов В.И.* Наука о человеке. Т. 1. Казань.: Издательство Тан Заря, 1994.
7. *Федоров Н.Ф.* Соб. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995.
8. *Хофмайстер Х.* Что значит мыслить философски. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.
9. *Gloy K.* Metaphysik — ein notwendiges oder verzichtbares Projekt? // Unser Zeitalter — ein postmetaphysisches? / Hg. von Karen Gloy. Würzburg, 2004.
10. *Klein H.-D.* Kein Ende für die Metaphysik // Unser Zeitalter — ein postmetaphysisches? / Hg. Von Karen Gloy. Würzburg, 2004.

References

1. *Avetyan Eh.G.* Kol'co vozvrashcheniya. Erevan: Izdatel'stvo Tigran Mec, 1998.
2. *Bakradze K.S.* Sistema i metod filosofii Gegelya. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Stalina, 1958.
3. *Bulgakov S.N.* Nevesta Agnca. M.: Obshchedostupnyj Pravoslavnyj universitet, osnovannyj protoiereem Aleksandrom Menem, 2005.
4. *Golubinskij F.A.* Lekcii po filosofii i psihologii. SPb.: Akademiya Samopoznaniya «Tropa Troyanova», 2006.
5. *Dobrohotov A.A.* Izbrannoe. M.: Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego», 2008.
6. *Nesmelov V.I.* Nauka o cheloveke. T. 1. Kazan': Izdatel'stvo Tan Zarya, 1994.

7. *Fedorov N.F.* Sob. soch.: v 4 t. T. 1. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995.

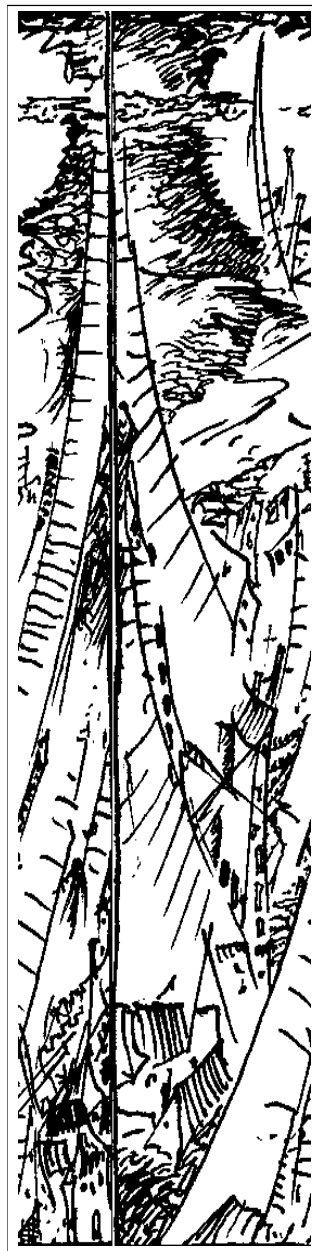
8. *Hofmajster H.* CHto znachit myslit' filosofski. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006.

9. *Gloy K.* Metaphysik — ein notwendiges oder verzichtbares Projekt? // Unser Zeitalter — ein postmetaphysisches? / Hg. von Karen Gloy. Würzburg, 2004.

10. *Klein H.-D.* Kein Ende für die Metaphysik // Unser Zeitalter — ein postmetaphysisches? / Hg. Von Karen Gloy. Würzburg, 2004.

IV

РОССИЙСКОЕ ПЕРЕСТРОЕНИЕ

М.Г. ПОКИДЧЕНКО

История возникновения дирижизма и перспектива его использования в России

Аннотация. В статье рассматривается история применения основных вариантов экономической политики и путем сравнительного анализа делается вывод о том, какая концепция экономической политики наиболее соответствует экономике современной России.

Ключевые слова: экономическая теория, экономическая политика, неолиберализм, кейнсианство, дирижизм.

Abstract. The article discusses the history of the use of the main policy options and concluded by a comparative analysis of what the concept of economic policy best matches the economy of modern Russia.

Key words: economic theory, economic policy, neoliberalism, Keynesianism, dirigisme.

УДК 330
ББК 65.02

Вопрос возможности применения дирижизма в России может быть решен только исторически. Любая социально-экономическая и политическая система проявляется наилучшим образом, только оказавшись в нужное время в нужном месте. Поэтому применение иностранного опыта в другой стране без учета историко-национальных особенностей, как правило, либо не дает ожидаемых результатов, либо дает негативные результаты. Следовательно, надо рассмотреть данную проблему в историческом контексте.

Вначале предлагаем посмотреть — в каких исторических условиях сформировались три основные современные концепции государственного регулирования экономики — *неолиберализм, кейнсианство и дирижизм*. Всем трем указанным концепциям государственного регулирования капиталистической экономики предшествовала концепция *экономического либерализма*, предполагающая полное невмешательство государства в экономику. Она сформировалась в Западной Европе, в первую очередь в Англии и Франции (бывшими тогда лидерами в мировой экономике), на рубеже XVIII и XIX вв. и господствовала в

экономической науке до середины 1930-х гг. Однако на практике государственное регулирование экономики в той или иной степени присутствовало в Европе и США в течение всего указанного периода. Оно касалось отдельных отраслей или секторов народного хозяйства, например, железнодорожного строительства, внешней торговли. Можно выделить также развитие социально-экономической политики с конца XIX в., особенно в Западной Европе.

Первый опыт всестороннего государственного регулирования экономики в новейшей истории был приобретен во время Первой мировой войны. Дело в том, что предшествующие европейские войны продолжались год (максимум два), поэтому у всех участников Первой мировой войны ресурсы были заготовлены на этот срок. По мере истощения ресурсов все воюющие страны вынуждены были срочно, не прекращая военных действий, пополнять воинские продовольственные, транспортные ресурсы на фронте и обеспечивать снабжение производства и населения в тылу. Эту срочность не мог обеспечить свободный рынок, и начала формироваться система всестороннего государственного регулирования и регламентирования экономики. Однако после окончания войны эта система прекратила свое существование, так как сочли, что в мирное время необходимости в ней нет.

Второй опыт всестороннего государственного регулирования экономики приобретен во время Великой депрессии 1930-х гг. Великая депрессия не была обычным экономическим кризисом: сам кризис, т. е. падение производства, продолжался долго, с конца 1929 до начала 1933 г., и был значительно глубже обычных экономических кризисов, выход же из него начался далеко не сразу. В целом это была часть фазы спада «большого экономического цикла» Кондратьева, на которую пришлось три кризиса среднего цикла — 1921, 1929, 1937 гг. Правда, первый кризис 1921 г. был не очень заметен, особенно в США, экономика которых получила мощный импульс развития во время Первой мировой войны, так как США были поставщиком и кредитором воюющих стран. Поэтому экономика США была на подъеме до осени 1929 г. Необычная же продолжительность и глубина кризиса 1929 г. были связаны со значительной монополизацией экономик развитых капиталистических стран. Крупные корпорации обладали более устойчивым положением в деловом мире, у них были большие финансовые и кредитные возможности, поэтому они могли дольше сопротивляться надвигающемуся кризису, но эта отсрочка привела только к большей глубине и продолжительности кризиса.

Наиболее всесторонними и последовательными были во время Великой депрессии антикризисные программы государственного регу-

лирования в США и в Германии. В обоих случаях в них следует различать собственно антикризисные, временные меры и экономические реформы, действия которых продолжилось после окончания кризиса. Например, в Новом курсе Рузвельта собственно антикризисными мерами были компенсации фермерам за сокращение производства, разрешение раздела рынков временно созданным отраслевым союзам производителей, строительством государством дорог и других объектов инфраструктуры, а изменение биржевых правил, ужесточение антимонопольного законодательства, расширение прав профсоюзов относились уже к экономическим реформам. Экономические кризисы всегда являются стимулом к обновлению капиталистической экономики — технологическому, организационному и институциональному.

Хотя антикризисное государственное регулирование экономики в 1930-х гг. было временным явлением, Великая депрессия произвела такое впечатление на экономистов-теоретиков, что у них возникла идея необходимости постоянного всестороннего государственного регулирования экономики, а не только во время войн и кризисов. В результате в середине 1930-х гг. в экономической науке появились две основные концепции государственного регулирования капиталистической экономики — кейнсианство и неолиберализм, которые существуют и до настоящего времени.

Кейнсианство предлагает более активную роль государства в экономике, а именно воздействие на предпринимательскую активность с помощью кредитной и налоговой политики, а также самостоятельную предпринимательскую деятельность государства в виде заказов готовой продукции и инвестиций. Это государственная деятельность может финансироваться, по мнению кейнсианцев, за счет дефицита бюджета, а возникающую при этом инфляцию кейнсианцы считают приемлемой платой за оживление в экономике. Сам Кейнс рассматривал только ситуацию спада в экономике, когда спрос отстает от предложения и его надо стимулировать. После Второй мировой войны кейнсианцы уже рассматривали и ситуацию экономического спада, и ситуацию экономического подъема, в равной степени трактуя их как отклонение от экономического равновесия, которое нужно исправлять. Поэтому на фазе спада они предлагали политику «дешевых денег» (снижение налогов, удешевление кредитов, увеличение государственных заказов и инвестиций), а на фазе подъема («перегрева конъюнктуры») — политику «дорогих денег», т. е. те же мероприятия, но с обратным знаком.

По мнению же неолибералов, государство должно только вернуть утраченный из-за монополизации экономики механизм ее саморегулирования, который заключается в том, что свободные конкурентные

цены отражали соотношение спроса и предложения в отдельных отраслях народного хозяйства и стимулировали его выравнивание. Если спрос выше предложения, цены растут и дают сигнал производителям увеличивать производство, если же спрос ниже предложения, действует обратный механизм. В условиях монопольных цен этот механизм саморегулирования не работает, так как цены негибкие и не отражают реального соотношения спроса и предложения, поэтому государство должно вернуть свободную конкуренцию и свободные цены и следить за их сохранностью. Неолибералы сравнивали роль государства в экономике с судьей на футбольном поле. Другими словами, само государство не является хозяйствующим субъектом, но обеспечивает частному бизнесу комфортные институциональные условия предпринимательской деятельности.

Во время Второй мировой войны в экономике воюющих стран снова была создана система государственного регулирования и регламентирования, еще более мощная, чем во время Первой мировой войны. Однако после окончания войны государственное регулирование экономики сохранилось, хотя некоторые черты «военной экономики» ушли в прошлое. Во всех развитых капиталистических странах, кроме ФРГ, в основе экономической политики после Второй мировой войны была положена концепция кейнсианства, во Франции — концепция дирижизма (о ней речь пойдет ниже), а в западной Германии — концепция неолиберализма. (Последнее было связано с тем, что с 1933 по 1945 г. в Германии было значительное национал-социалистическое регулирование экономики и после войны маятник общественных настроений качнулся в другую сторону.)

Первые двадцать послевоенных лет (1945—1965) в развитии мировой экономики пришлось на фазу подъема большого экономического цикла. Этот экономический подъем правительства всех развитых капиталистических стран трактовали как результат их «правильной» экономической политики, хотя надо помнить, что в большей части стран в основе этой политики было кейнсианство, а в ФРГ — неолиберализм. Но в следующие двадцать лет (1965—1985) происходила уже стадия большого цикла, во время которой выделялись три кризиса среднего цикла — 1968/69, 1975 и 1981/82 гг. Кроме того, в период первого послевоенного «большого спада» произошли и другие «болезни» капиталистической экономики — валютный кризис второй половины 1960-х гг., в результате которого был навсегда прекращен размен на золото фунта и доллара; энергетический кризис 1973 г.; появление в 1970-е гг. хронической инфляции и т. д. В результате существовавшая до этого времени экономическая политика была раскритикована, и во

всех развитых и капиталистических странах прежняя политика была заменена на альтернативную — в тех странах, где было кейнсианство, его сменил неолиберализм, а в ФРГ неолиберализм заменили на кейнсианство (правда, просуществовало оно в Западной Германии всего восемь лет, а затем и здесь, а следовательно, и во всем мире воцарился неолиберализм).

Первые победные фанфары в честь «правильности» именно неолиберальной экономической политики прозвучали в 1980-е гг., т. е. в период перехода от фазы спада к фазе подъема большого цикла в мировой экономике. Примерами успешной, а следовательно, «правильной» экономической политики были объявлены «рейганомика» в США и «тетчеризм» в Англии. Последовавшая за тем фаза подъема большого цикла (1985—2005) послужила еще большим «доказательством» правильности неолиберализма и его торжества в экономической науке всего мира. Кейнсианцы ушли в глухую оборону.

В экономической же теории неолибералов с 1970-х гг. произошли некоторые изменения. Поскольку, как уже говорилось выше, с этого времени в мировой экономике началась хроническая инфляция, существующая до сегодняшнего дня, школа монетаристов во главе с М. Фридманом, ставшая в 1970-е гг. лидером среди неолибералов, выдвинула для государства еще одну задачу — наряду с обеспечением свободной конкуренции оно должно было ликвидировать инфляцию. Это необходимо потому, говорили монетаристы, что инфляционные цены, так же как и монопольные, не отражают реального соотношения спроса и предложения и делают невозможным механизм саморегулирования экономики. Фридман утверждал, что государство должно бороться за стабилизацию денежной массы в экономике столько лет, сколько потребуются и, когда эта задача будет решена, сам собой начнется подъем в народном хозяйстве. Начавшийся в 1989-е гг. подъем мировой экономики, бывший закономерной фазой большого экономического цикла, «подтвердил» правильность утверждений Фридмана (не напоминают ли идеи Фридмана позицию нашего Центробанка?).

Однако экономический цикл, независимо от желаний теоретиков и политиков, сменяет периоды подъема на периоды спада — наступила очередная фаза спада большого цикла (2005—2025), в который вошли кризисы среднего цикла (2008/09, 2015, 2021/22). Одним из отличий этой фазы спада от предыдущей было то, что с ее началом не произошел резкий поворот в экономической теории и политике, какой наблюдался в 1970-е гг. Тогда кейнсианство после кризиса 1968/69 гг. сменилось на неолиберализм, теперь, после кризиса 2008/09 гг., кейнсианцы захотели взять реванш. Однако борьба неолибералов и оживившихся

кейнсианцев, начавшаяся после кризиса 2008/09 гг., идет до сегодняшнего дня без явного преимущества одной из сторон.

В России в настоящее время ключевые экономические ведомства — Центробанк, Министерство финансов и Министерство экономического развития — по-прежнему возглавляют представители «старой неолиберальной гвардии». «Новую экономическую политику» также разрабатывает неолиберал А. Кудрин. Правда, за последние годы в нашей стране критика неолиберализма со стороны представителей концепции более активной роли государства в экономике усилилась, и кто победит в этой дискуссии — пока не ясно.

Обратимся теперь еще к одной концепции государственного регулирования экономики — дирижизму. Термин «дирижизм» возник во Франции после Второй мировой войны, хотя фактически система государственного регулирования экономики, которую можно назвать дирижизмом, существовала также в Советской России в 1920-е гг. Дирижизм по сравнению с кейнсианством предполагает еще более активное вмешательство государства в рыночную экономику — в частности, прямое административное воздействие на некоторые экономические процессы, например, на ценообразование; создание значительного государственного сектора в экономике и индикативное планирование.

Уточним, в чем сходство и различие директивного и индикативного планирования. В обоих случаях составляется перспективный план развития народного хозяйства, который отличается от отдельных целевых программ своей сбалансированностью. Создание же отдельных, относительно краткосрочных целевых программ напоминает басню Крылова «Тришкин кафтан», где главный герой зашивает дыры заплатами, вырезанными из других мест кафтана. Различие же директивного и индикативного планирования заключается в способах достижения целей, намеченных в плане. Директива, т. е. прямой приказ государства хозяйствующим субъектам, возможна при государственной собственности на эти предприятия, а директивное планирование — при полной или хотя бы подавляющей части государственной собственности в народном хозяйстве. Директивное планирование было в Советском Союзе. Правда, не все помнят, что директивное планирование в советской экономике началось только в 1930-х гг., а в 1920-е гг., во время нэпа, планирование в Советской России были индикативным.

Правда, индикативное планирование большевики начали осуществлять не сразу. В первые три года после Революции они стали строить социалистическую экономику, как она представлялась им в теории, т. е. полностью централизованную, с прямым и неэквивалентным распределением материальных и трудовых ресурсов и готовой

продукции, получившую название «военный коммунизм». Но военный коммунизм оказался нежизнеспособен, и пришлось вводить нэп. Для осуществления нэпа потребовалось снова разрешить торговлю, как частную, так и государственную; вернуть денежную и кредитную систему; приватизировать мелкую и половину средней промышленности, а предприятия оставшейся государственной промышленности объединить в тресты, которым предоставили относительную хозяйственную самостоятельность в условиях рыночной экономики. Крестьянам, после уплаты налога, разрешили продавать свою продукцию.

Одновременно с введением нэпа в 1921 г. началось формирование системы планирования. Создание плановой экономики происходило постепенно — в первой половине 1920-х гг. осуществлялись годовые отраслевые планы, во второй половине — годовые народнохозяйственные, а с осени 1929 г. началась первая «пятилетка». Для разработки этих планов в 1920-е гг. в Советской России были созданы первые в мировой экономической науке модели экономического роста и межотраслевого баланса. Поскольку нэповская экономика (за исключением военно-промышленного комплекса) была рыночной, осуществление планов было индикативным, т. е. частных хозяйствующих субъектов стимулировали к определенным действиям с помощью налогов, кредитов и государственных заказов. Даже государственные тресты жили по общим рыночным правилам. Правда, государство иногда влияло на их ценовую политику (особенно в 1922—1923 гг.). Однако с 1926 г. в Советском Союзе началось нарастающее свертывание рыночных отношений, а с начала 1930-х гг. индикативное планирование было заменено на директивное.

Второй опыт дирижизма начался после Второй мировой войны во Франции. Его введение во многом было связано с тем, что у власти во Франции в это время был левый Народный фронт. Теоретическое обоснование французского дирижизма в значительной степени опиралось на разработки французских институционалистов, в первую очередь Ф. Перру. (Кстати, Новый курс Рузвельта тоже разрабатывали преимущественно институционалисты.) В отличие от классиков и неоклассиков, которые при формировании своих теорий исходят из равенства конкурирующих хозяйствующих субъектов и общего экономического равновесия, Перру исходил из того, что основополагающими принципами экономической жизни являются неравенство и неравновесие. Соответственно среди хозяйствующих субъектов существуют «доминирующие единицы», которые осуществляют в отношении других определенное принуждение. К таким доминирующим хозяйствующим субъектам относится и государство.

Среди отраслей и секторов народного хозяйства тоже, по мнению Перру, существует неравновесие. Некоторые устаревающие отрасли обладают тормозящим эффектом, и, наоборот, так называемые «отрасли-моторы» увлекают всю экономику вперед. Главной задачей государства и является поощрение этих «точек роста». Таким образом, государственное регулирование экономики, по мнению Перру, не должно иметь целью достижение сбалансированного экономического роста, закрепляющего существующую структуру народного хозяйства. Наоборот, поощряя «точки роста», государство должно изменять, совершенствовать структуру экономики и таким образом стимулировать экономический рост.

Непосредственным же отцом-основателем экономической политики дирижизма во Франции был Ж. Монне. В дополнение к кейнсианским методам регулирования дирижизм, во-первых, активно использует индикативное планирование. Первая французская «пятилетка» пришла на 1947—1953 гг., а всего во Франции было осуществлено 11 пятилетних и четырехлетних планов. Каждый план имел конкретную «сверхзадачу» — послевоенное восстановление экономики, модернизацию отраслевой структуры, активизацию французского экспорта и т. п. Во-вторых, французское правительство увеличивало после войны государственный сектор в народном хозяйстве. В-третьих, применяло иногда прямое административное вмешательство в экономику, вводя, например, завышенные или заниженные цены на определенные товары. Правда, последнее осуществлялось на основе договоренностей с частным бизнесом, так называемых «контрактов стабильности».

Экономическую политику Японии и Китая тоже можно назвать дирижизмом. Особенно это касается Китая, где присутствует многоукладность в рыночной экономике, различные варианты ценообразования, индикативное планирование на год, пять и десять-двадцать лет и т. п. Правда, поскольку в Китае, в отличие от России, не любят разрушать старые традиции и начинать каждый раз с чистого листа, современный китайский дирижизм называется «социализмом с китайской спецификой». Специфика Китая действительно велика, и анализ китайской экономики и экономической политики требует отдельного большого исследования. Тем не менее следует уточнить, что я не считаю высокие темпы роста китайской экономики исключительно результатом «правильной» экономической политики. Выше уже приводились примеры, когда «правильность» кейнсианства или неолиберализма пытались доказывать успешным экономическим развитием отдельных стран в определенные периоды истории, в то время как в действительности это развитие происходило под влиянием объективных причин. И

речь здесь идет не только о фазах «большого экономического цикла». История мировой экономики знает примеры, когда некоторые страны делали зачастую не совсем объяснимый экономический рывок. Например, во второй половине 1890-х гг. в России были самые высокие в мире темпы экономического роста, хотя Россия не выделялась в это время какой-то особой экономической политикой. Конечно, можно справедливо вспомнить о положительной роли Витте в этот период российской истории, но в мировом масштабе экономическая политика Витте не была чем-то уникальным.

Обратимся, наконец, к современной России. Как уже отмечалось выше, сейчас у нас экономической блок правительства опирается в основном на неолиберальную концепцию, хотя и подвергается растущей критике государственников. Дискуссия на эти темы в мировой экономической науке не дает пока преимущества ни одной из сторон. Поэтому можно просто порассуждать о проблеме государственного регулирования экономики, опираясь на историю.

Если посмотреть на историю развития капитализма, то мы увидим, что на начальной стадии этого развития (для каждой страны она происходила в разное время — для Англии в XVII в., а для Японии — на рубеже XIX—XX вв.), когда капитализм был еще слаб, помощь и покровительство государства были значительными. Затем, по мере того, как капиталистическая экономика набиралась сил, государство все больше уступало место частной инициативе. Когда же классический капитализм свободной конкуренции в середине XX в. исчерпал себя, снова появилась необходимость в государственной поддержке и стимулировании капиталистической экономики. Государственная поддержка требовалась капиталистической экономике, как об этом говорилось выше, также во время войн и послевоенного восстановления, а также во время кризисов и послекризисных депрессий. Таким образом, первый вывод заключается в том, что более активное государственное вмешательство требуется «слабому» капитализму.

Другой фактор, который необходимо учитывать при сравнительном анализе разных вариантов государственного регулирования экономики, — это политические, о которых говорилось выше, и национальные особенности развития капитализма. Например, если сравнить социально-экономическую политику таких развитых регионов мировой экономики, как США, Западная Европа и Япония, то в США государственная поддержка населения представлена в наименьшей степени, в Японии она осуществляется преимущественно не на уровне государства, а на уровне фирм и корпораций, а в наибольшей степени социально-экономическая политика развита в Западной Европе. Не вдаваясь в

подробные объяснения, можно утверждать, что это связано с историческими и национальными традициями.

Что же мы имеем в России? У нас капитализм еще очень молод (для истории 25 лет не срок, а традиции российского капитализма конца XIX — начала XX в. прочно забыты и остались только в книгах), а молодому, несформировавшемуся окончательно организму требуется помощь. Кроме того, в России с конца XV в., когда была создана Московская Русь, и до конца XX в. было централизованное государство, традиции которого во многом сформировали менталитет русского народа — и это тоже надо учитывать при формировании институциональной среды, в том числе в сфере экономики.

Поэтому мы склоняемся к мысли, что на данном историческом этапе развития России ее экономике больше соответствуют значительное государственное регулирование и стимулирование, предположительно на основе концепции дирижизма.

С.В. БИРЮКОВ

«Перестройка 2.0» и российское переустройство: принципиальное различие двух стратегий

Аннотация. В статье проанализированы истоки и возможные последствия реализации двух основных проектов социально-экономической трансформации России — «перестройки 2.0» и «русского переустройства». Автор рассматривает содержание этих концепций с точки зрения их реалистичности, соответствия долгосрочным интересам России, современных тенденций и противоречий глобального развития. Особое внимание уделяется политическим противоречиям и конфликтам 1985—1991 гг., а также политическим стратегиям позднего периода «перестройки 1.0». В статье выделены и рассмотрены различные уровни трансформационного процесса и связанных с ним противоречий и конфликтов в позднесоветском и российском обществе. На основании этого выделены основные направления и перспективы развития трансформационного процесса в современной России, а также социальные и политические риски, связанные с принципиально нелинейным характером российского политического процесса. В статье проводится содержательный анализ понятий «перестройка» и «переустройство», показано их принципиальное различие с точки зрения опыта и перспектив исторического бытия России. При этом российское

переустройство рассматривается автором статьи не как некоторый умозрительный концепт, а как комплексная реалистическая стратегия. Возможность реализации последней на практике связывается не только с пересмотром общей стратегии социально-экономической политики, сформированной в начале 1990-х гг. Автор обосновывает необходимость коррекции общей стратегии государственного строительства, связанного с пониманием качественно новой роли России в современном мире. Статья представляет интерес для специалистов различных областей социально-гуманитарного знания, заинтересованных в поиске концептуальной альтернативы современным кризисным моделям развития.

Ключевые слова: перестройка, переустройство, трансформация социальная, реформы, модернизация, система, кризис, демонтаж, элита, средний класс.

Abstract. The article analyzes the origins and possible consequences of the implementation of two major projects of socio-economic transformation of Russia — «Perestroika 2.0» and «The Russian reconstruction of society». The author considers the content of these concepts from the point of view of their feasibility, compliance with the long-term interests of Russia, modern trends and contradictions of global development. Special attention is paid to political contradictions and conflicts of the era of the presidency of Mikhail Gorbachev and the political strategies of the late period of «Perestroika 1.0». The article identified and discussed the different levels of the transformation process and the related contradictions and conflicts in the late Soviet and Russian societies. On this basis, the main directions and prospects of development of the transformational process in modern Russia, as well as related social and political risks associated with fundamentally non-linear nature of the Russian political process. The article presents a substantive analysis of the concepts of «Perestroika» and «Reconstruction of society», it shows a fundamental difference from the point of view of experience and prospects the historical existence of Russia. The Russian reconstruction of society is considered by the author not as some abstract concept, but as an integrated realistic strategy. The possibility of implementing the latter in practice is associated not only with the revision of the General strategy of socio-economic policy, formed in the early 1990-ies. The author marks the necessity of the correction of the overall strategy of state building that is associated with the understanding of the qualitatively new role of Russia in the modern world. The article is of interest of specialists in various fields of social Sciences and Humanities interested in the search for conceptual alternatives to the contemporary crisis development models.

Key words: perestroika, reconstruction of society, social transformation, reform, modernization, system, crisis, dismantling, the elite, the middle class.

УДК 330
ББК 65в

«Перестройка 2.0» — политический и социально-экономический проект, который, начиная с 2011 г., активно обсуждается представителями как российской либеральной оппозиции, так и их оппонентами. Причем, если некоторые эксперты воспринимают смысл этого проекта едва ли не апологетически, связывая с ним надежду на «демократизацию России» в интересах «большинства россиян», то другие усматривают в нем некий «конспирологический план», связанный с намерением «внешних сил» разрушить Российское государство, завершив тем самым процесс, первой стадией которого стал распад СССР. Однако отметим, что внешняя канва событий не указывает на возможность реализации столь масштабных сценариев.

«Перестройка 2.0» генетически связана с «перестройкой 1.0», хотя и может быть реализована в качественно иной ситуации. По своему социальному смыслу «перестройка 1.0» — своего рода «номенклатурная революция» (точнее, неофеодалная инволюция), изначальной целью которой было усиление эффективности позднесоветской системы за счет управляемой и поначалу ограниченной «либерализации сверху» без коренного изменения ее социально-экономического фундамента. Однако стихийность, непредсказуемость и нарастающая неуправляемость перестроечных процессов изменили первоначальный смысл и содержание перестроечного проекта — в результате чего он превратился не в «косметический ремонт», а в изменение самой сути системы, что закончилось масштабным кризисом и окончательным распадом последней. «Перестройка 1.0» как организованный процесс включала в себя следующие основные элементы:

- конвертацию номенклатурных статусов в собственность (впрочем, без окончательного отделения одного от другого);
- придание этим статусам (и производным от них собственности и экономическим благам) фактически наследственного характера;
- стихийную либерализацию «снизу», распространение бытовых, социальных и определенных политических свобод — что, впрочем, нисколько не препятствовало более общему процессу передела власти и собственности;

- планомерную дискредитацию («демонизацию») коммунистической системы и идеологии с целью дезориентации (и деморализации) «позднесоветского человека» и обеспечения «безальтернативности» задуманных преобразований.

Во многих работах современных российских исследователей реконструируется подспудная логика «перестроечного процесса». К середине 1980-х гг. тогдашнее советское общество «пришло в движение», для чего существовали как объективные (торможение социально-экономического развития, приведшее к прогрессирующему снижению жизненных стандартов, вызвавшее стихийное и до времени «глухое» недовольство сложившейся к тому моменту «советской модели общества массового потребления»), так и субъективные предпосылки.

В СССР существовала элита, желавшая, с одной стороны, конвертировать власть в собственность — с передачей ее по наследству и возможностью легализации на Западе, с другой стороны, одновременно избавиться от «излишне масштабных» социальных обязательств перед населением. Существовал и достаточно многочисленный «советский средний класс» (ИТР, интеллигенция, квалифицированные рабочие и др.), понимавший «одряхлелость» и инерционность системы. Была интеллигенция, уставшая от излишней «опеки» со стороны власти и жаждавшая возвращения себе роли «властителей дум» без всяких на то ограничений. Наконец, была и огромная масса людей, желавшая перемен и не понимавшая до конца глубинной политической подоплеку событий.

М. Горбачев поддержал элиту, используя во многом справедливое недовольство номенклатурой «советского среднего класса» и интеллигенции для разрушения системы, которое, в свою очередь, привело к «социальному обрушению» самого «советского среднего класса», значительная часть которого так и не смогла вписаться в новые условия «периода первоначального накопления», когда процесс направлял альянс наиболее «сориентировавшейся в событиях» части номенклатуры, криминалитета и «новых бизнесменов», стремившихся получить максимально быстро максимально возможные дивиденды от процесса. Горбачев мог превратить КПСС из «дряхлеющего образования» в эффективный инструмент политической мобилизации и модернизации политической и социально-экономической системы, осуществив новый «реформаторский призыв» в партию, демократизировав ее внутренние механизмы и мобилизовав на поддержку конструктивных реформ тот самый средний класс, но он предпочел оставить все без изменений, не препятствуя процессу «управляемой деградации» и распада страны. «Точка невозврата» была пройдена на XIX партконференции в апреле

1988 г., когда генсек и будущий первый и единственный президент СССР отказался от реформирования партии, позволив событиям «идти своим чередом», одновременно подталкивая распад бессистемными и хаотичными действиями в политике и экономике. В результате этих процессов «управляемого распада» постепенно сформировался «параллельный центр власти» во главе с «опальным» бывшим первым секретарем МК КПСС Б. Ельциным, сконцентрировавшим вокруг себя на «радикально-популистской платформе» многих лидеров демократического движения (бывших «прорабов перестройки») и группы «номенклатурного класса», желавших «конвертации власти в собственность» посредством «радикальных реформ» (а никаких других целей, помимо форсированного создания класса «крупных собственников», они, по признанию ныне покойного экс-премьера первого «реформаторского» правительства России Егора Гайдара, они и не преследовали).

Либеральные реформы 1990-х добавили к основному содержанию «Перестройки 1.0» ряд новых компонентов:

- форсированное формирование класса крупных собственников (так называемых олигархов), сохраняющих тесную «генетическую связь» с государством в лице крупных правительственных чиновников;

- демонтаж социального государства советского образца, превращение ключевых социальных благ в рыночный товар (образование, здравоохранение, культура);

- последовательную атомизацию общества (с помощью технологий «холодной гражданской войны») и публичной пропаганды социал-дарвинизма;

- интеграцию новообразованного класса крупных собственников в глобальную экономику и «элитное сообщество», легитимацию их статуса внутри и вовне страны (принципиально не лишено до сих пор).

Трансформации 2000-х гг. не изменили сколько-нибудь существенно сложившегося в 1990-е гг. социально-экономического порядка и отношений собственности, но при этом обеспечили восстановление государственной «надстройки» над классом крупных собственников. Последняя выполняет роль арбитра в системе отношений «власть — собственность» внутри страны и роль лоббиста интересов нового класса крупных собственников вовне страны. При этом демонтаж оставшихся институтов социального государства и процессы социальной деградации в период 2000-х продолжились, хотя и определенным образом замедлились.

2000-е гг. сформировали в России особый вариант «сословного общества» на основе рентно-распределительной модели, практически

лишенного социальных лифтов (слабо структурированное «общество-каша» с малочисленным средним классом и большим числом неустойчивых групп). В условиях российской модели «рентной экономики» российский средний класс уже практически достиг пределов «естественного роста», преимущественно концентрируется в крупных мегаполисах и практически отсутствует как «целостное явление» на периферии, переживающей сегодня всю совокупность эффектов демодернизации и деиндустриализации. Он еще только дорастает до уровня политического сознания, позволяющего сформировать и поддерживать сильную общегражданскую партию, отстаивающую его интересы; доверие же «средняков» к «Единой России» сегодня заметно упало, и она все больше рассматривается им как партия, отстаивающая интересы чиновничества и связанного с ним крупного бизнеса. Вместе с тем альянс «системных» и «уличных» либералов, реализовав свою программу по освобождению от остаточных элементов «социального государства» и окончательно расчистив тем самым «передовому олигархическому классу» путь к интеграции в «мировую экономику», одновременно лишит шансов на «социальное продвижение» многих представителей нынешнего условного российского «среднего класса» — ибо окончательная коммерциализация образования и переход к модернизации по модели стран «третьего мира» закроют многие еще имеющиеся «социальные лифты», которыми ныне пользуется в процессе своей «восходящей мобильности» средний класс России. Значительная же часть российского «малоимущего класса», немалую часть которого сегодня составляют представители квалифицированных профессий, будет окончательно отброшена на социальное «дно».

По нашему мнению, сегодня можно выделить три основных варианта выхода из современного промежуточного состояния «российского социума»:

- «цветная» (либеральная) революция — предполагающая первоначальный государственный переворот, межклановый передел собственности, заметное ослабление либо демонтаж национального суверенитета, демонтаж остатков социального государства со столкновением общества в хаос и архаику — прикрытием чего может послужить специфическая идеология, соединяющая элементы социал-дарвинизма, квазилиберализма, национализма и популизма в различных его модификациях;

- «перестройка 2.0» — порожденные процессами в «верхах» косметические реформы с новым перераспределением власти (и собственности) внутри элитного сообщества с возможным переходом последнего в «цветную революцию»;

• российское переустройство — как комплексная конструктивная альтернатива двум первым сценариям; оно предполагает качественный и эволюционный процесс преобразования российского общества, всех его сфер на основе широкого социального консенсуса, а полагающей своей итоговой целью — благо и интересы социального большинства, неизменно проигрывавшего в результате многих «неэволюционных» попыток социальных изменений, инициируемых «верхами» и меньшинством.

Составляющими «перестройки 2.0», предположительно, могли бы являться:

- 1) масштабная политическая либерализация (с переходом в неуправляемый режим);
- 2) глубокая трансформация существующего политического порядка и его институциональных и идеологических оснований;
- 3) отказ от геополитических амбиций, современного противостояния с Западом и официальной версии патриотической идеологии;
- 4) изменение состава правящей элиты, уход представителей «силовиков», альянс нынешних «системных» и внесистемных либералов;
- 5) перераспределение власти и собственности;
- 6) закрепление либеральной социально-экономической модели, фундамент которой был заложен в начале 1990-х гг., в качестве безальтернативной, что означает неизбежную социальную деградацию и торжество так называемого «периферийного капитализма».

«Перестройка 2.0» (в смысле инициированного сверху процесса перемен либерального толка, который начинается как дозированный и управляемый, но потом выходит из первоначально намеченного «русла», превращаясь в подобие хаотической «воронки») в современной России затруднена в силу того обстоятельства, что социальные и морально-психологические «амортизаторы», смягчавшие в свое время кризисные эффекты «перестройки 1.0», в современном российском обществе отсутствуют. Посему издержки от процесса новой «либерализации сверху» и порождаемой ею (с высокой вероятностью) общей неуправляемости могут оказаться куда выше как раз для «среднего россиянина» (про низшие слои общества говорить просто не приходится). «Низы» в очередной раз будут призваны заплатить за изменение «соотношения фракций» в элитном слое общества. В то же время желание сохранить статус-кво любой ценой, не внося корректив в социально-экономическую и региональную политику и не осуществляя никаких изменений в публичной сфере, также чревато последствиями, которые крайне трудно предсказать. «Цветная революция» или любой иной ва-

риант неэволюционной трансформации означают высокую вероятность гражданской войны с непредсказуемыми последствиями уже в краткосрочной перспективе. Прохождение общества между двумя вариантами хаотического развития превращается в крайне сложную задачу — и апелляции к «здоровому консерватизму» россиян могут оказаться здесь недостаточными.

Российское переустройство, в свою очередь, предполагает следующие изменения:

1) усиление социальной и государственной субъектности, качественное содержательное наполнение патриотического консенсуса;

2) комплексную ревизию социального и политического опыта 1990-х и глубокую рефлексию относительно результатов развития в 2000-е гг.;

3) изменение социально-экономической модели — с рентно-сырьевой («периферийный капитализм») на индустриально-инновационную;

4) развитие российской модели гражданского общества на базе идеологии солидаризма;

5) восстановление базовых областей социальной сферы — медицины, образования, социального обеспечения и т. д.;

6) разумную модернизацию федеративных отношений — эволюционное укрупнение регионов на экономической основе, разумную экономическую децентрализацию (при сохранении политического и конституционно-правового единства);

7) укрепление публичных политических институтов, уменьшение влияния неформальных политических практик;

8) модернизацию армии на основе новейших военных технологий.

В свою очередь, углубляющийся на наших глазах социально-экономический кризис, связанный не столько с международными санкциями, сколько с падением цен на нефть и издержками «сырьевой» модели экономики, продемонстрировал исчерпанность общей стратегии либеральных реформ, проводившихся в России с начала 1990-х гг. и нацеленных на форсированное создание «слоя крупных собственников» с целью «интеграции в мировую экономику» (а в реальности заложивших основы нынешней модели «рентной экономики»). Кроме того, кризис еще раз подчеркнул отсутствие конструктивной альтернативы курсу на комплексную (а не «усеченную») и ориентированную преимущественно на интересы «элитного слоя») и адаптированную к условиям России модернизацию как единственный высокоэффективный и социально приемлемый способ решения проблем страны.

Итак, в заключение можно сделать следующие выводы.

- Полноценная и завершенная социально-экономическая модернизация, опирающаяся на широкий общественный консенсус, может сохранить территориальное единство страны, выступая рычагом экономического развития как для Центра, так и для регионов, значительная часть которых находится в депрессивном состоянии.

- Модернизация наполнит реальным содержанием российский федерализм, продолжающий и ныне пребывать в «переходном» состоянии, что не позволяет в полной мере использовать весь конструктивный потенциал федеративных отношений.

- Модернизация позволит создать работоспособную экономику и обеспечит полноценное развитие социальной сферы. Происходящий сегодня демонтаж механизмов социального государства, оставшихся от советского периода, осуществляемый кабинетом министров, отбрасывает российское общество в состояние социальной архаики, лишает его перспектив роста.

- Модернизация позволит сбалансировать межэтнические отношения в России, сформировав полноценный социально-экономический уклад на основе более разумной и сбалансированной модели разделения труда, и главное — создаст предпосылки для создания полноценного союза народов России вокруг русского народа как де-факто государствообразующего.

- Модернизация позволит России создать предпосылки для полноценного продвижения процесса евразийской интеграции. В противном случае российской стороне объективно нечего предложить партнерам по ЕАЭС, заинтересованным в модернизационном развитии и преодолении «неоднозначного» социально-экономического наследия постсоветской эпохи.

- Наконец, русский национализм (как идеологема и политический тренд) без связи с определенным общенациональным модернизационным проектом приведет Россию не к ожидаемому «величию», но к неизбежному разделению по этническому признаку и возникновению множества национальных конфликтов, грозящих целостности государства.

Таким образом, предполагаемое российское переустройство — это эволюционное (консервативно-модернизационное) преобразование России на основе консенсусных механизмов и последовательно воплощаемых центристско-консервативных ценностей. Переустройство предполагает диалог и активное сотрудничество российских государства и общества, усиление социальной, экономической, политической, воен-

ной субъектности России, превращение ее в значимый и влиятельный элемент формирующегося на наших глазах миропорядка. Именно в нем может и должен заключаться комплексный и конструктивный ответ России на всю совокупность основных вызовов современности.

И.М. ТЕНЯКОВ

Производительность труда как фактор неоиндустриального роста российской экономики

Аннотация. В статье систематизированы тенденции экономического роста и производительности труда ведущих стран мира и России. Показаны причины замедления темпов роста производительности труда. Отмечено, что восстановление высоких темпов роста производительности труда возможно при проведении политики новой индустриализации при переходе к неоиндустриальному экономическому росту. Указан ряд особенностей, которым должна соответствовать политика новой индустриализации в России.

Ключевые слова: производительность труда, неоиндустриальный экономический рост, политика новой индустриализации.

Abstract. In the article, the trends in economic growth and productivity in the leading countries of the world and Russia are systematized. The reasons for a slowdown in labor productivity growth are shown. It is noted that the reduction of high rates of productivity growth is being possible in conducting of the new industrialization policy during the transition to neo-industrial economic growth. A number of features that the new industrialization policy in Russia must comply is specified.

Key words: labor productivity, neo-industrial economic growth, new industrialization policy.

УДК 330
ББК 65.05

Спустя восемь лет после мирового экономического кризиса темпы экономического роста остаются весьма умеренными в развитых странах. В странах со становящимися рынками наблюдается тенденция к замедлению роста, хотя его темпы остаются более высокими по сравнению с развитыми странами. В России замедление роста началось в

2012 г., а в 2015 г. оно перешло в спад производства, сохранившийся и в 2016 г. В таблице 1 представлены среднегодовые темпы роста ВВП трех групп — представителей ведущих индустриальных стран (США, Великобритания, Германия, Франция, Швеция, Япония), стран со становящимися рынками (Бразилия, Индия, Китай) и постсоветских республик, прошедших период трансформации социально-экономической системы (Россия, Белоруссия, Казахстан). При периодизации учитывались ключевые события, происходившие в России и странах бывшего СССР. По этому критерию выделены периоды: десятилетие, предшествовавшее трансформационным процессам в странах бывшего СССР (1981—1991), период активных трансформационных процессов в странах бывшего СССР (1992—1998), период восстановительного роста в России и других постсоветских странах (1999—2007), период мирового экономического кризиса (2008—2009), посткризисный период (2010—2016). Отметим, что данные МВФ за 2016 г. являются оценочными и могут несколько исказить итоговый результат, однако такое искажение не является существенным.

Таблица 1

**Показатели экономического роста в трех группах стран
(среднегодовые темпы
прироста реального ВВП, в %)**

Страны и группы стран	1981—1991	1992—1998	1999—2007	2008—2009	2010—2016
Ведущие индустриальные страны					
США	2,56	2,53	2,91	-2,50	1,97
Великобритания	3,02	3,17	2,87	-1,54	2,08
Германия	2,54	1,12	1,66	-2,43	1,96
Франция	2,35	1,58	2,25	-1,39	1,15
Япония	4,52	0,73	1,32	-3,31	1,18
Страны со становящимися рынками					
Китай	9,29	9,19	10,17	9,40	8,08
Индия	5,14	5,22	7,25	6,16	7,36
Бразилия	1,50	2,89	3,25	2,45	1,27
Страны — постсоветские республики					
Россия	—	-4,83	7,08	-1,50	1,33
Белоруссия	—	-1,49	7,22	5,10	1,48
Казахстан	—	-4,38	9,30	2,24	4,32

Составлено по: [9].

Замедление темпов роста в ведущих индустриальных странах в посткризисный период сопровождалось также замедлением темпов роста производительности труда. Как отмечается в докладе [8], технологические сдвиги и различные инновации не приводят автоматически к повышению роста производительности труда, а выгоды от более высокого уровня производительности труда в отдельных секторах далеко не всегда распространяются на экономику в целом. Эта тенденция развивается на фоне растущего глобального неравенства доходов и богатства. В 2012 г. доходы 10% верхних слоев в странах ОЭСР превышали доходы 10% нижних слоев более, чем в 10 раз, а в 1980-е гг. этот разрыв составлял только 7 раз. При этом на 10% верхних слоев приходилась половина богатства домашних хозяйств в 2012 г. в 18 странах ОЭСР. Замедление роста производительности труда и усиление неравенства в ведущих странах — ключевые проблемы посткризисного развития, они отражают фундаментальные изменения, которые претерпели экономики ведущих стран в начале XXI в.

Замедление темпов роста ВВП на отработанный час в ведущих индустриальных странах отмечается экспертами ОЭСР в период 2004—2014 гг. по сравнению с периодами 1970—1996 и 1996—2004 гг. Так, указанный показатель снизился в США с более чем 2,5% в период 1996—2004 гг. до 1% в период 2004—2014 гг. В Великобритании снижение было еще существеннее: с 2,3% до менее чем 0,5%, а в Германии — с 1,5 до 1% [8, 11]. При этом в ряде стран показатели темпов роста производительности труда (выраженной как ВВП на отработанный час) были выше в период 1996—2004 гг. по сравнению с предыдущим и последующим периодами.

Если рассматривать динамику производительности труда в ведущих странах за более длительный период, то можно отметить чередование повышательной и понижательной тенденций. Показатель производительности труда 30 крупнейших стран мира (доля в мировом ВВП—более 75%) за 50 лет (1961—2010) рос со среднегодовым темпом около 2% [3, 31—32]. При этом более высокие темпы роста производительности труда наблюдались в периоды 1961—1973 гг. (3,3%) и 1992—2010 гг. (2,2%). Напротив, в периоды 1974—1982 гг. среднегодовой темп роста производительности труда составил всего 0,9%, а в 1983—1991 гг. — примерно 1,4%. На основе этих данных Б. Лавровский делает вывод о том, что «длительный этап стагнации сменился продолжающимся до настоящего времени (за исключением кризиса 2008 — 2009 гг.) периодом не просто высокого, но возрастающего в тенденции темпа» [3, 32].

Представляется, что такой оптимистичный вывод несколько преувеличен. Во-первых, в число 30 крупнейших стран попали как ведущие индустриальные страны, так и страны со становящейся экономикой (например, Индия, Китай), в которых наблюдался более быстрый рост и ВВП, и производительности труда, что сказывалось на агрегированных показателях. Во-вторых, временной интервал 1992 — 2010 гг., рассматриваемый в [3], попадает на три периода, выделяемых экспертами ОЭСР, а тенденция к замедлению темпа роста производительности труда характеризует, прежде всего, последний период (2004—2014). Наконец, следует обратить внимание и на низкие темпы экономического роста в посткризисный период, что отражено в табл. 1, которые также не подтверждают тезис о «возрастающей в тенденции темпе» роста производительности труда.

В российской экономике динамика производительности труда в целом повторяла динамику ВВП. Так, производительность труда в России снижалась в 1990-е гг. во время трансформационного кризиса. В период роста экономики 2000-х гг. показатель производительности труда также стал увеличиваться. По оценкам, уровень 1990 г. был достигнут только в 2005 г. [3, 35]. При этом усилился отрыв по производительности от ведущих индустриальных стран: если в США производительность труда в 1990 г. была в 2,5 раза выше российской, то в 2010 г. — уже в 3 раза. Китай и Индия, напротив, сократили свое отставание от России по показателю производительности труда — соответственно в 5 и 2 раза [3, 35].

Исследование отраслевых показателей производительности труда в России дает более точную картину динамики указанного показателя. За период 1995—2008 гг. наивысшие темпы роста производительности труда сложились в производстве электронного и оптического оборудования (накопленный рост в 2,79 раз, что соответствует примерно 5,5% темпу среднегодового прироста), производстве кожи и изделий из кожи (2,54 раза, или 5% в среднем за год), производстве машин и оборудования (2,37 раза, или 4,6% в среднем за год) [2, 138]. Медленнее всего увеличивалась производительность труда в отраслях деревообработки (1,36 раз, или 1,6% в год) и производстве транспортных средств и оборудования (1,32 раза, или 1,47% в год). К сожалению, имеется недостаточно данных для системного анализа отраслевой производительности труда в период после кризиса 2009 г. Агрегированные показатели производительности труда по ВВП, валовой добавленной стоимости (ВДС) в экономике в целом и в отраслях материального производства представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Динамика производительности труда и отработанного времени
в экономике России, в % к предыдущему году**

Показатели	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Производительность труда по ВВП	7,49	7,17	4,78	-5,26	3,17	3,73	3,14	1,81	0,89
Производительность труда по ВДС	7,28	7,08	4,75	-4,15	2,76	3,30	3,15	1,85	1,04
Производительность труда в материальном производстве	5,24	4,01	2,89	-5,51	3,17	5,63	3,73	2,73	1,52
Отработанное время, всего	0,62	1,27	0,45	-2,71	1,29	0,51	0,36	-0,52	-0,18
Отработанное время в отраслях материального производства	-0,05	0,38	-0,69	-3,88	1,59	0,51	-0,22	-1,16	-1,28

Рассчитано по: [4; 6, 182; 7, 214].

При расчетах производительности труда использовались данные об отработанном времени в человеко-часах. К материальному производству были отнесены виды деятельности: сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, строительство, транспорт и связь.

Анализ данных табл. 2 подтверждает тенденцию замедления роста производительности труда и в России. При этом в отраслях материального производства эта тенденция выражена слабее, чем по экономике в целом, а сокращение отработанного времени, наоборот, выше. На замедление темпов роста производительности труда в экономике в целом по сравнению с отраслями материального производства могут влиять сложившиеся структурные диспропорции в экономике: чрезмерно разбухший сектор услуг, в котором реально происходит не производство, а перераспределение созданной стоимости, избыточная занятость в сфере услуг, наличие большого количества посредников в сфере оптовой и розничной торговли и т. п. Повышение производительности труда в этих сферах могло бы быть достигнуто в результате оптимизации издержек, сокращения избыточных видов деятельности и разного рода посреднических «услуг». Однако такая оптимизация невозможна без кардинальной смены модели экономического роста, восстановления приоритета реального сектора над финансовым. Сказанное можно отнести и к мировой экономике в целом.

Рассмотрим основные причины замедления роста производительности труда в ведущих индустриальных странах и в России.

Эксперты ОЭСР подчеркивают, что технологические сдвиги и связанные с ними процессные и бизнес-инновации больше не приводят автоматически к росту производительности экономики в целом. Напротив, существует риск, что люди менее квалифицированные и с меньшими возможностями останутся на низком уровне производительности, а во многих развивающихся странах — в неформальном секторе. Это снижает совокупную производительность и усиливает неравенство, подрывая усилия экономической политики по повышению производительности и роста экономики.

В частности, наблюдается тенденция усиления отрыва передовых фирм от фирм-аутсайдеров по темпам роста производительности труда. Так, в 2000-е гг. производительность труда в фирмах-лидерах, находящихся на верхней технологической границе производственных возможностей, увеличивалась в среднем на 3,5% в промышленности, по сравнению с 0,5% для фирм-аутсайдеров [8, 17—18]. Этот разрыв заметен и в секторе услуг, где рост производительности труда в ведущих фирмах составлял 5%, а в фирмах-аутсайдерах практически не менялся. К причинам такого разрыва эксперты ОЭСР относят: растущие возможности присвоения ренты фирмами-лидерами; способность этих фирм привлекать ограниченный объем высококвалифицированной рабочей силы, обладающей качественным человеческим капиталом и способной осваивать быстро меняющиеся инновации; а также сохранение на рынке фирм с низким уровнем технологической оснащенности, которые в этой связи используют ценные ресурсы непроизводительно. Высокие технологические барьеры ограничивают возможности новых фирм для входа на рынки, снижая конкуренцию и закрепляя сложившуюся ситуацию.

Технологические факторы оказывают влияние и на процессы усиления неравенства доходов и богатства, прежде всего, через влияние на растущие различия в доходах от труда и капитала. Дисперсия в доходах от труда вызвана долгосрочными структурными изменениями, порождаемыми НТП, а также изменениями в институтах рынка труда и политике занятости. В частности, новые технологии дают преимущество высококвалифицированным работникам, приводят к поляризации рынка труда и размыванию среднего класса. Неравенство доходов усиливается неравенством благосостояния. Люди с наивысшими доходами могут позволить себе лучшую медицину, обучение детей в лучших учебных заведениях. Эти неравенства усиливают друг друга, что ограничивает возможности большинства людей в реализации своего чело-

веческого потенциала, и также оказывает отрицательное влияние на производительность труда в экономике в целом.

На наш взгляд, причины замедления динамики производительности труда не ограничиваются технологическими факторами и неравенством в распределении доходов и богатства. Замедление роста производительности труда в последнее десятилетие приходится на завершение американского системного цикла накопления капитала, согласно *концепции системных циклов накопления капитала* Дж. Арриги (далее — СЦН) [1]. Завершающему этапу очередного СЦН соответствует фаза финансовой экспансии, когда финансовый сектор начинает доминировать над реальным, а накопление капитала происходит преимущественно при помощи финансовых инструментов. Как было отмечено в [5, 113], наивысшие темпы экономического роста в мире пришлись на период 1950 — 1973 гг., когда мировой ВВП увеличивался в среднем на 5%, а подушевой ВВП рос на 3% в год. Этот период примерно соответствовал фазе материальной экспансии американского СЦН, а ведущую роль играл реальный сектор, что и нашло отражение в высоких показателях роста производительности труда. С середины 1970-х гг. фаза материальной экспансии сменяется фазой финансовой экспансии, особенно ярко выраженной в период усиления глобализации в 1990-е и 2000-е гг. Не случайно, показатели «производительности труда» (а точнее — добавленной стоимости на человеко-час труда) в секторе услуг, по оценкам экспертов ОЭСР, оказались выше, чем в промышленном секторе: в условиях господства «финансомики» сектор услуг по основным параметрам становится лидирующим (а внутри него лидирует, безусловно, сектор «финансовых услуг»).

Доминирование финансового сектора в экономике ведущих стран в 2000-е гг. привело также к их частичной деиндустриализации, а в свою очередь вывоз производств в Китай и другие страны Юго-Восточной Азии положительно сказался на темпах роста экономик указанных стран и повышению производительности труда в них. Решение стоящей на повестке дня не только в России, но и в ведущих западных странах (в том числе США) задачи реиндустриализации (или новой индустриализации) должно привести к выправлению структурных диспропорций между реальным и финансовым секторами, возвращению приоритета реальному сектору экономики и повышению производительности труда в отраслях материального производства. При этом вопрос о формировании нового СЦН остается открытым. С одной стороны, бурное развитие Китая и Индии в последние двадцать лет создало предпосылки для перемещения центра накопления капитала и экономического роста в эти страны, которые могли бы стать ядром нового

(азиатского) СЦН. С другой стороны, сохраняющееся превосходство США и ведущих стран Запада в технологическом плане над странами ЮВА оставляет возможность для «перезапуска» американского СЦН при успешном осуществлении политики новой индустриализации. Однако, в отличие от прежних эпох, в настоящее время на Земле не осталось «свободных территорий», которые можно было бы вовлечь с нуля в новый процесс накопления капитала, что обостряет конкуренцию между ведущими экономическими центрами в мировой экономике.

Замедление темпов роста производительности труда в России и тенденция к сокращению количества отработанных часов труда усиливают стоящий перед страной вызов — необходимость перехода к новой модели экономического роста. При этом возможности экономического роста за счет увеличения количества отработанного времени ограничены структурой рабочей силой и неблагоприятными демографическими факторами (в частности, процессом старения населения).

Объективная задача России в этих условиях заключается в проведении политики новой индустриализации двоякого рода. Прежде всего, требуется устранение последствий глубокой деиндустриализации экономики, повышение роли промышленного сектора и его ядра — машиностроительного комплекса в создании добавленной стоимости. Однако такое восстановление не может происходить на прежней технологической основе, поскольку за двадцать пять лет НТП существенно изменил уровень промышленного развития. Поэтому простой *реиндустриализации* (в отличие от США и Западной Европы) для России недостаточно — необходима именно *новая индустриализация*, которая может быть осуществлена только на основе качественного совершенствования производительных сил при переходе к неоиндустриальному типу экономического роста. Для этого необходимо провести масштабное обновление основного капитала на новой технологической основе, осуществить инвестиции в инфраструктурные проекты. В необходимости решения этой задачи Россия не является исключением. Недостаточные инвестиции в физический капитал явились одним из факторов, тормозящих рост производительности труда в развитых странах [8]. Другой фактор замедления роста производительности труда — растущее социальное неравенство — также актуален в условиях российской экономики. В русле перехода к новой модели экономического роста на основе неоиндустриальной парадигмы необходима активная государственная политика по преодолению чрезмерного социального неравенства. Это позволит увеличить производительность труда и повысить темпы роста экономики, что в свою очередь, отразится и на повышении уровня доходов и благосостояния.

Проведение политики новой индустриализации требует кардинального пересмотра сложившейся официальной доктрины экономического развития страны, перехода от мелких институциональных усовершенствований в уповании на свободные силы рынка к активной структурной и промышленной политике, внедрения инструментов прогнозирования, программирования и стратегического планирования экономики в практику экономической политики, подчинения денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики не краткосрочным задачам финансовой стабилизации и «таргетирования инфляции» за счет удешевления реального сектора, а долгосрочной задаче экономического роста и увеличения производительности труда, и, как следствие, сокращения социального неравенства и повышения уровня и качества жизни подавляющего большинства населения.

Литература

1. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006.
2. *Зайцев А.А.* Производительность труда в отраслях обрабатывающей промышленности России: динамика и межстрановые сопоставления // *Экономическая наука современной России.* 2015. № 4.
3. *Лавровский Б.* Оценка производительности труда в России и мире // *Экономист.* 2014. № 12.
4. Росстат // <http://www.gks.ru>.
5. *Теняков И.М.* Современный экономический рост как особая форма процесса накопления капитала // *Философия хозяйства.* 2016. № 2.
6. Труд и занятость в России. М.: Росстат, 2011.
7. Труд и занятость в России. М.: Росстат, 2013.
8. The productivity-inclusiveness nexus. OECD. Paris, 1—2 June 2016 // <http://www.oecd.org>.
9. World Economic Outlook Database, October 2016. IMF // <http://www.imf.org>.

References

1. *Arrigi Dzh.* Dolgiy dvadtsatyy vek: dengi, vlast i istoki nashego vremeni. M., 2006.
2. *Zaytsev A.A.* Proizvoditelnost truda v otraslyah obrabatyivayuschey promyishlenno-sti Rossii: dinamika i mezhsranovyye sopostavleniya // *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii.* 2015. №. 4.

3. *Lavrovskiy B.* Otsenka proizvoditelnosti truda v Rossii i mire // Ekonomist. 2014. № 12.
4. Rosstat // <http://www.gks.ru>.
5. *Tenyakov I.M.* Sovremennyiy ekonomicheskoy rost kak osobaya forma protsessa nakopleniya kapitala // Filosofiya hozyaystva. 2016. №. 2.
6. Trud i zanyatost v Rossii. M.: Rosstat, 2011.
7. Trud i zanyatost v Rossii. M.: Rosstat, 2013.

V

**РЕЦЕНЗИИ
И ОТКЛИКИ**

Не смог смолчать, или Признательное приободрение

В прошедшем 2016 г. случился у автора сих признательных строк великовозрастный, весьма уже и итоговый, юбилей, наступивший его, по правде говоря, не на райском Лазурном берегу или где-нибудь в сверкающих на ярком солнце белоснежных Альпах, как это принято у вполне успешных в делах и по жизни «граждан мира сего», а... в московской клинике, почти что и роскошной, во всяком случае, безупречной, но все-таки в клинике — для безотлагательного излечения.

Там-то, в этой самой клинике, и был встречен повинный в юбилее сентябрьский день, ознаменовавшийся нежданно-негаданно одним чудесным событием: внезапным появлением в руках очаровательной больничной посетительницы — сотрудницы юбиляра по университету, некой белой книжицы, под хитроумным наименованием «Отражения»¹, — как оказалось, оперативно и тайно от юбиляра подготовленным коллегами-товарищами отменным юбиляру подарком — сборником ученых текстов, после волнительного ознакомления с которым автору сих признательных строк стало ясно, что это был не просто наиприятнейший юбилейный подарок, а самый что ни на есть... *сакральный дар*, да не юбиляру вовсе, хотя и не без этого, а всякому нестандартно мыслящему ныне ученому сознанию!

Отчего же?

Нет, вовсе не по причине выразительных выкладок в адрес юбиляра и его неоднозначного творчества, иной раз и невероятных, хотя и, чего греха таить, доставивших юбиляру немалое «тайное удовлетворение» — не зря, видно, старался! — а вследствие совсем другого обстоятельства — дружного погружения создателей сборника, пусть и в разной мере, не говоря об их личной творческой самобытности, в сферу онтологического и гносеологического *Иного*, уже ставшего для юбиляра близким, манящим и дорогим, как раз того самого *Иного*, заметим особо, вполне соразмерно далекого, чуждого и отталкиваемого для сложившейся в непоколебимый и неодолимый формат официальной учености.

Сколько же билось там, в этой вроде бы сходу, чуть ли не впопыхах, сотканной книге, глубоких мыслей, ярких высказываний, знаменательных заключений, невозможных откровений!

¹Отражения (к юбилею Ю.М. Осипова) / Под ред. Е.С. Зотовой. — М.: ТЕИС, 2016. — 213 с.

Да ладно бы касательно уже ранее содеянного, давно уже хорошо обдуманного, а то ведь и вдруг открывающегося, что случается при конспиративном искрящемся контакте страждущего сознания со сферой незнания, с трансценденцией, с тайной мира сего! В руках счастливого юбиляра оказался не просто сборник разных по сути, жанру и стилю текстов, хотя все статьи в нем были вполне оригинальны и самодостаточны, а вполне, знаете ли, роковая книга, из которой исходил мощный, парадигмально почти что единый, поток свежей воззренческой мысли, явно уже вырвавшейся на простор и никем и никогда уже не остановимой!

«Живая вода» была фонтаном из книги-родника, вполне и спасительная!

Необыкновенное тут стало софийное происшествие!

Пожалуй что, и кое-какая *виктория*, вовсе и небезобидная!

Отсюда и великая признательность, и достойное восхищение, и памятная эпохальная зарубь: свершилось и да будет!

Юбиляр

А.И. СУБЕТТО

Дилемма хаоса и порядка: на пути к ноосферной управляемой экономике*

Аннотация. В статье автор размышляет на тему «экономика как креативный хаос». Отмечается, что хаос в качестве метафоры, возникновение порядка из хаоса — важнейший компонент мифа о мире и происхождении человечества. Любая система, в том числе экономическая, имеет свою меру хаоса и порядка. В XXI в. дилемма хаоса и порядка будет разрешаться в пользу становления ноосферы, успешного существования и развития всего человечества.

Ключевые слова: биосфера, ноосфера, ноосферизм, порядок, хаос, хаос диалектики, русский космизм, глобальная экологическая катастрофа.

*Известный ученый-экономист, глава научной школы философии хозяйства Ю.М. Осипов предложил для дискуссии на теоретическом семинаре в МГУ имени М.В. Ломоносова тему: «Экономика как творящий хаос» (14 февраля 2017 г.). Данная статья — отклик автора на призыв поразмышлять на заданную тему.

Abstract. In this article author speculates on the theme: «Economics as a creative chaos». Theme of discussion was offered at the theoretic seminar (February 14, 2017) at M.V. Lomonosov MSU by a famous scientist-economist, head of the Scientific School of Economy Philosophy Yuri Mikhailovich Osipov. In this article author suggests that the «Chaos» as a metaphor is the most important component of mythologem of the world and mankind origin of almost all nations. Moreover, there is a genesis of order from chaos in almost all «myths about the origin of the world». Author is sure that any system, including any country, as well as Russia, and any economy, any economy system has a «prior measure». Positive solution of this dilemma for the mankind in the XXI century will at the same time be a positive solution of the «dilemma of chaos and order» in favor of making of the noospheric controllables of economy and economic activities, in favor of the successful «Birth» of the Actual, which means Noospheric, Reason of a Person and Mankind as a whole!

Key words: biosphere, noosphere, noospherism, metalaw, chaos, chaos dialectics, Russian cosmism, global ecological catastrophe

УДК 111
ББК 65в

Хаос как метафора входит важнейшей компонентой в мифологемы происхождения мира и человечества почти у всех народов мира. При этом почти во всех мифах о происхождении мира присутствует генезис порядка из хаоса. Сейчас хаос в «физике возникающего» (по Пригожину), а также в современной космологии заменяется *физическим вакуумом*, свойства которого имеют сходства и со свойствами хаоса («белый шум», «фликкер-шум»), и со свойствами порядка.

Думаю, что мир *хаоса-космо* (космос — порядок) диалектичен даже в том своем базовом слое, в котором угадываются истоки его происхождения, т. е. не есть ни хаос в его идеальном представлении, ни порядок, где все детерминировано в Архимедовом или Лапласовском смыслах, т. е. хаос — основа существования порядка, а основой существования порядка является хаос, и их синтезом и служит онтологическое творчество [1—3], с признанием которого *природа предстаёт как самотворящая природа (природа-пантакреатор)*.

В этом контексте и природа, и экономика, и общество в своем развитии подчиняются сложной диалектике хаоса и порядка, в которой отражается спирально-циклическая логика развития, при этом с «вектором» растущей сложности, кооперативности структур эволюционирующих систем, с одновременным «запоминанием» любой прогрессив-

ной эволюцией (т. е. сопровождающейся ростом сложности систем) самое себя, механизм которого выражает собой открытый автором системогенетический закон спиральной фрактальности системного времени [2—5].

Из этого утверждения следует, что любая система, в том числе и страна, Россия в том числе, и любая экономика, любая хозяйственная система имеют «априорную меру» — в смысле ее заданности в понятиях границ «коридора» развития данной системы «верхними» надсистемными уровнями в иерархической системной организации мира (в «системной вертикали» мира [3; 4]), выход за которые грозит «смертью» системе, т. е. системной катастрофой. Эти «границы» на уровне «системы» мы называем «законами» функционирования и развития системы. А вот внутри коридора развития есть и место онтологическому творчеству, которое можно условно назвать и *творящим хаосом*.

Экономика как денежная, капиталоморфная система хозяйствования на базе частной собственности и рынка, т. е. капиталистическая, империалистическо-колониальная экономика, имеет стихийную (т. е. рыночно-стихийную) форму развития, за которой прячется отчужденная от этого развития *капитал-мегамашина*, подвергающая все и вся капиталорационализации, в том числе и человека, и природу, пытающаяся исходя из принципа максимизации функционала прибыли и концентрации денежного капитала «в руках» мировой финансовой капиталократии, подчинить себе и законы биосферы и планеты Земля как суперорганизмов через их «голое отрицание».

И в XXI в. наступает момент истины. Вдруг в «ответ» на наступление «дышащего хаосом» строя мировой финансовой капиталократии и глобального империализма на все основы жизни человечества и природу биосфера и планета Земля как надсистемы по отношению к человечеству и его системе мирохозяйственного природопотребления среагировали вначале глобальным экологическим кризисом (в середине XX в.), а затем первой фазой *Глобальной экологической катастрофы* (на рубеже 1980-х — 1990-х гг.), тем самым заявив на своем «языке катастроф», что такая заданная («априорная») экологическая мера хозяйства человечества существует, нарушение которой есть не «предмет» спора между капитализмом и социализмом, а «предмет» Смертельного экологического приговора всей рыночно-капиталистической системе, строю мировой финансовой капиталократии, ценностям прибыли, наживы, обогащения, паразитизма, как жизни одних за счет эксплуатации других, эгоцентризма, гедонизма, «пира во время чумы» (как это хорошо показал А.С. Пушкин) капиталократии при одновре-

менном росте взрывной энергии несогласного с судьбой «мусора истории» большинства нищенствующего человечества.

При этом надо осознать, что все «конусы» прогрессивной эволюции — атомной, молекулярной, биологической, антропной и социальной — на Земле подчиняются действию двух метазаконков: (1) метазакону сдвига от доминанты закона конкуренции и механизма естественного отбора (механизма запаздывающей обратной связи) — к доминанте закона кооперации и механизма интеллекта (механизма опережающей обратной связи); и (2) метазакону интеллектуализации, или «оразумления», прогрессивной эволюции (рост сложности систем сопровождается опережающим ростом интеллекта систем).

Что это означает с позиции диалектики хаоса и порядка? — То, что по мере роста сложности систем растет не только их порядок, а значит, хаос упорядочивается (но не исчезает), но и управляемость будущим (а интеллект как эволюционный механизм и есть управление будущим) со все увеличивающимся лагом упреждения.

Действует открытый автором закон: чем больше энергетика хозяйственного воздействия со стороны социальной системы на природу — биосферу и планету Земля, тем больше должен быть лаг упреждения в прогнозе динамики изменения внешней среды и соответственно тем выше должно быть качество стратегического управления на долгосрочном горизонте [1; 6].

При этом само понятие *прогрессивная эволюция* как эволюция, сопровождающаяся растущей сложностью, кооперативностью структур систем означает растущий порядок, т. е. рост негэнтропии, который сопровождается увеличением роли интеллекта как механизма эволюции, т. е. развитием качества прогрессивной эволюции как эволюции управляемой.

Сформулированные выше два метазаконка определяют наступление ноосферного этапа в космогонической эволюции, в том числе в эволюции биосферы земли и в социальной эволюции человечества, т. е. в истории как закономерном явлении.

Первая фаза Глобальной экологической катастрофы поставила *предел* не только эволюции хозяйства и экономики в рыночно-капиталистическом формате (кстати, в Докладе Мировому банку в 1991 г. под редакцией Гудленда, Дейли и Эль-Серафи был вынесен своеобразный вердикт: в земной экологически заполненной нише, которую занимает человечество, рынок как механизм развития исчерпал себя), но и всей стихийной истории, и обозначила переход биосферы в единстве с человечеством к управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта, научно-образовательного общества и

ноосферного экологического духовного социализма, т. е. к ноосферной истории и к ноосферной управляемой экономике.

Творчество творчеству рознь. Речь идет о том, чтобы творчество человечества работало на прогресс творческой эволюции биосферы с учетом действия законов-ограничений (законы Бауэра—Вернадского, закон квантитативно-компенсаторной функции биосферы по А.Л. Чижевскому), отражающих собой гомеостатики биосферы и планеты Земля как суперорганизмов.

Наступивший Экологический предел стихийной истории капитализму, рынку и либерализму есть одновременно и предел «прометеевскому, мифистофельскому человеку», возмнившему себя господином на Земле, хотя за его спиной смеется капитал-сатана как фетишная сила капитала, находящийся в своем самомнении власти над человеком и природой — уже на краю своей экологической гибели.

Капитал-сатана соблазняет человека вседозволенностью потребления, наслаждений и самовлюбленного творчества «с белого листа», отрицающего ту эволюционную память, которая живет в бессознательном каждого человека и в социокультурной памяти народов и обществ, которое вступает в конфликт с природой, а значит, с человечностью. Этот тип творчества и обслуживающей его культуры в капиталистическом обществе, в образовании и в бизнесе (появилось даже понятие «креативный класс») получил название *постмодернизма*, и за этим опять раздается смех антиразума капитала-фетиша, или Капитал-сатаны.

Итак, творческая, прогрессивная эволюция капиталистической — на базе рынка и частной собственности — экономики (как «творящего хаоса») закончилась, и хотя человечество и экономика как наука не совсем это осознали, превратилась вместе с капитализмом в «экологический труп». Закончилась вследствие наступивших экологических пределов такой стихийной частнособственнической формы социально-экономического развития.

Вместе с первой фазой Глобальной экологической катастрофы наступила эпоха великого эволюционного перелома, которая есть эпоха краха капитализма, рынка и либерализма и одновременно эпоха ноосферной социалистической революции.

В России, в 2017 г. — в году столетия Великой русской социалистической революции — наступает момент истины как момент осознания величия *русского прорыва* человечества к социализму в лице СССР и плановой экономики, которую Анри Барбюс в начале 1930-х гг. в книге «Сталин» назвал *управляемой экономикой*. Именно это историческое наследие с одновременным развитием ноосферной меганауки —

ноосферизма, наследия ноосферной научной школы в России, а также российской школы философии хозяйства С.Н. Булгакова — Ю.М. Осипова, школы русского космизма определяет, по мнению автора, Россию духовным водителем ноосферного прорыва XXI в.

Наступающая мера хозяйствования человечества на Земле есть ноосферная мера, которая определяется тем, насколько хозяйство человечества на Земле ноосферно-экологично. Ноосферная экономика и ноосферное хозяйство — это такие экономика и хозяйство, которые обеспечивают управляемую социоприродную эволюцию в границах коридоров — и для экономики хозяйства, и для биосферы в целом как подсистемы планеты Земля — которые определяются действием их гомеостатических механизмов.

За этим стоят ноосферная трансформация власти, грядущий ноосферный синтез науки и власти, потому что и ноосферная экономика, и управление социоприродной эволюцией, т. е. эволюцией системы «социум — экономика/хозяйство — биосфера — планета Земля», являются интеллектоемкими, наукоемкими, образованиеемкими. Либерал-монетарист-экономист Хайек провозгласил невежество как основу свободы и капиталистической, монетарной формы экономического развития. Но этот либерально-монетарный принцип невежества, хаосогенного творчества — один из факторов наступления первой фазы Глобальной экологической катастрофы.

Императив управляемой социоприродной эволюции — единственной модели устойчивого развития, по автору, есть императив научного управления. Ноосферная управляемая (планово-рыночная) экономика при доминировании закона кооперации над законом конкуренции, плана над рынком возможна только на базе синтеза науки и власти, причем синтеза на основе ноосферных мировоззрения и духовно-нравственной системы.

«Любовь к хаосу», за которой стоит бегство от ответственности за экологические последствия от принимаемых управленческих и проектных решений, может оказаться «любовью к смерти», своеобразным индикатором духовной, информационной и антропологической катастроф как отражения процессов первой фазы Глобальной экологической катастрофы.

Фокус стратегии выживания человечества — роды действительного разума как разума управляющего, способного качественно управлять ноосферным социально-экономическим развитием и социоприродной эволюцией. Речь идет об управлении той хаосогенной составляющей, которая объективно связана с творчеством человека и которая допустима в рамках тех предметов, которые разрешаются гомеостати-

ческими механизмами, обеспечивающими целостность общества, цивилизации, страны, человечества, биосферы и планеты Земля.

Человечество стоит перед дилеммой: либо погибнуть в пучине глобальной капиталистической катастрофы, вызванной экологическим безумием своекорыстного капиталистического разума (Н.А. Бердяев в 1918 г. опубликовал свою глубокую пронизательную мысль: «в корыстном интересе таится безумие»), либо перейти к новой, ноосферной, парадигме всей истории как истории управляемой, но в новом качестве — как управляемой социоприродной эволюции на базе ноосферного экологического духовного социализма. И позитивное разрешение этой дилеммы для человечества в XXI в. будет одновременно и позитивным разрешением «дилеммы хаоса и порядка» в пользу становления ноосферных управляемых экономики и хозяйства, в пользу успешных «родов» действительного, а значит ноосферного, разума человека и в целом человечества!

Литература

1. *Субетто А.И.* Грядущий ноосферный синтез науки и власти (восемь положений-теорем) / Под ред. Л.А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2016. 44 с.
2. *Субетто А.И.* Жизнь как единство творчества, здоровья и гармонии человека и общества / Под ред. В.Т. Пуляева. СПб.: ЛОИРО, 2016. 265 с.
3. *Субетто А.И.* Манифест системогенетического и циклического мировоззрения и креативной онтологии. Тольятти: МАБиБД, 1994. 48 с.
4. *Субетто А.И.* Системогенетическая парадигма теории времени и пространства / Под ред. В.В. Лукоянова. СПб.: Астерион, 2016. 60 с.
5. *Субетто А.И.* Творчество, жизнь, здоровье и гармония (Этюды креативной онтологии). М.: Изд. фирма «Логос», 1992. 204 с.
6. *Субетто А.И.* Управляющий разум и новая парадигма науки об управлении (в контексте ноосферного императива XXI века) / Под ред. В.В.Лукоянова. СПб.: Астерион, 2015. 52 с.

References

1. *Subetto A.I.* Grjadushhij noosfernyj sintez nauki i vlasti (vo-sem' polozhenij-teorem) / Pod red. L.A. Zelenova. SPb.: Asterion, 2016. 44 s.
2. *Subetto A.I.* Zhizn' kak edinstvo tvorchestva, zdorov'ja i garmonii cheloveka i obshhestva / Pod red.V.T. Puljaeva. SPb.: LOIRO, 2016. 265 s.

3. *Subetto A.I.* Manifest sistemogeneticheskogo i ciklicheskogo mirovozzrenija i kreativnoj ontologii. Tol'jatti: MABiBD, 1994. 48 s.
4. *Subetto A.I.* Sistemogeneticheskaja paradigma teorii vremeni i prostranstva / Pod red. V.V. Lukojanova. SPb.: Asterion, 2016. 60 s.
5. *Subetto A.I.* Tvorchestvo, zhizn', zdorov'e i garmonija (Jetjudy kreativnoj ontologii). M.: Izd. firma «Logos», 1992. 204 s.
6. *Subetto A.I.* Upravljajushhij razum i novaja paradigma nauki ob upravljenii (v kontekste noosfernogo imperativa XXI veka) / Pod red. V.V. Lukojanova. SPb.: Asterion, 2015. 52 s.

А.А. СУББОТИН

**Планетарный эволюционизм и Россия,
где Земля затаилась на время***

Аннотация. В книге Н.Б. Шулевского «Планетарный эволюционизм» (2015) рассматривается новая концепция экологически ориентированного мышления и мировосприятия, основанная на русском национальном самосознании и мировой мифологии, а также философских идеях, которые искали предпосылки гармоничного взаимодействия человека и Земли или просто пытались понять, что такое человек. Земля показана как мистический субъект — Богородица, мать и Учитель народов, предавших ее из-за стремления к обогащению и ложно понимаемому развитию. Автор стремится донести до неравнодушного читателя вековые крестьянские аксиомы, вечные смыслы, выражая их живым, своеобразным языком.

Ключевые слова: Земля-мать, Земля-мудрость, Земля-Учитель, Земля-Россия.

Abstract. The book by Nikolay B. Shulevsky *Planetary evolutionism* (2015) considers the new concept of ecologically oriented mindset and outlook. It is based on Russian national consciousness and world mythology, as well as the philosophic ideas that sought harmonic interaction between humans and the Earth or simply tried to fathom what human is. The Earth is presented as a mystical subject — the Mother of God, the Mother and the Teacher of nations that betrayed her in their striving for enrichment and

*Рецензия на кн.: *Шулевский Н.Б.* Планетарный эволюционизм. — М.: ИКД Зерцало. М., 2015.

falsely interpreted development. The author tries to convey ancient peasant axioms and eternal notions to an interested reader expressing them through vivid and original language.

Key words: Mother Earth, wisdom Earth, Teacher Earth, Russia-Earth.

УДК 111
ББК 65в

«Богородица что есть, как мнишь старица?
— Великая мать, упование рода человеческого.
— Так, Богородица — великая мать сыра земля
есть, и великая в том для человека заключается радость».
Ф.М. Достоевский

Земля — мать наша: и кормит, и поит, и одевает
нас.

Пословица

Ученые, философы, теологи, экспертные и некие сообщества обещают скорый конец современного мира. Уже прошли отпевания Бога («Бог умер» — Ницше), автора, человека, индивида («смерть автора», появление «дивида» — постмодернизм), истории (фукуямовский «конец истории»), бытия («черные дыры»), само мироздание кончается, становясь «Хаосмосом» (Д. Джойс).

Но почему-то никто из радетелей человечества, его гениев и гениотов предлагает идей, учений, теорий, доктрин, которые не просто отпевали существующий мир, не просто трубили бы о его «конце» (непонятно — о конце без конца или все же с концом?), не просто уверяли бы нас о новых возрождениях и спасительных проектах, а предлагали бы именно Начало Нового Мира, мира Иного, в котором содержались бы зародыши, семена не столько новой жизни, сколько жизни, продолжающей себя вопреки всем аномалиям бытия и прогнозам его аномалистов.

Мыслители, заикленные на идее «конца», не видят того, что в мире сем есть поколения не только «уходящих», но и «приходящих», которые мало верят во всякие концы, ибо только что оттуда прибыли и помнят, что конец — жалкое зрелище по сравнению с идущим в неизвестность Новым Началом. Приходящим поколениям нужны новые начала бытия, жизни, развития, России; и эти начала должны быть столь же неизбежными и непреклонными, как и воспеваемые концы.

Казалось бы, в наше время создать теорию, провозглашающую не конец прежнего, а начало неизбежного и неотвратимого нового, невозможно, но Россия — край невозможного, и в ней такая теория представлена книгой «Планетарный эволюционизм», созданной Н.Б. Шулевым.

Автор концепции (хотя ему не нравится слово «концепт»²) — специалист в области диалектики, теории познания, онтологии, философии хозяйства, софиасофии, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. Книга написана не академическим «мимозом», а языком, который взывает к голосам и смыслам Земли, и стилистически ближе к устной речи лектора, чем к тексту. Чего стоят хотя бы слова «евриканский» (с. 10) или переделка МВФ в МФВ и расшифровка его как *Международного Фонда Воланда* (с. 20)! Незнакомым с автором лично, в отличие от слишком правильного языка философии, такие смысловые гранаты взрывают бункер № 56 Воланда. Н.Б. Шулевский не устает предупреждать студентов от «попадания в клетку готового знания», и этой цели стиль книги вполне соответствует.

Книга особо выделяется своей необычной, огненной и несокрушимой правдой. В ней ясно, четко, уникальным способом прописывается Новое Начало бытия, мысли, сознания, эволюции, России — Начало, вырастающее из органического, смыслового слияния настоящего, прошлого, возрождающегося, уходящего в единую целостность вечной традиции, это Начало, дающее новый старт России и человеку, автор назвал «планетарным эволюционизмом», который является частью Нового (Нового с большой буквы) мировоззрения — *софиасофии*, принципом новой духовно-практической доктрины — *философии хозяйства*.

И вкратце это Новое Начало можно представить следующим миротворным алгоритмом: вначале субъектом жизненного мира человека была Земля; затем — грянула греховная катастрофа, и бразды эволюции Земли взял человек, который своим алчным умом с радостью дауна ведет ее к апокалиптической развязке. Но сегодня Земля восстала против даунистов и возвращает свою миротворную роль в эволюции, но уже в союзе с горьким, хотя и с бесполезным человеческим опытом. Это восстановление идет, с одной стороны, посредством Учителя, Школы,

²«Бездушно-спидушное семизначие “концепт” обозначает всяческую заумь, творимую философией, ибо наукам концепты не положены; наукам присущи “аспекты”, “конспекты”, “проспекты”, “функцепты”, “конструкты”, “мудепты”; искусству положены “аффекты”, “эффекты”, “консенсусы”, “развертки”, “перцепты”, фу, хватит» (с. 305).

«по-хорошему» ведущих человека к благой жизни, а, с другой стороны, посредством катастроф, катаклизмов, которые уже «по-плохому» вразумляют оставшихся людей, требуя от них блости императивы Земли. Сакральный «кнут и пряник» в любом случае формирует Нового интегрального субъекта, в котором сливаются императивы Земли и творческие устремления человека.

Книга объемная и многоплановая, она выражает языком идей жизнь Космоса как тайного существа, действующего посредством своих известно-неизвестных, смысловых и соборных соавторов богатырей — Земли, Традиции, Эволюции, Метода, Учителя, Софиасофии, России.

Книга посвящена не только людям-читателям, но прежде всего Земле, которая и делает «Образ и Подobie» человеком, а его сознание и разум таинственно связывает с миром Иным. Книга исполняет философский долг перед Землей — подлинным Субъектом и Хозяином Дома, в котором человек живет, который обеспечивает его всем необходимым и даже излишним (оружие). Земля выступает определяющим сакральным Субъектом народов, племен, наций, федераций, империй, культур и цивилизаций. Земля для автора не объект, в который превращает ее людская алчность, движимая смертью, а постоянный соавтор и субъект жизни. И даже для мертвых сырая и холодная Земля становится родной, связывающей их со своей Родиной. Ф.И. Тютчев видел в Земле живое существо, имеющее душу, язык, свободу, способное даже и на любовь. Автор пытался перевести на язык людей эту непереводимую, провидческую, божественную чудо-жизнь матери-сырой-земли, сделав ее богиней мира Иного.

Н.Б. Шулевский следует сакральной *Традиции* в понимании Земли, которая исполняет провиденциальные замыслы и решения Бога, неопределенную волю рока, смысловые планы Софии Премудрости Божией допускает жизненные и прогрессивно-пагубные деяния людей, inferнальные соблазны дьявола, которому она тоже дает последнее утешение и прибежище.

В мифологиях, фольклоре Земля выступает субъектом священной мудрости. Гея у древних греков была первым божеством, преодолевшим Хаос; она — мать всего, что живет и растет на ней, владеет прорицанием в Дельфах, предупреждая человека, что нужно сначала познать истину своих желаний, а уж потом их удовлетворять. В древнерусской традиции Земля выступает как божество — мать-сыра-земля, затем в славянской ноосфере ее священство стало Богородицей.

Алчность людская, превратив Землю в объект, в ресурсы, убивает и добывает ее рыночным монотеизмом и прогрессивным деизмом,

лицемерно прикрывая свою ложь фиговыми листьями экологических деклараций. Но от суда Земли не ускользнет никто, она все помнит и всем нечестивцам выберет софийную кару.

Особое место в книге занимает теория развития (эволюции), которая после Гегеля и Маркса диалектически поджала хвост и бросилась в омут бифуркаций, деконструкций, трансформаций, аннигиляций, автомутаций. Автор не приемлет термин «глобальный эволюционизм», за которым скрывается мечта евриканцев о голубом покорении Земли, игнорирующих при этом ее волю и ответы на такие безумные деяния людей.

Планетарный эволюционизм признает только Землю субъектом истории; а человек может стать субъектом хотя бы своей суеты лишь в меру своего соответствия субъектности Земли. Иначе весь его активизм сделает его лишь объектом inferнальных манипуляций хаоса и энтропии.

В книге решаются вопросы целей развития (эволюции). Куда они ведут? Куда развивается само развитие? Куда эволюционирует сама эволюция? Ответ: развитие и эволюция ведут в широкий мир творчества Земли, которая укрощает их огненную вольность, делает их средствами мира и человека, освобождая их от плена у прогресса в никуда.

Планетарный эволюционизм доводит уже имеющиеся методы до новой методологии — триалектики (полилектики). После Гегеля и Маркса диалектическая методология осталась без смыслового «окормления» и стала inferналом. В планетарном эволюционизме триалектика работает как методологический аналог Св. Троицы. Если в диалектике царят «война» противоположностей, насилие и подавление их свобод, то в триалектике движущей силой служат не противоречия, а единоречия частей целого. Поэтому предметной единицей анализа в диалектике служат дуальные, враждующие полюсы, а в триалектике — троичные структуры (триады). В русской культуре триалектика успешно работает в философии хозяйства и в софиасофии Ю.М. Осипова, который в качестве предмета анализа исследует целостности, состоящие из единоречий Софии Премудрости Божией, Земли и человека хозяйствующего. Триалектика хранит Землю и человека.

Планетарный эволюционизм доказал, что автономное развитие неизбежно становится хаосом, угрожающим Земле и людям. Человек безнадежно околдован развитием, прославляя даже свою гибель от него³. Но мудрость Земли видит другие его перспективы. Само развитие

³«Was, alles entsteht, ist wert, zu Grunde geht» («Все возникшее ценно лишь тем, что вновь погибнет» — Гете).

вынуждено стать управляемым и направляемым разумом и сознанием людей. Но для свершения такого переворота властной инстанцией общества должны стать Школа, Учитель, который может скорректировать ход эволюции в благом направлении. Сама Земля порождает учителей, которые должны учить людей в целях самосохранения, служить не прогрессу, а посредством развития и эволюции — благопроцветанию Земли. Только Учитель своей жертвенной работой сможет повернуть развитие в безопасное русло Земли и человека, сделать его их средством, а не самоцелью.

Поэтому Школа и Образование должны стать основными творящими и сохраняющими силами. Так, автор подчеркивает важность Школы, имея в виду всеобщий институт, в котором «человек осваивает не только знания, обучается создавать не только различные изделия (оружие), но и становится членом творческого содружества людей, занятых созиданием нужных ему и обществу типов развития. Верно, что проблема «Учитель» общепланетарная, но тогда она должна решаться и в рамках общепланетарной идеологии — планетарного эволюционизма, и ее целью должно быть благо Земли, которое содержит в себе и малое благо человека, который учится быть достойным землянином, учится защищать Землю от антиземлян среди людей. Все проблемы общества и жизни упираются, в конечном счете, в школу и в оружие» (с. 183—186).

Планетарный эволюционизм опирается на новый тип мудрости — *софиасофию*, которую открыл и успешно разрабатывает великий мыслитель русской ноосферы Ю.М. Осипов. Софиасофия преобразует смысловые напевы православия, науки, философии, искусства в новую мудрость, воспринимающую откровения разума, сознания, Земли, мудрость Софии. За апокалиптичностью истории софиасофия видит развитие в оптике Иного мира, обновляющего Землю и уцелевших людей.

Посредством софиасофии история выступает как живое писание, продолжаемое соборным советом Господа, Софии, Земли, человека, технопоброгресса, дьявола, войн, корыстных деяний людей. Из всей этой массы взаимодействий творятся скрытый и неуловимый смысл, конечная цель бытия и человека, уже сделавших шаг посредством софиасофии в мир Иной, где богатыри заждались на соборе Земли людей, достойных ее величия. Первыми гражданами мира Иного будут дети и Учителя, которые нуждаются в софиасофии, а она невозможна без их гегемонии в обществе.

Планетарный эволюционизм является сакральной, естественной, человеческой, образовательной метафизикой России, ее скрытой мудрости, недоступной для алчности людской. Известно, что умом Россию

не понять, ибо ее сущность неотделима от мудрости Софии и Земли, а потому Россия приоткрывает иногда свой лик посредством *софиасофии*, которая постигает Россию не умом, а душой, справедливостью, световой мистикой и мудростью сознания.

Пространства Земли спасают Россию от нашествий, растворяя и поглощая завоевателей своими безмерными далями. Софийная мудрость спасала и спасает Россию от духовной колонизации, от смыслового порабощения ее ума и сознания. И планетарный эволюционизм содержит в себе тайное решение соборного совета Софии и Земли об исходе России из мира, ставшего хлебом и притоном золотого тельца, в мир Иной, в мир цельного знания-жизни софиасофской мудрости Земли.

Христианство и Россия — два из немногих не критикуемых Н.Б. Шулевским понятий — напротив, *«книга предназначена тем, кто призван быть носителем, хранителем мудрости Земли и России»* (с. 3).

А вот развитие он предельно критически осуждает. Автор полагает, что развитие само по себе не имеет смысла и является злом, умножая пагубные элементы реальности.

Развитие ценно как средство преобразования всяких изменений в творчество в составе целостного бытия, как средство создания типов развития, нужных этой целостности. Так автор воспринимает Россию, Отечество. Сейчас патриотизм или «не в моде», или, напротив, особенно в сфере образования, имеет несколько казенный оттенок, но профессор Шулевский сумел показать любовь к Родине живой, осмысленной: нашу страну есть, за что почитать, и в ней есть, что почитать.

А гимн Родине, который присутствует в «Планетарном эволюционизме» между строк, вполне согласуется с той тенденцией отечественной мысли, в которой будущее человечества и наше новое тысячелетие определяются ведущей ролью России в мире. Тенденция эта, однако, относится и к части зарубежных изысканий о развитии разума на Земле — например, Шпенглер полагал в «Закате Европы», что следующая великая культура возникнет именно в нашей стране. Таким образом, мир должен или прислушаться к России, или погибнуть, потому что чем дальше, тем тяжелее Земле терпеть хищничество «двуногих рабов золотого тельца и блуда» (с. 362), которых отрицал уже Ницше, желавший, чтобы такие твари были уничтожены, а взамен их будет жить Сверхчеловек, понимаемый Шулевым не как игиловский урод, а как «плод коэволюции Земли и Неба»⁴.

⁴«Исследователи творчества Ницше с поразительной слепотой не замечают того, что философ до фанатизма и безумия любил Землю, преклонялся ей за то,

Структура книги представляет собой предысторию возникновения и особенности бытования планетарного эволюционизма. В первом разделе Шулевский рассуждает о современном состоянии различных сфер знания и жизнедеятельности человека. Он приходит к выводу, что существующие подходы к миропознанию и миропользованию не верны не только потому, что устарели и/или неполны, а потому, что чрезмерное накопительство в материальном плане и чрезмерное увлечение виртуальным и иллюзорным в умственном плане приводят население Земли на грань катастрофы. Однако издавна мыслители искали выход из разрыва меж материальным и идеальным — такой, чтоб первое не нивелировалось, но и не господствовало, а второе вело к высокому. Подчеркивая важность одновременно экономики и духовности, Н.Б. Шулевский показывает, как их изменения меняют судьбу планеты, как еще в античности и с большей силой в христианстве прозвучал призыв беречь Землю: человек — последнее творение Бога (богов), но не единственное, и он должен нести ответственность за свое пользование планетой, которая соотносится с материнским началом и имеет собственную мудрость. И эволюция — это не «происхождение видов» Дарвина, а разумное развитие самой Земли.

Суть планетарного эволюционизма раскрывается во втором разделе. Как Земля окружена космосом, находится в нем, так и вокруг теории Шулевского «вращается» ряд понятий, которые ученый показывает, как трехмерное пространство, содержащее вертикаль, горизонталь и логосную диагональ планетарного эволюционизма. Первая из них рассматривает такие понятия, как взаимодействие, движение, становление, развитие (эволюция), и, наконец, творение и творчество.

В главе о горизонтали ученый показывает — точнее, критикует — различные предшествующие понимания термина «развитие», приходя к выводу: *«Должна быть целостная теория, в которой представлен объект, для которого развитие служит средством целей*

что она возвращает в своем лоне Сверхчеловека, который очистит землю от ее хулителей, осквернителей и разорителей, спасет ее от убийц Бога, ибо не признающие священства Земли, убивают в себе Бога. Бог умер не объективно, а субъективно — в душах людей. А Земля даже важнее Сверхчеловека, ибо она — условие, источник и место его бытия.

Но Сверхчеловек есть плод коэволюции Земли и Неба; и эта их синергия есть абсолютная ценность, которая разворачивается во внутреннем мире сознания человека и невозможна вне его смыслового вектора. Эволюция внутреннего сознания — это и есть восхождение к сверхчеловеку, который непосредственно обусловлен идеей тайного знания, которое скрывается в... христианстве и в... планетарном эволюционизме» (с. 362—363).

статике и вечности. И этот объект называется творчество, творение» (с. 183). Только таким образом развитие, согласно Шулевскому, имеет ценность. В главе о логосной диагонали философ определяет планетарный эволюционизм как системную причинность, динамическую ценность и творящую онтологию мира. В общенаучном плане автор находит несколько форм, в которых есть обращение к его учению — например, ноосфера, этногенез, творческая эволюция Бергсона.

Третий же раздел книги раскрывает отношения виртуальности и планетарного эволюционизма. Триумф техноинформации Н.Б. Шулевский видит как явление античеловека. Он отрицательно относится к провокационному, по его словам, тезису о конце науки. И поэтому важным достоинством книги являются недоверие и нелюбовь автора к популярным в наши дни идеологиям «конца». Напротив, для него даже то, что Земля терпит издевательства людей, что может привести к апокалипсису, повод задуматься над тем, как спасти планету.

Книга Н.Б. Шулевского «Планетарный эволюционизм» не видит никаких выходов из тупика современной мысли и экологически-политически-экономической ситуации, кроме своих идей. Но надо отдать ей должное: в источники своей концепции Шулевский логично включил ряд философских (социологических) теорий, не близких в целом его взглядам, но необходимых для порядка изложения собственной идеи, что делает издание своего рода учебником по философии, но своеобразным. Ученый, например, исследует и психоанализ, считая его одним из направлений мысли, тщетно ищущим планетарный эволюционизм.

Книга показывает глубокое знакомство автора с историей философии от ее истоков и до наших дней — от античности до постмодерна, а также весьма оригинальную интерпретацию большинства концепций (например, синергетику он воспринимает как безумие) и понятий (развитие трактуется им в положительном ключе лишь как опора для творчества, иначе развитие и разнообразие — всего лишь формы деградации и смерти).

Книга оригинальна и заслуживает прочтения еще и тем, что в ней обоснована теория, согласно которой весь исторический процесс направлен не на развитие человека, а на формирование целостного субъекта — Сверхчеловека, в котором Земля и люди найдут меру своего бытия.

«Планетарный эволюционизм» Н.Б. Шулевского — хороший тенденциозный трактат, в котором практически реализована необходимость иного взгляда на мир. Ведь, согласно философу, «в XXI веке разворачивается самая величественная онтологическая революция миро-

здания» (с. 182), в которой человек может исчезнуть, а может и найти самого себя.

Книга Н.Б. Шулевского — это смысловой прорыв мудрости Земли к ослепленным людям; но это и приглашение людей к Лобному месту, где им будет зачитан приговор этой мудрости. А приговор этот будет не оправдательным, не обвинительным, не милосердно-снисходительным, а глумливым и презрительным. И человечество не случайно уже 70 лет от страха перед этим приговором ищет пути на другие планеты, дабы избежать кары за свои деяния, оскверняющие священную сущность Земли. В.С. Высоцкий прав — Земля не умерла, нет, она затаилась на время! Затаилась и... оттого нам так неуютно сегодня на Земле.

Книгу можно взять с собой и на другие планеты в качестве предостережения от повторений чудес своего прогресса. Но книга будет полезной и для тех, кому любопытно узнать, что сделает с нами Земля после того, что люди сделали с нею.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Научный совет «Центр общественных наук МГУ»

20 марта 2017 г. приказом ректора МГУ имени М.В. Ломоносова академика В.А. Садовниченко утвержден состав **Научного совета «Центр общественных наук МГУ» (Совет ЦОН МГУ)** в следующем составе:

Осинов Юрий Михайлович (председатель научного совета), доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет;

Пороховский Анатолий Александрович (заместитель председателя научного совета), доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии, экономический факультет;

Асланов Леонид Александрович, доктор химических наук, профессор, заведующий лабораторией структурной химии, химический факультет;

Гиренок Федор Иванович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии проблем комплексного изучения человека, философский факультет;

Клементьев Дмитрий Сергеевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии управления, факультет; государственного управления;

Клепач Андрей Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления, экономический факультет;

Кулаков Михаил Васильевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией по изучению социально-экономических проблем развивающихся стран, экономический факультет;

Кульков Виктор Михайлович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии; экономический факультет;

Наумова Галина Романовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры источниковедения, исторический факультет;

Покидченко Михаил Георгиевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры истории народного хозяйства и экономических учений, экономический факультет;

Твердислов Всеволод Александрович, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой биофизики, физический факультет;

Тотов Леонид Арнольдович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки; экономический факультет;

Хубиев Кайсын Азретович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии, экономический факультет;

Шулевский Николай Борисович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных факультетов, философский факультет.

Секретариат совета:

Зотова Елена Серафимовна (ученый секретарь), кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории философии хозяйства, экономический факультет;

Смирнов Игорь Павлович (ученый секретарь), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории философии хозяйства, экономический факультет;

Сухина Татьяна Сергеевна (ответственный секретарь), научный сотрудник лаборатории философии хозяйства, экономический факультет.

* * *

14 февраля 2017 г. состоялось очередное заседание семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой мысли» на тему «Экономика как творящий хаос», на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, С.С. Носова, С.Н. Турищев, И.В. Пшеницын, И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский, кандидаты наук О.В. Доброчеев, Е.В. Косов, Е.Х. Хабибуллина, научный сотрудник А.А. Антропов.

Е.С. ЗОТОВА

Экономика как творящий хаос: дискуссия в Московском университете

Аннотация. Дается обзор выступлений на состоявшемся на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова теоретическом семинаре на тему «Экономика как творящий хаос».

Ключевые слова: экономика, хозяйство, философия хозяйства, стоимость, хаос, хаосмос, турбулентность, Ю.М. Осипов.

Abstract. The article presents a review of reports on a theoretical seminar which took place at Faculty of economics of MSU on the subject «Economy as a Creating Chaos».

Keywords: economy, philosophy of economy, cost, chaos, turbulence, Yu.M. Osipov.

УДК 330. 111
ББК 65в

Организаторы очередного заседания теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему «Экономика как творящий хаос» так представили круг обсуждаемых вопросов: «Наука навязывает экономике порядок, а экономика над этим попросту смеется. Экономика прежде всего хаос, а потом уже... нет, не космос, а... хаосмос, возникающий из хаоса и не доходящий до устойчивого, воспроизводящегося порядка. Не законы правят в экономике, а произвол, правда, встречающий другой произвол, его и умеривающий. Экономика не имеет никакой априорной, тем более заданной меры, она сама по себе мера — подвижная и изменчивая».

Открывая заседание, ведущий — д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) — сказал следующее:

«В парадигме философии хозяйства экономика представляется вовсе не такой, как в известных парадигмах экономических теорий, той же политической экономии. Причем дело тут не в особом воззрении на саму по себе экономику, т. е. в гнозисе, а в самой же экономике как онтосе: экономика не просто иначе трактуется в рамках философии хозяйства, что понятно, а она иначе открывается перед человеческим взором как реальность. Отсюда не так у нас другая трактовка экономики, что само собой разумеется, как другая экономическая реальность — совсем не такая, как представляет экономическая наука.

Хорошо известно феноменальное и понятийное различие “экономики” и “хозяйства”, возможное у, так сказать, русскоязычных ученых. Экономика — однеженное хозяйство, или хозяйство, обусловленное стоимостью. Стоимость же — идеальная, вполне и когнитивная, субстанция, представленная в сознании в цифрах и воплощенная в реальности в деньгах. Стоимость — не только и не столько оценка, сколько именно субстанция, выраженная в деньгах и денежных единицах, пронизывающая собою все хозяйственное, попадающее в ее зону действия.

Стоимость неотделима от сознания, она в сфере сознания и только сознания, мало того, она прямо в головах людей, в их мозгах, в их памяти. И вся экономика там же, в особых сгустках и потоках стоимостной прежде всего информации, хотя и не только.

Стоимость, а за ней и вся экономика — безразмерное homo-социальное счетно-решающее устройство, генератором, носителем и реализатором которого, а одновременно и практическим синергетическим негэнтропийным аттрактором, является не что иное, как мысль человеческая, разумеется, особым образом оцифренная — экономическая мысль.

Сознание и мысль человеческая не свободны от трансцендентного начала, а потому в их работе принимает участие и работающая трансценденция, на долю которой приходится многое в сознании и мысли из происходящего, но сознанием и мыслью не улавливаемого. Все это относится и к экономическому сознанию, и к экономической мысли. Сознание и мысль есть всегда, но всегда есть и что-то не-, вне- или бессознательное и соответственно не-, вне- и бессмысленное. И все это важно сознавать и учитывать, чтобы представлять себе, как реально функционирует экономика со своей стоимостью.

Сознание является всегда из небытия, а мысль — из ничто, хотя, явившись, сознание оперирует с каким-то “нечто”, а мысль выражает какое-то “что”. Тут в исходе уже какая-то трансцендентная темень, а ежели учесть, что сознание распределено по индивидуальным сознаниям и вовсе не едино, при этом еще и произвольно интегрировано в какое-то общее сознание — ноосферу, которое тоже работает, то темень наша если не усиливается, то явно усложняется, и сознание как сознание оказывается какой-то очень уж неопределенной, бурливой и хаотичной средой, а мысль, в ней и через нее бытующая, тоже не выглядит определенной, покойной и упорядоченной.

И если перенестись к экономическому сознанию и экономической мысли, то нетрудно заключить, что оба феномена нерасторжимо связаны с исходной теменью, из которой выходит поначалу не порядок, а хаос, однако хаос творящий — как раз порядок (мысль, словесность, числа), а в случае с экономикой — некий подвижный, переменчивый, дискретный, выбирающий полу- или недопорядок, не доходящий до механизменного, организменного, космического порядка — так называемый хаосмос.

Отсюда выходит, что экономика, занимающая сферу сознания и базирующаяся на мысли, — не только не машина, но даже и не система, а некое метафизическое поле с наличествующими в нем хаосом и хаосмосом, ну, может, нечто, подобное мозгу, если очень уж хочется

сравнить вполне метафизическую экономику с чем-нибудь хотя бы внешне физическим, правда, не отбрасывая сущностной метафизичности самого мозга, его мыслей, слов и смыслов.

Итак, мы видим, что экономика в реальности совсем не такая, какой обычно рисуется экономической наукой в ее воззренческой, или онтологической, части. И если политическая экономия еще пыталась дать какое-то представление о реальности и как-то ее объяснить, введя и используя то же понятие стоимости, то современная экономия ничего такого вообще не делает, относясь к экономике как к чисто воображенной, математизированной игре вроде знаменитой гессевской “игры в бисер”, не имеющей никакого отношения к экономической реальности.

Казалось бы, сия “игра в бисер” ближе к хаосно-хаосмосной экономике, чем онтологическая наука. Да, наверное, ближе, чем политическая экономия, хотя бы по причине своей виртуальности, но при этом и гораздо дальше, ибо моделирует она всего лишь саму себя, а не реальную экономику.

Экономика — сама себе экономика, как и стоимость — сама себе стоимость!

Управлять экономикой и стоимостью можно, а вот заменить их чем-либо внешне-расчетным никак нельзя.

Счетно-решающее сознание прямо “сидит” в экономике и стоимости, оно их ведет, ими управляет, но при этом оно вынуждено им же и подчиняться, ибо в экономике и стоимости действует еще и то, что обычно называется бессознательной стихией, а мы называем либо “ходом вещей”, либо “ходом неизвестности”, прямо сопряженной с работающей трансценденцией; и это-то трансцендентное все и определяет, как проходя через действующее сознание, так и минуя его; нельзя к трансцендентному относиться как к имманентному, а к хаосно-хаосмосному как к воспроизводимо устойчивому.

Внутри экономики просматривается нечто подобное механизмам и системам, но в локалиях и на тот или иной срок, в особенности под влиянием неэкономического контекста — вполне механизменного и системного. Однако экономика в целом онтологически все-таки поле, сфера, “облако”, “море”... все, что угодно, но только не механизм и не система, даже и на уровне своего хаосмоса, который всегда новый, заново рожденный, вышедший из тьмы на свет, из хаоса к космосу, но никогда не доходящий до космического порядка, не говоря о механическом или органическом, даже и собственно системном.

Не порядок там главенствует, а произвол; не закономерность преобладает, а беззаконие; не стройность характерна, а стихия; не известность радует глаз, а конспиративность; не определенность бьет в

глаза, а неопределенность... в общем — *творящий хаос*, как раз тот самый — негэнтропийный, синергетический, сознательный.

Обычно хаос рассматривается как нечто отрицательное, искажающее, смертоносное, относящееся к патологии, кризисам, катастрофам, исчезновениям, что само по себе правильно, но недостаточно, ибо хаос — изначально уже всего сущего, живого, человеческого, социального, осознания, ума, мозга, причем не одномоментное (единоисходное) изначально, а постоянно бытующее, ибо без него ничего из перечисленного просто нет, как нет ни динамики, ни перемен, ни превращений, ни того же всеми чаемого прогресса.

Теперь одно пояснение: любой собственно экономический параметр (деньги, их ценность и количество, валютный курс, цены, инвестиции, кредиты и на них проценты, курсы ценных бумаг и т. д.) может быть *любим*, хотя и *не каким угодно*. Если выводить в экономике законы, то это утверждение можно принять и за закон, однако... *диалектический*, то бишь и зараженный трансцендентностью. И все дело тут как раз в хаосе и в хаосмосе, а не в железном порядке по типу армейского, который, правда, тоже ведь не лишен ни хаоса, ни трансцендентности, а уж ежели в бою... то какой там, как учил Суворов, порядок?

Экономика — метаигра, ведущаяся с правилами и даже иной раз по правилам, но в основном-то не по правилам, вне правил, как попросту и без правил. И никакого обязательного для всех игроков порядка здесь нет и быть не может, а есть как раз все время возникающий, изменяющийся, воспроизводящийся, но при этом и куда-то исчезающий, хаосмос.

Как видите, уважаемые коллеги, философия хозяйства выдает иное представление об экономике, более соответствующее и реальной экономике. Гнозис здесь совпадает с онтосом, а онтос — с гнозисом!

«Есть о чем поговорить, давайте и поговорим!» — заключил свой вступительный доклад Ю.М. Осипов.

В своем сообщении «Порядок и хаос — их природа и соотношения в экономике в широком смысле» научный сотрудник **А.А. Антропов** (экономический факультет МГУ) отметил, что экономика любой страны и любой эпохи сама по себе не существует, ибо без современных техники, технологий, политики (внешней и внутренней), идеологии и мощной военной силы она существовать не может, и привел для наглядности ряд поучительных примеров.

В конце своего выступления А.А. Антропов сделал следующие выводы: «Там, где существует настоящее государственное программирование — в теории и на практике, — хаоса нет. Не творящий, а разрушительный хаос может случиться там, где работают со сфабрикован-

ными показателями экономического развития отдельных товаров, групп товаров, отдельно взятой отрасли, всего народного хозяйства. Для этого должна быть создана соответствующая система “сит”, через которые необходимо пропускать все показатели — для того, чтобы они были точнее. При хаосе ничего нельзя предвидеть и ничем нельзя управлять (как в броуновском движении!). Настоящий хаос — в чистом виде — не творящий для его жертв, а губительный — происходит при создании и реализации конкурирующих, альтернативных товаров, техники, технологий. Но он же и творящий хаос — только для всего народного хозяйства в целом в динамике! Хаос хаосу рознь!».

В своем выступлении к.т.н. **О.В. Доброчеев** (РНЦ «Курчатовский институт») отметил, что хаос в обыденном сознании связывается с беспорядком, однако в природе и обществе он проявляется как созидательные, так и разрушительные функции. Поэтому в контексте созидательного хаоса он в большей степени заслуживает названия турбулентности. Турбулентность же, в буквальном смысле, означает всего навсего бурное течение. Конечно, прежде всего, воды. Но и о жизни часто принято говорить, что она течет: «Между пальцами года просочились, как вода».

К этому сравнению можно относиться по-разному — и как к художественному образу, и как к точной аналогии. Причем точной в математическом смысле. Впервые так на нее посмотрел в 1962 г. Колмогоров, сравнив спектры колебаний воды и финансовых потоков. В результате он обнаружил, что колебания потоков финансов и воды действительно описываются одной и той же математической закономерностью, которая носит его имя. Спустя 32 года (в 1994 г.), аналогичная закономерность была установлена во всемирной истории, а еще 21 годом позже (в 2015 г.) родилась гипотеза турбулентной экономики. Турбулентная модель за два десятилетия смогла объяснить (описать математически) многочисленные данные истории и экономики. На ее основе удалось сделать и ряд прогнозных оценок, которые проливают свет на некоторые из поднимающихся сегодня вопросов.

Например, почему глобальная экономика разламывается (термин Ю.М. Осипова) на части, а Трамп неожиданно отрекается от американского проекта Европы 1949 г.?

В рамках турбулентной гипотезы эти события не неожиданные, а закономерные. Потому что на ее основе в клубе российских ученых «Глобальный мир» еще в 2001 г. было рассчитано и опубликовано математическое решение об устойчивой структуре глобальной экономики, состоящей из более чем десяти глобальных государств, и нарисована карта этого мира. Спустя восемь лет надежность российского проек-

та была подтверждена в Докладе Всемирному банку 2009 г. Поэтому использование сегодня американской администрацией проверенного семь лет назад решения, в котором США и Европа рассматриваются независимыми геоэкономическими системами, вполне естественно. А верный, как оказалось, прогноз высокой вероятности омоложения российской политической элиты именно в 2017 г. был построен по тем же законам турбулентности и опубликован еще в 2005 г. Поэтому сегодня не удивительно обращение к нему политического руководства России в попытках решения стратегических задач нашего развития, заключил О.В. Доброчеев.

Если рассматривать экономику как систему общественного производства и потребления в рамках отдельного государства, заметил к.э.н., профессор **Е.В. Косов** (Международный университет в Москве), то в конкретный момент экономическая система в той или иной степени хаотична. Образно говоря, это напоминает броуновское движение молекул: отдельные ячейки (экономические субъекты) двигаются хаотично с той или иной скоростью. Любая система — как биологическая, так и социальная — стремится к упорядочению. Энтропия как способ упорядочения выравнивает и снижает скорости движения субъектов системы, образно говоря, «замораживает» систему.

Полная энтропия — это смерть системы, абсолютный температурный ноль, космический холод. Негэнтропия — как другой способ упорядочения системы — предполагает канализирование (от слова «канал») ранее хаотично двигавшихся субъектов. Причем скорость движения субъектов (например, молекул) в каналах зависит от прилагаемой извне энергии упорядочения и выражается в «температуре» (показателях) системы.

Упорядочение экономической системы посредством свободного рынка (конкуренции субъектов) следует отнести к способу негэнтропии. Тогда как упорядочение посредством государственного регулирования (госплановская, распределительная экономика) является энтропийным способом. Конечно, такое разделение способов упорядочения является теоретическим (абстрактным). На практике в конкретных условиях для организации экономической системы используются как энтатические (запретительные, «подмораживающие») методы, так и конкурентные — «разогревающие» экономику, заключил Е.В. Косов.

Понимание экономики начинается с раскрытия ее несовместимости, антагонизма с хозяйством, заметил д.э.н., профессор **И.В. Пшеницын** (Институт социальных наук). Однако в науке в принципе отсутствует понятие хозяйства не как экономики. Если их разграничивать использованием денег, то у Аристотеля экономика исключает деньги,

которыми занимается хрематистика. Таким образом, получается, что экономика в широком смысле включает в себя и домашнее хозяйство, ведение которого не требует денег. И собственно для хозяйства не как экономики не остается места. Поэтому важно привести пример хозяйства, которое не является экономикой в принципе. Это — русское крестьянское общинное хозяйство. В отличие от экономики оно основано на единстве с природой, безотходности, а не на отчуждении от нее. По этому критерию Англия и США принципиально отличаются от России и являются странами экономическими по своей природе, основанными на отчуждении народов от земли. Россия же страна народнохозяйственная по своей природе, возникшая в результате соединения народов вместе с их землей и хозяйством. Поэтому развитие экономики порождает отчуждение от земли и ослабляет духовные скрепы, породившие Россию.

В своем докладе «Хаос и биосистемы» д.м.н., профессор **С.Н. Турицев** (совместно с **Г.С. Турищевой**) отметил, что в окружающем мире, и особенно наглядно — в живой природе, мы постоянно наблюдаем проявления хаоса и упорядоченности, энтропии и негэнтропии, рассредоточения и фокусировки. Все законы живой природы, постулаты теории биосистем так или иначе экстраполируются на политическую и экономическую жизнь государств. Значение этих процессов становится особенно понятным и наглядным, если оценивать их с позиций теории биосистем. Биосистема — сложившийся или выделенный морфофизиологический (структурно-функциональный) комплекс, обладающий способностью саморегуляции, анализа, выработки и принятия решения, действий с целью поддержания и увеличения жизнеспособности, приспособления к изменению внутренних и внешних параметров. По определению, человек, государство и другие человеческие сообщества — открытые саморегулирующиеся биосистемы. Главными организующими целями биосистемы являются поддержание жизнеспособности и сохранение самости. Для выживания биосистем необходимо преодоление хаоса, оптимальное упорядочение их функционирования, что предполагает соблюдение внутренних, гармонизирующих законов — по сути, это идеология.

Идеология в масштабах государства является продуктом когнитивной деятельности властной верхушки. В современном мире производными идеологии («дочками») являются политика и экономика, которые кровно связаны («родные сестры»). При анализе событий новейшей истории становится очевидным, что «деидеологизация», ослабление культурной идентичности и, как следствие, политический и экономический хаос приводят к ослаблению государств, ухудшению жиз-

ни населения. Хаос предполагает потерю самоидентификации, разрушение, гибель биосистемы. Упорядочение, гармонизация структурно-функционального комплекса государства-биосистемы способствуют повышению его жизнеспособности, конкурентоспособности, подвел итог С.Н. Турищев.

К.э.н., доцент **Е.Х. Хабибуллина** (РГУ ФКСМиТ) назвала свой доклад «Целеполагание русского неодирижизма: вектор, заданный И.Т. Посошковым». Она заметила, что несоответствие западных экономических теорий фактическим реалиям и полная невозможность их практического использования в конструктивной деятельности, как считает Ю.М. Осипов, обусловлены тем, что они изначально создавались более всего как идеологические, а не собственно познавательные теории. В этой связи интересно переосмыслить подход к проблеме народного богатства И.Т. Посошкова, задавшего кардинально отличный от западного — идеологизированного — теоретического продукта иной цивилизационный вектор анализа проблемы богатства. Его подход, не оскотенный ослепляющим и узким материализмом и доминированием геополитических интересов стран атлантизма, позволяет сойти с западнофильской магистрали, ведущей в тупик хаоса экономической реальности и беспомощности теории, свернув на узкую, мало кем замеченную и малопротоптанную — пока, но обладающую неисчерпанным потенциалом развития, плодотворную, тропинку русской философии хозяйства.

Как известно, центральный пункт в осмыслении общественного богатства И.Т. Посошкова — это выделение двух больших сфер вещественного и невещественного богатства. Такая постановка проблемы уже сама по себе не только позволяет заранее вырваться далеко вперед по сравнению с представителями классической политэкономии — А. Смитом, Сэем, а также и с социалистическими и марксистскими теориями, включая самого Маркса, ограничившими свои исследования богатства народов проблемой создания меновых ценностей, создаваемых трудом. Во многих аспектах концепт Посошкова позволяет также дать более глубокое понимание проблемы, чем у Ф. Листа, сосредоточившего главное внимание на институтах, определяющих способность создавать производительные силы. Подход Посошкова задает вектор для конструктивного анализа современных проблем создания богатства в условиях интеллектуализации труда, над которыми достаточно малопродуктивно бьется современный материалистический институционализм. В целеполагании русского неодирижизма необходимо учесть все три крупных подразделения народного богатства, исследованные И.Т. Посошковым, заключила Е.Х. Хабибуллина.

Д.э.н., профессор **С.С. Носова** (НИЯУ «МИФИ») в своем выступлении, посвященном факторам роста турбулентности в российской экономике, отметила, что актуальные события в системе развития передовых стран красноречиво свидетельствуют о начале этапа проявления экономики творящего хаоса провалов (фиаско) рынка планетарного масштаба, являющихся причиной нарастания турбулентности. Решение этой проблемы становится особенно актуальным в данный момент для России. Возникает необходимость оперативно и грамотно принимать точные решения в условиях нарастания хаоса во внутренней и внешней среде хозяйствования. В качестве фрагмента системного выхода из глобальной турбулентности может быть предложено следующее: 1) на базе фундаментальной классической экономической теории восстановить воспроизводственную цепочку, где взаимодействуют производство — распределение — обмен — потребление; 2) разработать и реализовать стратегию ресурсных конкурентных преимуществ; 3) рассматривать импортозамещение как новый прорыв к росту в разных отраслях, где создаются новые цепочки роста стоимости национального благосостояния; 4) на основе роста высокотехнологичного производства и диверсифицированных связей воссоздавать и развивать «стратегический стиль» в хозяйственной политике промышленных предприятий России.

Свой доклад д.ф.н., профессор **Н.Б. Шулевский** (философский факультет МГУ) назвал «Детерминизм хаоса». Хаос — одна из самых сложных, запутанных и запутывающих реалий бытия; и превосходит она силы самого разума, ибо находится на стыках бытия и ничто, яви и нави, знания и бреда, ума и безумия, смысла и абсурда, сознания и бессознания, русскости и антирусскости. Нет принципа, идеи, теории, посредством которых можно... безопасно изучать хаос, хотя создано немало «хаологий» (безуспешных!), которые не познают хаос, а скрываются от его одноглазого колдовства. Изучать хаос можно лишь в России, обладающей софийным контекстом (хаософией), в котором хаос находит свою законную службу.

Начнем с уникальности древнеславянской мифологии, предложил Шулевский, ибо это единственная мифология, в которой хаосу нет места. Нет, и всё!

В славянской мифологии есть верховный бог — Род, — который рождает в мире и для мира Любовь (Ладу), наполняя ею все свои создания. Древние славяне воспринимали мир как целостность, изначально наполненную любовью, смыслами, символами, плодоносящими и благими потенциями. Хаосу нет места на празднике живого и смысло-

творного бытия, где добро занимает место за столом — в Яви, а зло — под столом — в Нави.

Ведический иммунитет против хаоса Россия сохранила в своей духовно-социальной генетике, признавая Премудрость Софии, ее смысловые спецслужбы — Ничто, Незнание, Тайну, мир Иной, в котором царят мера и справедливость великой неизвестности. А потому Россия — это последний оплот, последняя надежда человечества на спасение от пагубных смещений людей, вещей, тварей, роботов, инфернавтов в некоем хаосмосе безмерия и холодной несправедности. Русские — это не только этнос, не только нация и народ, но и особая софийная миссия, призванная указывать пути в мир Иной, где хаос смиренно служит мере и справедливости. И в мир Иной войдет не тот, у кого больше ракет, а тот, у кого больше смыслов, кто передумает, перемыслит, переосмыслит тех, кто даже в мыслях покушается на Россию.

Хаос не является автономной реальностью, креативной силой, квазиживой средой. За хаосом всегда стоят проект, воля, цели, средства inferнального ростовщика, который часто неизвестен, но он вершит свою программу посредством хаоса. Именно эта скрытость автора хаоса и придает ему видимость творящего квазисубъекта. И эта алчность inferнального ростовщика пытается подчинить себе все мироздание при содействии ростовщиков истории. Хаос — это идейная провокация, заменяющая бытие безмерной, античеловеческой стихией, готовящая наш мир к суициду, сбивая его с пути в мир Иной. Хаос аморален, а все аморальное в итоге рушится, заключил свой доклад Н.Б. Шулевский.

В своем докладе «Движение хаоса» д.э.н., профессор **И.Г. Шевченко** (РАНХ и ГС при Президенте РФ) подчеркнул, что хаос обладает свойством частичного или полного разрушения связей системы, что позволяет перемещать элементы системы в новое состояние с меньшими затратами энергии. Поскольку хаос визуализирует скрытый порядок, нарастание хаотичности на планете позволяет сделать вывод о том, что некая сила пытается «переместить» человечество в принципиально новое состояние.

В нашей стране максимальная хаотичность была в советское время, когда были разрушены полностью или частично традиционные несущие конструкции русского мира: монархия, деревня, православие, русская идентичность, семья, свободный товарный обмен и национальное предпринимательство.

В настоящее время восстановление традиционных институтов в обществе выдавливает хаос из сферы социального в сферу экономиче-

ского, что вызывает закономерный интерес представителей экономической науки. Процесс упорядочивания российского общества препятствует усилению навязываемой человечеству растущей хаотичности мировых процессов, что делает Россию крайне нежелательным элементом для вершителей судеб мира, отметил И.Г. Шевченко.

В заключение дискуссии **Ю.М. Осипов** отметил следующее: «Нравится это кому-либо или нет, но сегодня была предложена и так или иначе обсуждена новая парадигма знания об экономике, согласно которой экономика как реальность совсем другая данность, вовсе не такая, как ее представляет обычная экономическая теория, и знание о ней должно быть тоже другим.

Экономисты-теоретики вряд ли когда-либо согласятся с такого рода воззренческим решением, хотя реальность буквально вопиет о чем-либо подобном.

Заметим, что наше решение не противоречит — за исключением признания трансцендентности в реальности, ее движении, в сознании, в его думах, решениях и действиях — таким достижениям научного знания, как кибернетика (в винеровском понимании), теория организаций, синергетика, физика микромира и мироздания, генетика, когнитивизм и т. д., но зато оно явно противостоит тому, что называется экономической теорией, что энергично преподносится в университетах.

Сейчас уже открыто и много говорят по всему миру о кризисе экономической теории, о бессилии математики выручить последнюю, об оторванности экономической теории от реальности. Честно говоря, мало что осталось в экономической теории, что более или менее выдерживает критику. Когда мы слышим в адрес философии хозяйства упреки в лженаучности, то мы не обижаемся, ибо философия хозяйства, тяготеющая к метафизике, на общепринятую научность вовсе не претендует, претендуя лишь на соответствие реальности, которая, подчеркиваем еще раз, вовсе не такая научная, как кажется приверженцам чистой науки, а потому и мало похожа на ее научные презентации. Так где же тут больше “лже” — в науке или в философии хозяйства?

Нам есть, уважаемые коллеги, над чем думать, что разрабатывать, чем размыслительно жить. Обратите внимание на разницу между открытым признанием позитивного хаоса в экономике, которое делает философия хозяйства, и едва прикрытыми глубокомысленными рациональными суждениями об отрицательном хаосе, которые царят в современной экономической науке, — тогда-то важное и прояснится».

* * *

3 марта 2017 г. в Финансовом университете при Правительстве РФ в рамках IV Международной научной конференции «Глобальная экономика в XXI в.: диалектика конфронтации и солидарности» была проведена секция «Социально-экономические компромиссы как потребность времени». С основным докладом выступил доктор экономических наук Ю.М. Осипов (ведущий). В работе секции приняли участие доктор наук В.А. Лапшов, Т.Х. Усманова, кандидаты наук И.В. Астафьев (Кострома), Е.В. Богомолов, И.П. Смирнов, научные сотрудники А.А. Антропов, С.С. Мерзляков, главный редактор журнала «Просвещение» В.Ф. Исайчиков, аспирант О.Н. Ефимова.

С.С. НИПА, Т.С. СУХИНА

Социально-экономические компромиссы как потребность времени

Аннотация. Представлен обзор секции «Социально-экономические компромиссы как потребность времени», состоявшейся в рамках работы IV Международной научной конференции «Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности» 3 марта 2017 г., проходившей в Финансовом университете при Правительстве РФ. Показаны актуальность и важность феномена и понятия компромисса.

Ключевые слова: компромисс, геополитика, экономика.

Abstract The article presents the review of the section «Social-economic trade-offs as a need of the time» which was presented in the framework of the IV International Scientific Conference «Global Economy in the 21st Century: Dialectics of Confrontation and Solidarity» on March 3, 2017, that took place at the Financial University under the Government of the Russian Federation. The relevance and importance of the phenomenon and concept of compromise are shown.

Key words: compromise, geopolitics, economics.

УДК 330
ББК 65; 66

В рамках работы IV Международной научной конференции «Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности» 3 марта 2017 г. состоялась секция «Социально-экономические компромиссы как потребность времени» под руководством д.э.н., профессора Ю.М. Осипова, к.с.-х.н. С.С. Нипы, Т.С. Сухиной.

На секции присутствовали представители Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Академии философии хозяйства, Финансового университета при Правительстве РФ, представители регионов России (Нижегородский государственный университет имени Лобачевского, Университет ИТМО (г. Санкт-Петербург)).

С основным докладом «Бремя компромиссов» выступил д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов**. Компромисс — более чем взаимоуступковое и взаимовыгодное согласие, это один из основополагающих принципов бытия, в особенности социально-экономического. Человечество всегда прибегало к компромиссу — этому испытанному средству снятия напряжения, предотвращения конфронтации и мирного сосуществования.

Сегодня назрели актуальные потребности времени:

1) поиск возможности большого великодержавного (уже и межмирового) компромисса в связи с переходом от одноцентрового (монополюсного) мира к многоцентровому (плюрополюсному) миру по типу послевоенного междержавного соглашения;

2) поиск компромиссного выхода из острого кризиса глобальной валютно-финансовой системы посредством перехода к новой системе, основанной на региональных международных валютах и финансовых центрах с общемировым дополнением в виде переводной международной валюты и вспомогательных финансовых учреждений;

3) поиск взаимного согласия с прекращением имеющейся конфронтации между ЕС и Россией на основе пан-европейского компромисса.

Отсюда не просто актуальность и важность феномена и понятия компромисса, но и его предельная экзистенциальная непереносимость — всюду и везде!

Д.социол.н., профессор **В.А. Лапшов** (Финансовый университет при Правительстве РФ) в докладе «Социальный компромисс как вид риска в условиях изменений российского общества: теоретические основы социологического исследования» привел результаты проведенного автором в начале XXI в. социологического исследования, которые показали, что в условиях изменений российского общества одним из видов социального риска является социальный компромисс. Под со-

циологической категорией «социальный компромисс» автор понимает вид риска в ситуации неопределенности социума при выборе соглашения, достигнутом на основе взаимных уступок различных субъектов в обществе о взаимодействии в условиях вероятности ожидаемой дифференциации по доходу и социальной деятельности. Субъектами социального компромисса в обществе выступают социальные институты, организации, группы и общности, индивиды, выражающие различные потребности и интересы. Данные социологического исследования свидетельствуют, что в современном российском обществе наблюдается тенденция ожидания стабильности, порядка и сильной центральной власти, опирающейся на компромиссное общественное мнение широких социальных слоев населения.

А.А. Антропов (экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова) в докладе «Социально-экономические компромиссы — составная часть империи» привел основные принципы типологизации государств, сформированных по типу империй, сформулировал важнейшие сущностные характеристики, подчеркнул роль авторитарного принципа управления при неременной поддержке национальных традиций и культуры, религии и обычаев народов империи. Главное для всех народов, городов и весей империи — жить для империи, а не вести паразитическое существование для самих себя. Важно привлечение динамичных частей народов к управлению от низшего до высшего уровня в гражданских и военных сферах деятельности; при продвижении по службе высшими критериями должны стать личные заслуги, таланты, образование, верность до конца идеям и целям империи.

К.э.н. **И.В. Астафьев** (Финансовый университет при Правительстве РФ) в своем докладе «От социально-экономических противоречий к новой парадигме» отметил, что мотивация в дискурсе экономической теории традиционно либо связывается с предпочтениями индивида (фирмы), либо понимается как формирование потребительского спроса, либо отождествляется со стимулированием труда. Однако, чтобы преодолеть социально-экономические противоречия, необходимо воссоединение единой изначальной телеологической системы — до выделения экономики из философии, когда высшие цели дополняли и возглавляли мотивационную иерархию, выходя за рамки потребления как основной мотивации экономической деятельности.

В.Ф. Исайчиков (главный редактор журнала «Просвещение») в своем выступлении «Как избежать грозящей катастрофы?» обратил внимание, что в условиях, когда население Земли достигло уровня, когда для обеспечения нормального уровня потребления (эквивалентного годовому душевому доходу в 75 тыс. дол.) каждому жителю Земли не

хватит ни ресурсов, ни экологической емкости планеты, а меры по гуманному сокращению численности населения в мировом масштабе не применяются, американский олигархат ориентируется на мальтузианский выход из кризиса: войны, голод, болезни. Для предотвращения этого варианта необходимо достичь небывалого ранее консенсуса как внутри производительной национальной буржуазии всех стран, так и между этой буржуазией и рабочим классом, и перейти на гуманные способы регулирования населения.

К.и.н. **И.П. Смирнов** (экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова) в докладе «Компромисс противоречит политкорректности» отметил, что, казалось бы, компромисс лежит в основе идеологии современного постиндустриального общества, построенного на либеральных принципах сочетания экономических интересов автономно действующих индивидуумов. Существенный аспект, в котором идея компромисса в западном мире нарушена, — этноконфессиональное начало, без которого, как показали М. Вебер, В. Зомбарт и их последователи, было бы невозможно складывание современного «экономического этоса». Западная цивилизация, ставшая цивилизацией экономической, провозгласила отрицание национального и этноконфессионального, т. е. в известной степени вступила на путь самоотрицания. Идеология политкорректности не знает компромисса и осуждает его. «Права человека» заступили на место международного права во внешней политике — ради них не только допустимо, но даже необходимо попирает национальный суверенитет.

История, как известно, любит парадоксы. Внешне признающая и приветствующая компромиссы идея политкорректности на деле всякий компромисс категорически отвергает. В этом, как представляется, заключены ее историческая слабость и, в перспективе, уязвимость.

К.э.н., **Е.В. Богомолов** (Финансовый университет при Правительстве РФ) в докладе «Неравенство в доходах и опасность революции» показал, что дифференциация доходов населения была достаточно высокой как накануне революционного 1917 г., так и сейчас. Однако ожидать социальных протестов не стоит в силу отсутствия такого фактора, как наличие достаточной массы молодежи. Тем не менее опасность представляет попадание в ловушку постоянного воспроизводства бедности из-за различия в доходах, что выражается в нарушении социальной мобильности и стагнации общества, снижении экономического роста в долгосрочном периоде. Требуются активные меры по сдерживанию роста неравенства доходов, а именно: совершенствование налогообложения доходов и воспрепятствование концентрации собственности.

С.С. Мерзляков (экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова) выступил с докладом «Новый общественный договор и потребность в компромиссах». С точки зрения докладчика, в настоящее время в России реализуется мобилизационный тип общественного договора. Государство предлагает населению гордость за национальную принадлежность и повод для удовлетворения потребности в идентичности взамен на лояльность. Как долго может существовать подобный контракт и каковы последствия его реализации? Существует ряд противоречий в общественной жизни России, которые могут оказать определяющее и разрушительное влияние на социальную систему: 1) между элитами разного уровня: между группами элит с разными экономическими интересами, между федеральными и региональными элитами и самое главное, на наш взгляд, противоречие между российскими элитами и элитами зарубежными; 2) между элитами и населением: при усугублении кризисных явлений в экономике это противоречие может привести к разрушению социального контракта и воскрешению у населения идеи о справедливости распределения экономических ресурсов после распада СССР; 3) между поколениями: мобилизационный тип общественного договора вполне согласуется с ценностями поколений, выросших в СССР, но может противоречить ценностям и моделям поведения нового поколения. В этом случае есть опасность получить ситуацию конфликта между формальными и неформальными институтами, что может способствовать кризисным явлениям в долгосрочной перспективе. Поэтому идея компромисса между отдельными группами становится востребованной и нуждается в детальной разработке

Д.э.н., профессор **Т.Х. Усманова** (Финансовый университет при Правительстве РФ) в своем выступлении на тему «Какие будут стандарты для населения России в рамках интеграции в ЕврАзЭС и мировое хозяйство» обратила внимание, что в условиях интеграции экономик в мировое хозяйство происходит совершенствование бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики регионов Российской Федерации. Формируется проектная модель управления территориями в условиях интеграционных процессов ЕврАзЭС. Особый интерес вызывают аспекты формирования стандартов для населения России, так как в странах Евросоюза существуют высокие стандарты для населения. Очень интересны компромиссы, которые будут сформированы в рамках развития единой финансовой системы, энергетики, логистики и транспорта в рамках ЕврАзЭС.

О.Н. Ефимова (Финансовый университет при Правительстве РФ) в докладе «Социально-экономические противоречия как вызов

развитию монопрофильных муниципалитетов России» рассмотрела пять основных проблем: ухудшение состояния градообразующих предприятий на фоне заявленных целей улучшения инвестиционного климата; влияние коррупции на фоне ужесточения контроля над расходованием средств; «догоняющие» статистические наблюдения, не дающие информацию для построения перспективных моделей развития; социально-демографические проблемы против комплекса инвестиций в человеческий капитал.

В заключение работы секции были подведены итоги. Компромисс — не менее значимый феномен и знаменательное понятие, чем отношение, конкуренция, солидарность, союз, братство, соглашение, контракт, договор. В настоящее время идея социально-экономического компромисса становится востребованной и нуждается в детальной разработке.

И.П. СМЕРНОВ

Компромисс противоречит политкорректности

Аннотация. Рассматриваются понятие «компромисс» и его конфликт с институтом политкорректности в современном обществе.

Ключевые слова: компромисс, политкорректность, экономический этос.

Abstract. The article analyses the concept of «compromise» and its inconsistency in a modern post-industrial society.

Key words: compromise, political correctness, economic ethos.

УДК 330
ББК 65; 66

Казалось бы, компромисс лежит в основе идеологии современного постиндустриального общества, построенного на либеральных принципах по возможности гармоничного соотношения и сочетания экономических интересов автономно действующих индивидуумов. Однако есть существенный аспект, в котором идея компромисса в жизни западного мира бескомпромиссно нарушена. Это то самое этноконфессиональное начало, без которого, как убедительно показали теоретики капитализма М. Вебер, В. Зомбарт и их последователи, было бы невозможно складывание современного претендующего на универсальность

«экономического этоса» в тех областях Европы, где получила развитие этика протестантизма, имевшая в том числе и заметную национальную окраску и выросшая на определенной национально-культурной почве.

Сегодня западная цивилизация, ставшая цивилизацией экономической, провозгласила отрицание национального и этноконфессионального, т. е. в известной степени вступила на путь самоотрицания. В качестве примера можно сослаться на идеологию политкорректности в современной Германии. Школа, университеты, средства массовой информации, господствующие партии — все согласованно утверждают и учат, что быть немцем вовсе не значит быть носителем немецкой культуры и немецкой мыслительной традиции. Можно презирать Шиллера и Гете (ведь они, рассматривая вопрос хронологически, «привели к Гитлеру»), быть чернокожим мусульманином, к примеру, но, если ты исповедуешь «права человека», — значит, ты немец. Возражения априори объявляются неполиткорректными и тем самым дискредитируются.

Идеология политкорректности не знает компромисса и осуждает его. «Права человека» заступили на место международного права во внешней политике — ради них не только допустимо, но даже необходимо и должно свергать правительства независимых государств, попирают национальный суверенитет, физически уничтожают государственных и национальных лидеров, заподозренных в покушении на демократию.

Компромисс предполагает довольно тонкое балансирование, где необходимо, между интересами различных этноконфессиональных групп. Характерным примером такого балансирования была «домайданная» Украина, получившая в наследство от СССР пестрый и сложный, лоскутный и во многом искусственный конгломерат территорий с исторически русским, малороссийским, донско-казацким, слобожанским, новороссийским, венгерским, румынским, чехословацким, польским прошлым. Нарушение этого хрупкого компромисса, спровоцированное политикой Запада, неизбежно привело к ожесточенной и разрушительной гражданской войне.

История, как известно, любит парадоксы. Внешне признающая и приветствующая компромиссы идея политкорректности на деле всякий компромисс категорически отвергает. В этом, как представляется, заключены ее историческая слабость и, в перспективе, уязвимость. В то же время реальная политика должна исходить из вынужденной необходимости гибкого компромисса между национальными интересами и внешним соблюдением принятой в мире линии на политкорректность.

Анонсы

Ломоносовские чтения — 2017

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
**«Потенциал экономической науки для развития
России»**

Секция лаборатории философии хозяйства

**«Наука, хозяйство, социум: взаимодействия
и трансформации»**

Наука — непосредственная производительная сила. Но не только, это еще и трансформационная (демиургическая) сила. Под влиянием научно-технического прогресса качественно меняется человек, социум, хозяйство, экономика, все бытие, вся жизнь. Однако есть и обратное влияние на науку как сферу бытия, хозяйства, экономики. Как, в каких словах и понятиях можно зафиксировать это взаимодействие, происходящие перемены? И что дальше?

18—19 апреля 2017 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Информация о конференции размещена на сайте экономического факультета. Необходимо пройти регистрацию на сайте факультета и продублировать заявку на почту лаборатории философии хозяйства <lab.phil.ec@mail.ru>.

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

«Хозяйственный антропогенез: от природы к неприроде»

Человек меняется, может, не столько физически, сколько метафизически: меняется сознание, его начинка, его жизненные и поведенческие ориентации, как и, разумеется, меняются, слово, язык, культура, мораль. Так или иначе, но процесс идет по линии (треку) от природы к неприроде, от естественности к искусственности. Что

происходит с человеком, его сознанием и поведением, его собственной природой? Каков главный тренд? И что можно ожидать впереди?

15 июня 2017 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

**IV ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ
«Средняя Россия: земля и люди»
на тему:**

«Обретение хозяйственной целостности»

Аграрная сфера развивается, достижения налицо. Но нет пока хозяйственной целостности, нет аграрного комплекса. Растениеводство и выход обильной продукции — хорошо, но отсутствует развитие животноводства, как и нет достаточной переработки сельхозпродукции, нет и рынков для отечественных продуктов. Что происходит на практике, есть ли тут какие-либо достижения? Какова государственная политика в этой области? Что предпринимает сама Средняя Россия?

Июнь—июль 2017 г.

Совместно с Администрацией Мучкапского района и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина
(Мучкапский район Тамбовской области)

* * *

Орлёнковские чтения — 2017

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

**«Мировые геостратегические тренды:
социум, экономика, политика»**

Мир интенсивно меняется. Возникают и усиливаются главные геостратегические тренды. Какие? В планетарном социуме (глобализм, локализм или партикуляризм), в международной политике (США и мир, Россия и мир, Европа, Китай, Индия, БРИКС), в мировой эконо-

мике (конкуренция или диктат, рынки или сети, стихия или управление, кризисы или перманентная кризисность...). Что есть мир сегодня и чем он может стать завтра? Проблема мировых напряжений и международной борьбы, включая войну.

Сентябрь—октябрь 2017 г.

Краснодарский край, пос. Новомихайловский, ВДЦ «Орленок»
(по специальным приглашениям)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ —
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСПУТ

**«Великое историческое событие: корни, смыслы, плоды.
К 100-летию Российской революции 1917 г.»**

Революционный 1917 г. Сначала Февральская революция, затем Октябрьская — не единый, не общий, но исторически взаимосвязанный процесс грандиозной Российской революции. Что происходило, почему, для чего? Если смысл любой революции не в революции, то тогда в чем же был смысл Российской революции — этого величайшего потрясения страны и знакового события для всего мира? Смысл Февраля и смысл Октября.

Европейские семена революции и ее российские корни. Мировая революция и Россия, Россия и Мировая революция. Бытийная Россия и внебытийная революционная антиРоссия. Грехи и вины России, ее историческая уязвимость перед натиском Революции — антироссийскость российской-де революции.

Роковой 1917 год — заслуга и достояние мировой войны? Мотивация Февраля и мотивация Октября. От Февраля к Октябрю: резкий поворот, но к чему — к мировой революции, социализму, России?

Что дала и не дала стране и миру Октябрьская революция? Революционные и антиреволюционные плоды Октября. Гражданская война. Разгром церкви. Нэп как возврат к Февралю? Феномен сталинизма. Где оказалась и кем была Россия? А если б Российской революции не было? А если б только Февраль? А если б?..

Революция как выворот бытия и антиреволюция как выворот выворота, но уже без возврата к революционно вывернутому.

А что 1990-е гг. — через призму революции, а 2000-е — через призму уже и антиреволюции? Где и как теперь Россия?

25 октября 2017 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«Россия на пути к России: концептуальный поиск
и хозяйственная стратегия»**

Учитывая тот важнейший факт, что по планетарному миру и по России уже бродит не призрак, а самая настоящая «субстанция перемен», крайне актуально провести широкую научно-экспертную дискуссию относительно движения России к своему новому социально-хозяйственному облику, уже не сугубо «европейскому», и совсем не «азиатскому», а именно российскому, непредвзято сочетающему актуальную отечественную традицию с новизной. Вот поэтому и «Россия на пути к России» — здесь не так патриотическое ожидание, как осознание геостратегической необходимости, подкрепляемой открывшейся перед страной исторической возможностью выйти наконец-то к самой себе, чему упорно способствует ожесточенная глобальная конкуренция в обстановке нарастающего вокруг России геополитического напряжения.

6—8 декабря 2017 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Заявки на конференцию (анкета и тезисы докладов — не более 3000 знаков) будут приниматься по электронной почте <lab.phil.ec@mail.ru> с 25 сентября по 31 октября 2017 г. Обязательно указание темы письма: «Заявка на конференцию декабрь 2017».

Информация о конференции будет размещена на сайте лаборатории философии хозяйства <http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/>.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, председатель Научного совета «Центр общественных наук МГУ», заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (*vkorolev@sfnu.ru*).

ЕВГРАФОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат философских наук, доцент, Российская таможенная академия, ростовский филиал, Ростов-на-Дону, Россия (*dia7@bk.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

СТРОЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат биологических наук, Университет г. Тампере, Финляндия (*s_stroev@hotmail.com*).

ОКЕАНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ,

доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований, Шуйский филиал Ивановского государственного университета, Иваново, Россия (*ocean_65@mail.ru*).

ОКЕАНСКАЯ ЖАННА ЛЕОНИДОВНА,

доктор культурологии, профессор, кафедра иностранных языков и профессиональных коммуникаций, Ивановская пожарно-спасательная академия государственной противопожарной службы МЧС России, Иваново, Россия (*ocean_65@mail.ru*).

БУГАЯН ИЛЬЯ РУБЕНОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории и предпринимательства, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Южно-Российский институт-филиал Россия, Ростов-на-Дону (*bugayan-ir@mail.ru*).

ЧУЛКОВ ЛЕОНИД КОНСТАНТИНОВИЧ,

аспирант, кафедра философии, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия (*ChulkovLK@yandex.ru*).

ПУРЫНЫЧЕВА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА,

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия (*PurynychevaGM@volgatech.net*).

КОПТЕЛОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, социологии и политологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Нижний Новгород, Россия (*koptelova2210@rambler.ru*).

НИФАЕВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономика и менеджмента, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия (*olganifaeva@yandex.ru*).

ХУСЯИНОВ ТИМУР МАРАТОВИЧ,

менеджер, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; аспирант, кафедра философии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*timur@husyainov.ru*).

АЛЬПИДОВСКАЯ МАРИНА ЛЕОНИДОВНА,

доктор экономических наук, доцент, профессор, кафедра экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*morskaya67@bk.ru*).

БАБАЕВ АЛИДЖАН ПИРИДЖАН ОГЛЫ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Азербайджанский государственный экономический университет, Баку, Азербайджан (*ababayev@rambler.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор интернет-издания «Диалектика», Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

ГУЛИЕВА АЙСЕЛЬ АЛИДЖАН КЫЗЫ,

аспирант, кафедра экономической теории, Азербайджанский государственный экономический университет, Баку, Азербайджан (*Aquliyeva5@gmail.com*).

ПОКИДЧЕНКО МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, Россия (*pokidchenko@yandex.ru*).

БИРЮКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор политических наук, профессор, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия (*birs.07@mail.ru*).

ТЕНЯКОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*itenyakov@mail.ru*).

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*kut.va@mail.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

ПОРОХОВСКАЯ ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра этики, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва (*632712@mail.ru*).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,

старший преподаватель, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия (*sansanytch08@mail.ru*).

КОЗЛАЧКОВ АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

аспирант, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; адвокат, Московская областная коллегия адвокатов, Москва, Россия (*kozlachkov.a.a@gmail.com*).

БОЙКО МИХАИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ,

кандидат искусствоведения, Государственный литературный музей, Москва, Россия (*michboy@mail.ru*).

ГЕВОРКЯН АРТУР РУДОЛЬФОВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и биоэтики Первый Московский государственный университет имени И.М. Сеченова, Москва, Россия (*argevorkyan@yandex.ru*).

СУБЕТТО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,

доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук, почетный профессор, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ведущий научный сотрудник, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Санкт-Петербург, Россия, (*subal1937@yandex.ru*).

СУББОТИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ,

магистрант, кафедра демографии, Высшая школа современных социальных наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*subbotin123@yandex.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

НИПА СВЕТЛАНА СТАНИСЛАВОВНА,

кандидат сельскохозяйственных наук, научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*nirass@mail.ru*).

СМИРНОВ ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*smir@yandr.ru*).

Our authors

OSIPOV YURIY MIKHAYLOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Chief of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

KOROLEV VLADIMIR KONSTANTINOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institute of Philosophy and Social-political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*vkorolev@sfedu.ru*).

EVGRAFOVA OLGA VLADIMIROVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Postgraduate Student, Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russia (*dia7@bk.ru*).

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

STROYEV SERGEY ALEXANDROVICH,

Candidate of Biological Sciences, Tampere University, Finland (*s_stroyev@hotmail.com*).

OKEANSKI VYACHESLAV PETROVICH,

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Literature, Scientific Director of the Center of Crizisology research Branch of Shuya Ivanovo State University, Ivanovo, Russia (*ocean_65@mail.ru*).

OKEANSKAYA JANNA LEONIDOVNA,

Professor, Department of the foreign languages and professional communication, Ivanovo Fire Rescue Academy of State Firefighting Service of Ministry for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Ivanovo, Russia (*ocean_65@mail.ru*).

BUGAYAN ILIA RUBENOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economic Theory and Entrepreneurship, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (South-Russian Branch) Rostov-on-Don, Russia (*bugayan-ir@mail.ru*).

CHULKOV LEONID CONSTANTINOVICH,

Graduate Student, Chair of Philosophy, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia (*ChulkovLK@yandex.ru*).

PURYNYCHEVA GALINA MIKHAILOVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia (*Purynycheva GM@volgatech.net*).

KOPTELOVA TATIANA IVANOVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Postgraduate Student, Chair of Philosophy, Social and Political Sciences, Nizhniy Novgorod State Agricultural Academy, Nizhniy Novgorod, Russia *koptelova2210 @rambler.ru*).

NIFAEVA OLGA VLADIMIROVNA,

Candidate of Economics, Postgraduate Student, Chair of Economics and Management, Bryansk State University of Technology, Bryansk, Russia (*olganifaeva@yandex.ru*).

KHUSIYANOV TIMUR MARATOVICH,

Manager of the Faculty of Humanitarian Sciences, High School of Economics, Graduate Student, Chair of Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod, Nizhniy Novgorod, Russia (*timur@husyainov.ru*).

ALPIDOVSKAYA MARINA LEONIDOVNA,

Doctor of Economics, Postgraduate Student, Professor, Chair of Economic Theory, Financial University under the Government of Russia Federation, Moscow, Russia (*morskaya67@bk.ru*).

BABAEV ALIJAN PIRIJAN OGLY,

Doctor of Economics, Professor, Azerbaijan State Economic University, Baku, Azerbaijan (*ababayev@rambler.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Economics, Doctor of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economy, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of Dialectics, Moscow, Russia (*knolchnov@econ.msu.ru*).

GULIEVA AISEL ALIJAN KYZY,

Graduate Student, Azerbaijan State Economic University, Baku, Azerbaijan (*Aquliyeva5@gmail.com*).

POKIDCHENKO MIKHAIL GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Moscow State University, Moscow, Russia (*pokidchenko@yandex.ru*).

BIRYUKOV SERGEY VLADIMIROVICH,

Doctor of Political Sciences, Professor, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, (*birs.07@mail.ru*).

TENYAKOV IVAN MIKHAILOVICH,

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Moscow State University, Moscow, Russia (*itenyakov@mail.ru*).

KUTYRYOV VLADIMIR ALEXANDROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod, Nizhniy Novgorod, Russia (*kut.va@mail.ru*).

GIRENOK FEDOR IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).

POROKHOVSKAYA TATIANA IVANOVNA,

Candidate of Philosophy, Postgraduate Student, Faculty of Philosophy, Moscow State University, Moscow, Russia (*632712@mail.ru*).

GORBACHYOV ALEXANDR YURIEVICH,

Senior Teacher, Belorussian State University, Minsk, Belorussia, (*sansanytch08@mail.ru*).

KOZLACHKOV ANATOLI ANATOLIEVICH,

Graduate Student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Lawyer, Moscow Regional Lawyers Association, Moscow, Russia (*kozlachkov.a.a@gmail.com*).

BOIKO MIKHAIL EUGENIEVICH,

Candidate of Artistic Sciences, State Museum of Literature, Moscow, Russia (*michboy@mail.ru*).

GEVORKYAN ARTUR RUDOLFOVICH,

Candidate of Philosophical Sciences., Postgraduate Student, First Sechenov Moscow State University, Moscow, Russia (*argevorkyan@yandex.ru*).

SUBETTO ALEXANDR IVANOVICH,

Doctor of Economics, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Technical Sciences, Honorable Professor, Yaroslav Mudriy State University

of Novgorod, Senior Researcher, North-East Federal University, Saint-Petersburg, Russia (*subal1937@yandex.ru*).

SUBBOTIN ALEXANDR ALEXEEVICH

Graduate Student, High School of Modern Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Senior Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*)

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,

Research Manager, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

NIPA SVETLANA STANISLAVOVNA,

Candidate of Agricultural Sciences, Research Manager, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*nipa-ss@mail.ru*)

SMIRNOV IGOR PAVLOVICH,

Candidate of History, Senior Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*smir@yandex.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 30 000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках:

- сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле);
- названия статьи;
- аннотации;
- ключевых слов;
- списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе должны включать:

- полные фамилия, имя и отчество, основное место работы (учебы), занимаемая должность;
- ученая степень, звание;
- полный почтовый адрес основного места работы (учебы);
- контактный телефон и адрес электронной почты.

Каждая статья должна сопровождаться индексом УДК, ББК (в левом верхнем углу до названия).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом (не допускается использование других стилей), располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публи-

кации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: перевод на английский язык (как правило, для свежих статей, если в оригинале имеется авторский вариант перевода) или транслитерация.

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (вариант BSI).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). **Рисунки и схемы**, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Название — под рисунком. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается РИСО.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных не предназначенных для открытых публикаций несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала:

Материал, предлагаемый для публикации в журнале, должен быть оригинальным и ранее не публиковавшимся в других научных изданиях. Опубликованные в статье данные должны иметь указание на источники.